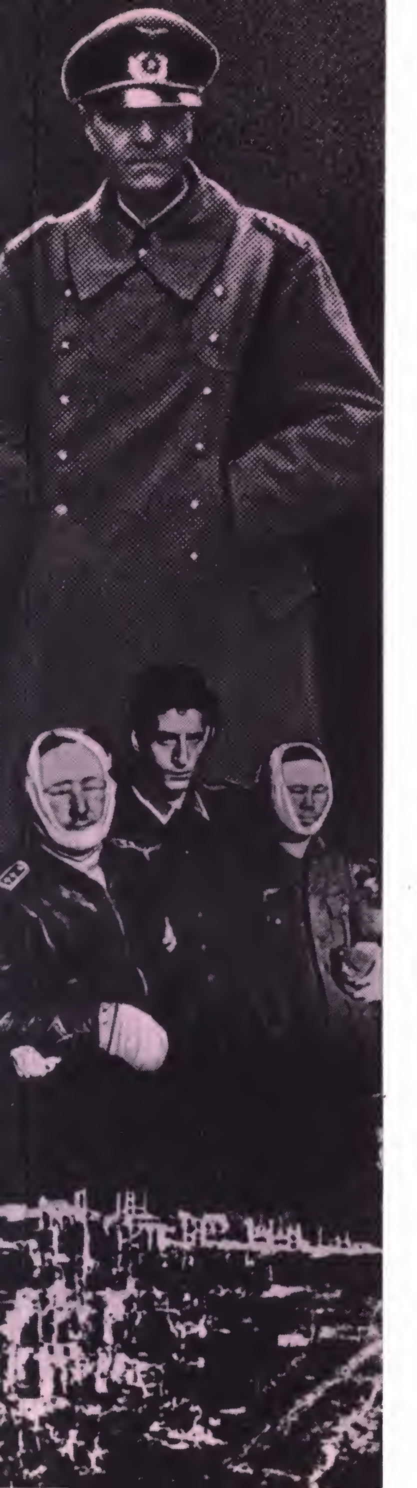

АЛЕКСАНДР БЛАНК

БОРИС ХАВКИН

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА

USSR-156.

Erklärung von Paulus. 8. I. 1946.

An die Regierung der U. d. S. S. R.

Moskau

Am 8 August 1944 habe ich mich an das deutsche Volk gewandt, um es zum Sturze Hitlers und zur Beendigung des sinnlos gewordenen Kampfes aufzurufen. Weiterhin habe ich durch Radioansprachen und Verschickung von Schreiben und Aufrufen an Führer und Truppen im selben Sinne zu wirken gesucht

Heute, wo über die Verbrechen Hitler's und seiner Helfer ~~abgeurteilt werden~~ Gericht der Völker gehalten wird, sehe ich mich verpflichtet, alles, was mir aufgrund meiner Tätigkeit bekannt ist und als Beweismaterial für die Schuld der Kriegsverbrecher im Nürnberger Prozess dienen kann, der Sowjetregierung zu unterbreiten

Ich gehörte vom 3. IX. 1940 bis 18 I. 1942 als Oberquartiermeister I dem Generalstab des Heeres an. Meine Aufgabe war, den Generalstabschef zu vertreten, im übrigen die mir von ihm zugewiesenen Sonderaufträge zu erledigen, Von den Abteilungs-

АЛЕКСАНДР БЛАНК
—
БОРИС ХАВКИН

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА

МОСКВА
«ПАТРИОТ»
1990

ББК 63.3(0)62
Б68

Редактор М. М. Журавлев
Художник В. Б. Тихомиров
Рецензент Д. М. Проэктор,
доктор исторических наук, профессор

Бланк А. С., Хавкин Б. Л.

Б68 Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса.— М.: Патриот, 1990.— 208 с., 8 л. ил.
65 к.

От человека, крайне верного идеям Гитлера, до открытого борца против фашизма — таков путь Фридриха Паулюса. Как происходила эта эволюция? Что наряду с сокрушительным поражением под Сталинградом повлияло на его мировоззрение? Как жил и чем занимался в плену бывший командующий 6-й армией? На эти и другие вопросы дают ответы авторы издания — переводчик в годы войны, а позднее известный советский историк А. С. Бланк и его ученик кандидат исторических наук Б. Л. Хавкин.
Для массового читателя.

Б $\frac{1305010000-081}{072\ (02)-89}$ КБ-11-04-89

ББК 63.3(0)62
9(М)72

ISBN 5-7030-0357-1

Вместо предисловия

Пирог из брюквы, украшенный десятью свечами. Такое «праздничное угощение» ел, сидя на железной койке в подвале здания универмага в Сталинграде, командующий 6-й армией вермахта Фридрих Паулюс 30 января 1943 года. В штабе армии отмечали 10-летие прихода к власти фюрера Германии Адольфа Гитлера.

Настроение генералов и офицеров штаба было мрачным: окруженная советскими войсками группировка рассечена надвое. Управление армией парализовано. Нет боеприпасов, продовольствия. Потери огромные. Солдаты деморализованы, сдаются русским целыми подразделениями. Кольцо окружения стягивается все туже. Силы на исходе. Помощи ждать больше неоткуда...

На следующий день, 31 января 1943 года, Паулюс, накануне произведенный в генерал-фельдмаршалы, сдался в плен вместе со всем своим штабом. А еще спустя двое суток, 2 февраля 1943 года, полной победой советских войск завершилась Сталинградская битва.

Это грандиозное сражение ознаменовало коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны. На Волге был нанесен жесточайший удар не только по военной мощи гитлеровского рейха и его сателлитов, но и по всей общественно-политической системе фашизма, надломлен наступательный порыв нацистских полчищ и боевой дух вермахта. Разгромленными оказались пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-я и 4-я танковая), две румынские (3-я и 4-я) и одна итальянская (8-я). Всего за 200 дней и ночей битвы на Волге потери гитлеровцев составили до 1,5 миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, около 3,5 тысячи танков и штурмовых орудий, свыше 12 тысяч орудий и минометов, более 3 тысяч боевых и транспортных самолетов.

Одержанная на Волге победа Советской Армии укре-

пила антигитлеровскую коалицию, упрочив положение Советского Союза как ее ведущей силы. Народы Англии и США усилили нажим на правящие круги своих стран, требуя от них более действенных мер в борьбе против общего врага.

Катастрофа вермахта под Сталинградом показала народам захваченных фашистской Германией государств, что на востоке занялась заря их грядущего освобождения. Борьба этих народов облегчалась тем, что гитлеровцы были вынуждены ослабить свой тыл. В связи с сокрушительным поражением на восточный фронт из Франции и Бельгии было переброшено до 20 германских дивизий.

Разгром агрессоров на Волге отозвался мощным эхом во всей сфере германского влияния. Появились глубокие трещины в треугольнике Берлин — Рим — Токио. Еще больше возросло неверие в возможность победы над Советским Союзом в странах — сателлитах Германии — Финляндии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Окончательно потерпел фиаско расчет фишистской клики втянуть Турцию в войну против СССР.

Есть и еще один важный результат битвы на Волге: именно с нее началось идейное прозрение сотен тысяч солдат, офицеров и генералов гитлеровского вермахта. Как особо примечательная вошла в историю идейная эволюция командующего сталинградской группировкой генерал-фельдмаршала Паулюса.

Имя Фридриха Паулюса неразрывно связано со Сталинградской битвой. На него гитлеровское руководство возлагало большие надежды: он был призван реабилитировать авантюристическую стратегию Гитлера, стереть память о провале блицкрига и разгроме фашистских войск под Москвой, закрепить за Германией стратегическую инициативу в войне.

Но этим расчетам не суждено было сбыться. Советские Вооруженные Силы нанесли немецко-фашистской армии и гитлеровскому рейху такой удар, от которого они уже не могли окончательно оправиться. Перед всем миром в подлинном свете предстал авантюризм фашистского генералитета в подходе к решению стратегических проблем, трусость и нерешительность военной верхушки, готовой во имя послушания преступнику-фюреру обречь на очевидную гибель сотни тысяч своих соотечественников. За «голгофу германской армии на

берегах Волги» — так назвал разгром войск вермахта один из офицеров 6-й армии — несет полную ответственность наряду с гитлеровской кликой и германский генералитет, в том числе и Паулюс.

Однако поражение вермахта в Сталинградской битве не является лишь результатом просчетов или ошибок гитлеровского командования или нерешительности и колебаний самого Паулюса, как это пытаются нередко изобразить западногерманские, американские и другие западные историки.

Главное в том, что уже тогда ход военных действий во многом определялся не фашистским генералитетом, а командованием Красной Армии, разработанными им стратегией и тактикой, возросшей боеспособностью и опытом Советских Вооруженных Сил, значительно окрепнувшим взаимодействием фронта и тыла. В своей «первой» жизни Паулюс не сумел этого понять — он в безнадежной обстановке до самого пленения продолжал бессмысленное сопротивление. Глубокие причины и закономерности, обусловившие разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, Паулюс понял, уже находясь в советском плену. У него в ту пору шла мучительная и трудная переоценка всех ценностей, своего прошлого. И именно тогда началась «вторая» жизнь фельдмаршала Паулюса. Итог его размышлений — разрыв с фашизмом, вступление в антифашистский «Союз немецких офицеров» и движение «Свободная Германия», борьба против гитлеровской клики, патриотическая деятельность на родине — в Германской Демократической Республике.

Западные историки и публицисты нередко используют личность Паулюса в целях антикоммунистической пропаганды. Ими всячески поддерживается пущенная давно в ход легенда о непримиримых разногласиях, которые якобы существовали между генералитетом вермахта и гитлеровским руководством. Паулюс нередко изображается неким страдальцем, который не был до конца понят Гитлером и в результате потерпел поражение. А кое-кто даже идет дальше, опускается до вымыслов и клеветы. Так Паулюс порой показывается как жертва обмана и принуждений, которым он будто бы подвергался в годы пребывания в плену в Советском Союзе.

Эволюция во взглядах Паулюса действительно огром-

ная. Да и произошла она за небольшой срок — менее двух лет. Это было время тесного общения фельдмаршала с советскими людьми и немецкими антифашистами. Оно оказалось сильнее всего того, что было им впитано десятилетиями воспитания в кастовых милитаристских традициях и нацистской обработки.

Книга «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса» освещает небольшой отрезок биографии бывшего фельдмаршала — чуть более десяти лет. Первая ее часть, воссоздающая период до пленения фельдмаршала, написана на основе документов, воспоминаний и отдельных замечаний самого Паулюса о прошлом — он был немногословен, когда речь заходила о довоенном времени или первых военных годах. Авторы в ряде случаев на основе документов и мемуаров лиц, лично знавших Паулюса, развили короткие, скупые рассказы и даже отдельные реплики фельдмаршала, реконструировали упомянутые им события.

Рассказ о второй жизни видного гитлеровского военачальника, представляющий собой главную часть книги, основан прежде всего на воспоминаниях одного из авторов. Однако память не всегда надежный инструмент, поэтому многие эпизоды сверялись с документами того времени.

Судьба Паулюса, о которой рассказано в этой книге, поучительна и в наши дни, когда новое мышление все активнее пробивает себе дорогу к умам людей. Среди сторонников нового политического мышления в странах Запада есть немало бывших солдат второй мировой войны, ставших промышленниками и учеными, священниками и писателями, педагогами и врачами. Есть среди них и военные, объединенные в движение «Генералы за мир».

Но есть на Западе и такие силы, которым все еще не дают покоя «лавры» гитлеровских претендентов на мировое господство.

Помнят ли они сталинградский горький пирог из брюквы?

ЧАСТЬ 1

Между двумя войнами

— Нет, нет. Я не «фон», я из тех Паулюсов, что незнатного происхождения. Это Черчилль меня в дворянство произвел...

Лицо фельдмаршала вмиг изменилось, помрачнело. И он по-английски, как бы подражая Черчиллю, но с заметной долей сарказма произнес:

— Армия фон Паулюса стоит на берегах Волги.

И тут же, перейдя на немецкий, осуждающе заметил:

— Он вообще большой мастер на всякие небылицы, этот ваш злейший союзник...

Минуту-вторую помолчав, добавил:

— Не было в нашем роду графов, князей и баронов. Не было дворян... И, сами посудите, откуда им было взяться, дворянам?

Мы сидели на скамеечке под густо цветущим вишневым деревом в небольшом садике. В центре его находился «генеральский дом». Здесь, в Суздальском лагере для военнопленных, проживали в 1943 году все высшие чины вермахта, плененные Красной Армией под Сталинградом.

— Я родился 23 сентября 1890 года,— продолжал Паулюс.— Так что осенью, если буду жив и здоров, отмечу пятьдесят третий день рождения. Родина моя — маленькое местечко Брайтенау — Герсхаген в Гессене. Семья, скажу откровенно, была небогатой: отец мой, Эрнст, в ту пору казначей исправительного заведения — работного дома для мелких преступников, бродяг и бездомных. Мать моя, Берта, урожденная Неттельбек, дочь старшего инспектора и регента этого же исправительного заведения. Хорошо помню деда по материнской линии — величественный старик в мундире с медалями, с большой окладистой бородой и пышными усами.

Когда мне было тринадцать лет, отца перевели в Кассель на должность главного бухгалтера земельных

касс. Это было повышением, и семья стала жить лучше. Затем отец не поладил с начальством и начал ходатайствовать о переводе в другое место. Его просьба была удовлетворена, и мы переехали. У родителей нас было трое: брат Эрнст, сестра Корнелия, в обиходе — Нелли, и я.

В Касселе прошли гимназические годы — много читал, любил спорт. В старших классах увлекся спорами о кодексе мужской чести, выбором дамы сердца...— Паулюс улыбнулся, видимо, вспомнив какие-то детали безвозвратно ушедшей молодости.— Страшно подумать, как давно это было! И какие прекрасные времена переживаешь в юности!

В этих его словах вдруг почувствовался неподдельный восторг и неостывший юношеский задор. Но уже спустя минуту голос фельдмаршала потускнел, от него повеяло холодной рассудительностью.

— Да, гимназию имени кайзера Вильгельма я окончил в Касселе в 1909 году. Думал о карьере военного моряка, полагал, что в будущей войне,— а в том, что она недалека, ни я, ни мои одноклассники не сомневались,— флот сыграет решающую роль. Ведь нашим главным противником считалась Англия — владычица морей. О войне с Россией — схватке между Вилли и Никки [1], кузенами — никто из нас, по крайней мере, и не помышлял.

Но среди кандидатов в офицерскую флотскую школу были более знающие и... более знатные. Словом, не попал.

Фельдмаршал сделал паузу, закурил, закрыл глаза и подставил лицо солнцу. Спустя несколько минут продолжил:

— Так вот, на флот я не попал и с мечтой о морской службе решил расстаться. Поступил в университет в Марбурге. Штудировал право, но интереса к нему не питал. Видно, моей судьбой была военная карьера...

Как бы то ни было, университет оставил, проучившись всего один семестр. В феврале 1910 года стал фаненюнкером [2] 3-го пехотного полка маркграфа Людвига Баденского. А через полтора года, окончив училище в

---

[1] Вильгельм II — германский император и Николай II — император всероссийский.

[2] Курсант в звании прапорщика. *(Здесь и далее примечания авторов).*

Енгерсе, стал лейтенантом. И вот уже тридцать два года стаж моей офицерской службы.

— Это не так много для того, чтобы пройти путь от лейтенанта до фельдмаршала,— сказал один из советских офицеров — собеседников военнопленного.

Паулюс усмехнулся и, как бы поправляя его, нервно заметил:

— Вы, пожалуй, хотели сказать — до бывшего фельдмаршала... Генерал в плену — для нашей армии явление ненормальное: германский генерал должен либо победить, либо погибнуть... А генерал-фельдмаршал тем более... Это вот мне выпала сомнительная честь быть первым германским фельдмаршалом, сдавшимся в плен. Весьма сомнительная честь...

Паулюс решительно встал, резко одернул мундир.

— Пойду отдохну,— не скрывая волнения, бросил он,— что-то слишком жарко сегодня.

Его последние слова прозвучали уже на ходу. Фельдмаршал направился к своему домику в центре сада.

Собственно, никто из нас к воспоминаниям о прошлом фельдмаршала не приглашал. Мы хорошо знали основные вехи его биографии и военной карьеры. Всю первую мировую войну Паулюс был на Западном фронте. Служил в штабах, в отборных частях альпийского корпуса. К концу войны он — капитан с двумя высокими наградами — железными крестами I и II степени. С 1918 года Паулюс на штабной работе. Служил с усердием. И был образцовым офицером. Потому, наверное, фельдмаршал любил говорить:

— Если я и был связан с режимом, то не поместьями, не банковскими счетами, не титулами, а верностью присяге.

Согласно Версальскому договору «большой генеральный штаб» армии кайзера Вильгельма II подлежал роспуску. Но в 1919 году было создано новое командование вооруженных сил — рейхсвера и так называемое военное ведомство — тайный генеральный штаб. Под крышей этого военного ведомства милитаристская верхушка рассчитывала сохранить наиболее ценные и перспективные офицерские кадры.

Во главе ведомства был поставлен генерал Ганс фон Сект. В апреле 1920 года он становится командующим рейхсвера. Сект, воспитанный в духе традиционного милитаризма прусского образца, проявил искусство

управления «малой армией», какой был стотысячный рейхсвер, подготовляемый для большой войны. «Полководец должен быть и гибким политиком»,— считал Сект и сам неукоснительно следовал этому принципу. В отличие от своих менее дальновидных и проницательных коллег, он, в частности, сумел понять, какую силу представляет собой Советская Россия, какой мощный импульс развития она получила в 1917 году. «Силой оружия,— говорил Сект,— это развитие задержать нельзя».

В 1920 году в специальном меморандуме на имя главы правительства Веймарской республики генерал Сект предостерегал от недооценки сил молодого Советского государства. «Война Германии против России была бы безнадежным делом... Россия имеет за собой будущее, она не может погибнуть». В другом письме, направленном рейхсканцлеру Германии в июне 1922 года, Сект анализировал рост экономического и политического влияния Советской страны. «Кто в мире видел более крупную катастрофу, чем испытала Россия в последней войне? — писал он.— И как быстро окрепло Советское правительство и его внешняя и внутренняя политика!»[1]

И все же Сект оставался убежденным антикоммунистом, сторонником безусловного подавления «большевистской опасности» в самой Германии. Он стоял на пангерманских позициях, выступал за «аншлюс» Австрии[2], ликвидацию независимости Польши, захват ее земель. Признание силы Советского государства, предостережение относительно недопустимости агрессии против него и войны на два фронта — на Западе и на Востоке — диктовались реалистическим подходом к оценке событий и положения в Европе. Более того, в книге «Германия между Востоком и Западом», написанной, когда «отец рейхсвера» был уже не у дел, Сект призывал к экономическому сотрудничеству с Советским Союзом, невзирая на враждебное отношение к коммунистической идеологии.

«Сект уважал русских и хотел жить с ними в мире»,— сказал однажды Паулюс. Но это была далеко не полная правда. На самом деле, Сект был просто гибче, дальновиднее гитлеровских стратегов. Он усвоил завет Бисмарка: война на два фронта — гибель для Германии.

---

[1] Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart. 1958. S. 185.

[2] Насильственное присоединение Австрии к Германии.

Сект оказывал решающее влияние на формирование нового германского офицерского корпуса. Способности и образованность офицеров ценились при нем высоко. Именно в эти годы ранее безвестный капитан Паулюс начинает по меркам тех времен уверенно делать карьеру. Правда, на званиях это отразилось мало — быстрые производства пошли позднее, в гитлеровские времена. И все же капитан, а затем майор Паулюс считался одним из любимых учеников генерала.

— Однажды,— делился воспоминаниями фельдмаршал,— шеф вызвал меня и показал немую оперативную карту. «Вспомните, Паулюс, какая диспозиция сил и в каком сражении здесь изображена?» — Я внимательно посмотрел на карту и сказал: «Это начало битвы под Росбахом. Прусские войска разгромили здесь французов в 1787 году, господин генерал...»

— Браво, Паулюс, я давно присматриваюсь к вам, вы штабист по призванию и способностям.

Сект ушел в отставку. А Паулюс продолжал исправно нести службу. Семья — жена и трое детей — жила безбедно, средств было больше, чем у коллег. Паулюсов опекали тесть и теща — богатые румынские помещики. На их дочери, старшей сестре своих сослуживцев — офицеров-румын, лейтенант Паулюс женился в 1912 году. Родители невесты были против брака.

— Это был явный мезальянс,— говорил тридцать лет спустя Паулюс.— Лейтенант из семьи среднего чиновника, без связей и состояния, живущий на одно лишь офицерское жалование, и блестящая красавица Елена Констанция Розетти-Золеску, украшение бухарестского бомонда... Когда я знакомил невесту со своими родителями, отец и мать не могли выбрать верного тона беседы. Они явно робели в присутствии столь знатной и богатой дамы, имевшей собственный выезд, камеристку... Но Елена Констанция была умна, мила, тактична. И все в конце концов устроилось...

— Первым нашим ребенком,— продолжал рассказ фельдмаршал,— была дочь Ольга. Она родилась через неделю после начала войны, в августе 1914 года. Теперь Ольга баронесса фон Кугенбах. Ее родня по мужу — очень родовитые аристократы... Спустя четыре года, незадолго до окончания войны, родились близнецы Фридрих и Эрнст Александр. Оба стали кадровыми офицерами. Где они сейчас — не знаю. Эрнст Александр до

последних дней был в котле, получил тяжелое ранение в голову. Он эвакуировался на одном из последних санитарных самолетов. Не хотел покидать отца.

После некоторого молчания, вызванного, видимо, воспоминаниями Паулюса о сыне, беседа возобновилась. И тут последовал, пожалуй, неожиданный для него вопрос:

— Скажите, господин фельдмаршал, как относились вы к нацистам, которые уже в начале тридцатых годов настойчиво рвались к власти? К их фюреру Гитлеру?

— Честно говоря, я их не замечал... В Берлине, когда я приезжал туда из Дрездена, Марбурга, Ганновера и других мест, где приходилось служить, всегда было шумно и крикливо... Митинги, демонстрации, потасовки — я всегда проходил мимо этого. Вообще политика нам, военным, была чужда, я бы сказал, враждебна. Армия была вне ее. Вернее, старалась быть.

— Но ведь это противоречие, господин фельдмаршал. Вы сами ссылались на Секта, который учил военных быть одновременно политиками?

— О, это там, на верхних этажах. А кем был я? Офицер из провинциальных гарнизонов, служивший на скромных должностях. И даже не «фон»,— улыбнулся Паулюс.

Фельдмаршал скромничал. Карьера его быстро взмыла вверх именно после 1933 года, когда гитлеровская клика захватила власть в Германии.

— Захватила? — скажет позже в одной из бесед Паулюс.— Но, позвольте, фюрер пришел к власти законным путем. Президент Гинденбург лично попросил его сформировать правительство. И партия Гитлера получила большинство на выборах в рейхстаг. Германский офицерский корпус никогда не стал бы служить правительству, узурпировавшему власть... Присягать его главе [1]...

О верности присяге, законном праве ее нарушить,

---

[1] Здесь, как и во многих других высказываниях, Паулюс был неискренен: известно, что реакционные монополии в тесном союзе с военщиной поддерживали нацистов с первого же дня существования партии и привели их к власти. Выступая перед генералами рейхсвера в резиденции канцлера вскоре после прихода к власти, Гитлер прямо заявил: «Если бы не вы, меня бы здесь не было. Я этого не забуду».

См. об этом: Безыменский Л. А. Германские генералы с Гитлером и без него.— М., 1964. С. 37.

обо всем этом речь пойдет позже, когда начались длинные дискуссии. А тогда, в тридцать третьем, Паулюса переводят в Берлин. Майор, подполковник, полковник генерального штаба. Великолепный особняк на Тирпицуфер. Елена Констанция едет заказывать интерьеры в Париж, куда на ее имя поступил солидный чек из Бухареста.

Стотысячный рейхсвер канул в вечность. Растоптав, превратив в пустую бумажку ограничительные статьи Версальского договора, гитлеровцы в марте 1934 года опубликовали (в последний раз!) военный бюджет Германии. Он был выше, чем в предыдущем году, на 350 миллионов марок. Гитлеру нужны были солдаты. И как можно больше солдат. В 1934 году в рейхсвере служит уже 480 тысяч человек. На следующий год в Германии вводится всеобщая воинская повинность. Армия получает новое название — вермахт. В нем в 1935 году уже насчитывается 550 тысяч солдат и офицеров.

Форсированными темпами создаются военная авиация — люфтваффе, военно-морской флот, особенно подводный. Реорганизуется командование вооруженных сил. Начальник управления сухопутных войск Фрич и начальник управления военно-морских сил Редер назначены главнокомандующими соответствующих родов войск. Войсковое управление преобразуется в генеральный штаб, его возглавил Бек. Главнокомандующим люфтваффе стал Геринг.

К началу второй мировой войны сухопутные войска Германии составили 3,7 миллиона солдат и офицеров, 3195 танков, более 26 тысяч орудий и минометов. В военно-воздушных силах насчитывалось 373 тысячи человек, 4093 боевых самолета, в военно-морском флоте — около 160 тысяч моряков и 107 боевых кораблей, в том числе 57 подводных лодок [1].

И уже в первые годы фашистской диктатуры Гитлер приказал приступить к составлению различных планов, предусматривавших подготовку агрессии против соседних стран. Сначала планы ремилитаризации Рейнской зоны, затем план «Грюн» — нанесение удара по Чехословакии, и план «Отто» — удар по Австрии, в последующем — еще более крупные агрессивные акции.

[1] Вторая мировая война. Краткая история.— М., 1984, С. 39.

Для претворения их в жизнь нужны были грамотные, квалифицированные офицеры и генералы.

Способный Паулюс — послушный, образованный, педантичный, лояльный — конечно же не оставался в тени. Офицер-разработчик оперативного управления генерального штаба сухопутных войск, начальник отдела генштаба, наконец, обер-квартирмейстер — первый заместитель начальника генштаба — этот путь Паулюс проходит всего лишь за пять лет. Чем не карьера?!

Авантюризм Гитлера нисколько не смущает его.

— Я офицер,— ссылался тогда как на самое безошибочное оправдание Паулюс,— и выполняю точно и неукоснительно все, что приказано. Политика не мое дело. Политикой занимаются господа с Вильгельмштрассе [1].

А как же человеконенавистнические планы истребления целых народов, «хрустальная ночь»[2], концлагеря и кровавый террор в стране?

— Я об этом почти ничего не знал,— скажет Паулюс в пору пребывания в плену.— А над тем, что становилось известным, не задумывался. Правда, я хорошо понимал, что положение узников концлагерей было очень тяжелым.

Он молчал, либо вспоминая что-то, либо взвешивая, сказать или не сказать. И все же Паулюс решился привести вспомнившийся ему случай.

— Однажды, проезжая на своем автомобиле по автостраде близ Мюнхена, я обогнал колонну узников. Их гнали пешком, вероятно, уж немало часов, многие брели еле-еле, шатались. Их подгоняла стража с собаками. Я медленно проехал вдоль посторонившейся по команде колонны. Лай овчарок, нетерпеливые гудки машин, крики и глухие удары охраны, освобождающей путь для важных господ,— все это удручало. А запах от колонны шел такой, какого мне не приходилось нюхать даже в полевых лазаретах под Верденом.

Я тогда с жалостью подумал о своем несчастном шурине Альфреде. Ведь у сестры моей жены Елены Констанции был неудачный брак: она влюбилась в художника из левых. Такой шумный, взлохмаченный спорщик,

---

[1] Улица Берлина, на которой находилось здание министерства иностранных дел фашистской Германии.

[2] Ночь массовых еврейских погромов 9—10 ноября 1938 года.

к тому же с примесями еврейской и цыганской крови. Жили они — золовка с этим типом — невенчанные, связь с ними пришлось прекратить... Но в тридцать восьмом — об этом мы узнали от тещи — художник попал в концлагерь... Вот я и подумал, проезжая мимо колонны: может быть, бедный Альфред бредет среди них...

— Ну а поджог рейхстага? — допытывались переводчики.— Как, вы поверили тогда, что рейхстаг, как утверждали нацистские вожаки, подожгли коммунисты? Или все-таки сомневались?

— В ту пору,— сдержанно отвечал Паулюс,— я никогда не сомневался в истинности того, что говорит глава имперского правительства. Он не может лгать. Ну а степень виновности в Германии определяет суд... И он был справедливым. Эти болгары — не помню сейчас их фамилий — были оправданы... А один из них, как я слышал, даже сделал большую карьеру у вас, в России...

Странно, но при всем своем усердии и готовности послушно служить Паулюс, как говорится, не пришелся ко двору и сам не испытывал большого уважения к окружающим генералам и офицерам. Острую неприязнь вызывали у него Кейтель, за которым стойко закрепилось прозвище Лакейтель, чванливый Манштейн, холодновежливый и смотрящий на всех свысока Браухич. Только с Рейхенау — из «старой гвардии» — и с Хойзингером — из «молодых» — Фридриха Паулюса связывали доброжелательные отношения.

Однажды в газете для военнопленных появилась статья о партизанах, действовавших в Чехословакии. В ней упоминалось об убийстве чешскими патриотами палача чешского народа Гейдриха.

— Это была самая страшная фигура среди наших государственных мужей,— счел нужным поделиться своим мнением фельдмаршал Паулюс.— Жестокий, хитрый, коварный. Я однажды «имел честь» быть приглашенным к нему на беседу.

— Как вы понимаете,— подчеркнул Паулюс,— вызов к Гейдриху даже для генерала ОКХ [1] был не рядовым событием. И ехал я к нему весьма обеспокоенным. Среди офицеров и генералов как ОКХ, так и ОКВ [2] Гейдрих пользовался плохой репутацией. Все у нас знали, что во

[1] Верховное командование сухопутных войск.
[2] Верховное командование вермахта.

времена Веймарской республики его изгнали с флотской службы по постановлению суда чести — за поступок, позорящий офицерское звание. С тех пор шеф РСХА[1] ненавидел кадровых офицеров.

Гейдрих выполнял самые деликатные поручения фюрера, в том числе и по компрометации высокопоставленных военных. Это он способствовал женитьбе военного министра Бломберга на женщине, о которой было точно известно, что несколькими годами ранее гамбургская полиция зарегистрировала ее как профессиональную проститутку.

Прошлое новоиспеченной жены военного министра вскоре получило широкую огласку. Бломбергу пришлось уйти в отставку, что стало крупной победой СС над старым генералитетом. Гейдрих же умело пустил слух о гомосексуализме генерала Фрича. И хотя последнему удалось реабилитировать себя, имя его было запачкано, а карьера закончена. В то же время среди офицеров генштаба имела хождение версия, будто Гейдрих послал людей с кувалдами, которые разбили в куски мраморное надгробие над одной из полузаброшенных могил Лейпцигского кладбища, где якобы была похоронена его бабушка с неарийским именем.

Сам Гейдрих занимал в соответствии с иерархической лестницей рейха тринадцатое место в государстве. На деле же его роль была значительнее.

Словом, встреча с Гейдрихом не предвещала ничего хорошего.

— Обергруппенфюрер поинтересовался здоровьем моей супруги,— продолжал Паулюс.— По-видимому, он знал о ней от своей жены: Елена Констанция и Лина Гейдрих состояли в каком-то благотворительном обществе. «Ваша жена, генерал, предмет постояного внимания наших модниц — говорят, ее наряды столь же великолепны, сколь дороги... Где вы берете столько денег, мой дорогой? — шутил Гейдрих.— У меня, например, их нет». Затем согнал с лица улыбку. «Наши арийские женщины выбирают сейчас строгий стиль одежды — идет война и отечество сражается»,— заметил он. Это было явным намеком на ненемецкое происхождение Елены Констанции — «наши арийские женщины»...

«Но я,— Гейдрих окончательно отбросил шутливый

---

[1] Главное управление имперской безопасности.

тон,— пригласил вас, разумеется, не для беседы о нарядах наших дам. Речь идет о вашей будущей поездке в Бухарест и Будапешт... Мы хотели бы вас кое о чем попросить...»

Фельдмаршал замолчал. Продолжения рассказа не последовало. Паулюс без внешне видимой связи со сказанным заметил:

— Кто-то правильно говорил: каждый представляет себе другого по своему образцу и подобию. Это очень верная мысль.

Больше о Гейдрихе фельдмаршал не упоминал: разговор так и остался незаконченным. Лишь спустя некоторое время близкий друг Паулюса, его бывший первый адъютант Вильгельм Адам досказал конец этой истории.

Поговорив о модах и скромности, с которой следует вести себя арийской женщине, Гейдрих перешел к делу: «И так, у нас есть к вам просьба». Он тут же снял телефонную трубку, негромко, но довольно настойчиво сказал: «Шелленберг, прошу зайти ко мне». Незамедлительно появился шеф закордонной разведки РСХА и безапелляционным тоном заявил Паулюсу:

— Господин генерал, нам известно, что один ваш родственник в Бухаресте служит начальником шифровального отдела министерства иностранных дел Румынии. Будем называть его Штефан. Другая ваша румынская родственница — будем называть ее Розита — вышла замуж за коммуниста, который находится в превентивном заключении. Мы знаем также, что ваша третья румынская родственница замужем за человеком, который остался в большевистской Бессарабии. Наконец, и это главное, нам известно, что вы, господин генерал, истинный патриот и верный солдат фюрера...

Шелленберг умолк, нагло разглядывая лицо Паулюса. Скорее всего, он хотел понять, какое впечатление удалось произвести на молодого генерала. Видимо, разведчик уловил на его лице растерянность и, посчитав вопрос решенным, без всякой маскировки изложил главное.

— Так вот, на днях вы едете в Бухарест. Мы не можем поручиться, что румыны всегда честны и откровенны с нами. И если бы ваш родственник Штефан помог нам в этом убедиться, то мы высоко оценили бы такую услугу.

Паулюс буквально захлебнулся от гнева. Не скрывая своего возмущения, он переспросил Шелленберга:

— Вы хотели, чтобы я завербовал для вас Штефана? Правильно я понял ваше предложение?

— Ну зачем же столь упрощенно излагать деликатные вопросы,— с наигранной обидой сказал Шелленберг.— Речь идет об укреплении отношений доверия — не более того.

— Нет уж, увольте. Я солдат, господин полковник (Шелленберг имел тогда звание штандартенфюрера СС, что соответствовало званию полковника в армии), и привык говорить прямо, без всяких околичностей. Я не подхожу для роли вербовщика агентуры, не умею выкрадывать чужие шифры. Мое дело — воевать, а если понадобится, умереть за фюрера и отечество.

И тут вмешался молчавший все время Гейдрих:

— Мы ни к чему не принуждаем вас, господин генерал. Вальтер просто попросил о маленькой услуге. Для нас ясны мотивы вашего отказа, мы уважаем их. Ведь вы не хотите подвергать опасности близкого родственника вашей супруги.

И даже в этот момент Гейдрих не упустил возможности кольнуть Паулюса. Только что прозвучавшее заявление о понимании его позиции в отношении родственника он дополнил явно оскорбительной фразой:

— Да и столь щедрого человека — ведь он распоряжается семейными счетами семьи Розетти.

Увидев, как вновь вспыхнуло лицо Паулюса, хозяин кабинета встал с места, примирительно сказал:

— Забудем об этом разговоре. Вальтер, вы свободны.

...Ближайший визит предстоял тогда Паулюсу не в Румынию, а в Венгрию, в Будапешт. Хорти был неискренен и увертлив. Но как он ни крутился, все же ему пришлось пообещать сорок дивизий для отправки на восточный фронт.

В Бухаресте было легче: там без труда удалось получить обещание послать на восток тридцать дивизий. Но Паулюс знал цену румынским солдатам. На прощальном приеме к нему подошел генерал Мазарини. Он был сверху донизу увешан орденами и медалями. Паулюс даже удивился: нечасто приходилось видеть такое.

— Вам, наверно, много пришлось воевать, генерал? — спросил он Мазарини, плохо говорившего по-немецки.

— Два месяца в первую мировую войну.

— Но вы, пожалуй, очень умело воевали?

Мазарини не понял иронии и гордо ответил:

— После войны я много сделал для сигуранцы[1]. Мои заслуги по достоинству отмечены.

Мог ли знать тогда Паулюс, что через два с половиной года ему придется наказывать генерала Мазарини за то, что тот разрешал своим солдатам в обледенелых степях под Сталинградом есть падаль, гнилую конину, что вызывало дизентерию у его подчиненных. А вот о себе генерал проявлял невиданную заботу. Его денщик даже возил с собой утепленную клетку с курами.

Но все это будет потом. А тогда Паулюс распрощался и в тот же вечер уехал из Бухареста в Берлин. Докладывая своему шефу — начальнику генштаба сухопутных войск Гальдеру о результатах поездки, о впечатлениях от встреч с руководителями армий режимов Хорти и Антонеску, не удержался от оценки:

— Это опереточные генералы.

Фельдмаршал и в плену нередко отзывался так о Мазарини, глядя на то, как он увешивает свой мундир различными знаками, блестящими на солнце. А однажды еще больше разоткровенничался:

— Помнится, русский генерал Алексеев еще в первую мировую войну сказал: «Имея Румынию нейтральной, Россия высвободит 15 дивизий. Если Румыния станет союзницей, Россия должна будет бросить эти дивизии на помощь Румынии». Хорошо сказано! Но теперь Румыния — союзник Германии. И с таким союзником я был вынужден воевать... Их 3-я и 4-я армии дошли под Сталинградом до полного разложения. А кавалерийские дивизии? Эти и вовсе опустились, даже съели всех своих лошадей. Одно простительно: голод сильнее сигуранцы. Впрочем, румынская сигуранца — лишь уменьшенная копия гестапо и СС.

— Да, эти СС,— как бы продолжая вдруг начатую тему, задумчиво проговорил Паулюс.— Мы, военные, никогда дружбы с ними не водили. Что касается меня, то я в те годы пользовался особым доверием фюрера и задевать меня они не решались.

— Вам часто приходилось встречаться с Гитлером?

— Нет, не часто,— сдержанно ответил Паулюс.—

[1] Сигуранца — охранка в боярской Румынии.

Но я докладывал ему окончательные варианты планов наших важнейших операций. И смею думать, что он прислушивался к моему голосу.

Фюрер действительно поручал генералу Паулюсу ответственные переговоры с союзниками — руководством Венгрии и Румынии. После их завершения лично присутствовал на его докладах о результатах поездок. Гитлер взял Паулюса с собой в Компьен, где принималась капитуляция Франции [1].

Уже тогда было известно, что Фридрих Паулюс — один из авторов злодейского плана «Барбаросса», предусматривавшего нападение фашистской Германии на Советский Союз. Первый его вариант Гитлер поручил разработать начальнику штаба 18-й армии вермахта генералу Эриху Марксу. Параллельно с ним работали генералы Грейфенберг и фон Зоденштерн, полковник Кинцель и подполковник генерального штаба Фойерабенд. Каждый из них представил свой проект операции. Возглавить разработку окончательного варианта плана на основе всех разработок и доложить его Гитлеру было поручено оберквартирмейстеру, первому заместителю начальника генштаба сухопутных войск генерал-майору Паулюсу. На него также была возложена подготовка соображений относительно группировки войск для войны против Советского Союза и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания.

К 17 сентября 1940 года генерал-майор Паулюс закончил эту работу. Ему сразу же поручили обобщить все результаты предварительного оперативно-стратегического планирования. Это вылилось в докладную записку Паулюса от 29 октября.

Об этом особом поручении фюрера Паулюс через несколько лет напишет: «В конце июля 1940 года Гитлер сообщил штабу оперативного руководства ОКВ, а также главнокомандующим тремя видами вооруженных сил, что он не исключает возможности похода против Советского Союза, и дал поручение начать его предварительную подготовку. Итак, хотя война на Западе еще не была закончена, и ее исход не был окончательно

---

[1] Компьенским перемирием, подписанным 11 ноября 1918 года в штабном вагоне маршала Фоша и подтверждающим поражение Германии, завершилась 1-я мировая война. Здесь же, в Компьене, по иронии судьбы подписывался акт о капитуляции Франции 22.6.1940 года.

ясен, Гитлер хотел отказаться от большого шанса ведения войны на один фронт и рискнуть вести войну на два фронта. Однако это характеризует соображения только с военной стороны.

Генеральный штаб сухопутных войск воспринял агрессивные намерения Гитлера с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный факт открытия второго фронта, а также считал возможным и вероятным вступление Соединенных Штатов в войну против Германии. Он полагал, что такой группировке сил Германия сможет противостоять в том случае, если она успеет быстро разгромить Россию.

Однако сама Россия представляла собой большую неизвестную величину. Считалось, что операции возможны только в хорошее время года. Это означало, что для них оставалось мало времени. Генеральный штаб считал своей задачей определить оперативные, материальные и людские возможности и их границы. Однако в остальном он исходил из того, что нужно подчиниться политическому руководству»[1].

Гитлеру хотелось увидеть проект плана в действии на макете. Войска воображаемого противника должны были быть смяты на его глазах, а танкам вермахта предстояло стремительно проутюжить вражескую землю. Поэтому и была назначена «военная игра». Командовать ею, естественно, было поручено Паулюсу.

Такие «военные игры» состоялись 29 ноября, 3 и 7 декабря 1940 года. Они проходили в городе Цоссене в присутствии начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера, начальника оперативного отдела генштаба полковника Хойзингера, начальника отдела «иностранных армий Востока» Гелена и других. В ходе этих «игр» предполагалось уточнить распределение сил, более определенно поставить оперативные задачи соединениям «Восточной армии», углубить разработку основных принципов стратегии и тактики сухопутных войск в будущей войне против Советского Союза. А проходили они так.

Большой зал штаба сухопутных войск жил тревожным ожиданием. И вот Гитлер прибыл. Зал, вскидывая руки вверх, бурно приветствует фюрера. По знаку Галь-

---

[1] Görlitz W. Generalfeldmarschall Keitel-Verbrecher oder Offizier, Göttingen. 1961. S. 226.

дера генерал-майор Паулюс подошел к карте, раздвинул шторы. Прекрасно вычерченные, заштрихованные коричневой краской стрелы были направлены на восток, их острия упирались в Уральский хребет.

— Начало кампании,— с безупречной четкостью докладывал Паулюс,— желательно определить периодом: май — июнь сорок первого года. Генерал Гудериан представил в наше распоряжение расчеты, согласно которым первый рывок танков и мотопехоты завершится в августе 1941 года. В результате этого армия противника практически перестанет существовать.

Паулюс замолчал. Ему, автору плана, до сих пор внушали известные опасения недостаточно обоснованные расчеты, на которых он покоился. Паулюс видел в нем уязвимые точки. Но он знал, что план согласован с фюрером, и не допускал возможности его неправоты.

Словно шестым чувством Гитлер угадал сомнения докладчика.

— Мы хотим видеть ход боевых действий на макете, Паулюс. Внезапным сокрушительным ударом мы уничтожим Красную Армию. Наш удар будет для Сталина большим сюрпризом: большевики верят в пакт. То, что Молотов отверг наш план раздела мира: Турция, Иран, Индия — Сталину, Европа — нам, еще ничего не значит! Русские хотят мира с нами, потому что мы — сила! Они нас боятся. Поэтому Молотов и привез в Берлин договор о торговле на 25 лет.

За это время мы не только уничтожим всех большевиков и евреев, но и превратим тучи славянской саранчи в удобрение для нашей немецкой пшеницы. Перед вами не Морской лев, а варварская страна, колосс на глиняных ногах! Действуйте же, наконец, Паулюс. Обратите в бегство русские армии! — сорвался на крик Гитлер.

Паулюсу приходилось бывать на всяких оперативных совещаниях. Он помнил, как их собирал канцлер Вирт во время французской оккупации Рура. Тогда все было вежливо, благопристойно, чинно. Гитлер же кричал, создавая крайне напряженную, нервозную обстановку. «Но он фюрер,— думал Паулюс.— У его ног — Западная и Центральная Европа. Он дал хлеб миллионам немцев. Он — победитель, а победителей не судят. Я присягнул ему и пойду за ним до конца».

Глядя на Гитлера, Паулюс размышлял о вожде древ-

них германцев Арминии Херуске. Этому грубому варвару противостоял многоопытный римский полководец Вар. Тем не менее весь Тевтобургский лес оказался усеянным трупами доблестных римских воинов. Может быть, и фюрер, этот мессия без роду и племени, пришел в мир, чтобы возродить германский народ?

Но на долгие раздумья времени не было, и Паулюс продолжил свой доклад. Обо всем этом спустя годы он напишет:

«Теперь, когда подлинный ход операции, именуемой походом на Восток, уже принадлежит истории, для интересующегося военными вопросами будет очень полезно ознакомиться с тогдашними мыслями и тогдашними оценками возможностей: ниже я изложу основные точки зрения штабной игры — разумеется, не во всех подробностях, которые подверглись обсуждению.

Исходное положение «синих» (немецкая сторона).

1. Сначала были изложены основные идеи стратегической разработки, выполненной на основании июльского указания ОКВ: путем быстрых операций и глубокого проникновения танковых сил уничтожить силы русской армии, находящиеся в Западной России, и воспрепятствовать отходу уцелевших боеспособных частей в глубину России.

Первая цель: Украина (включая Донбасс), Москва, Ленинград. Основное направление — Москва. Окончательная цель — Волга — Архангельск. В соответствии с указаниями ОКВ в основу идеи генерального штаба сухопутных войск было положено следующее: Москва как политический, транспортный и военно-промышленный центр, Донбасс и Ленинград как центры военной промышленности, Украина как главная житница представляли для русского военного руководства решающее значение. Поэтому предполагалось, что, если даже русские будут использовать для отхода свои большие пространства, они так или иначе должны будут принять бой в этих районах.

Следовательно, задачей сухопутных войск было:

а) при поддержке авиации уничтожить лучшие кадровые войска русских сухопутных сил, добившись решающего сражения, и тем самым воспрепятствовать планомерному и полноценному использованию огромного русского людского потенциала;

б) быстро добиться этого сражения, а именно: до

того, как русские смогут полностью развернуть свои оборонительные силы;

в) после удачи первого прорыва стремиться по частям громить русские силы и не давать им создать единый новый фронт.

Если при помощи этих решений еще нельзя было достичь окончательной победы в войне, то тем не менее предполагалось, что Россия ни в отношении вооружений, ни в отношении личного состава не будет в состоянии держаться долгое время и тем более не сможет добиться перелома в ходе войны.

2. При оценке поведения русских предполагалось, что они окажут упорное сопротивление на границе:

а) по политическим причинам — ибо трудно было ожидать, что русские добровольно отдадут области, которые воссоединились с Россией;

б) по военным соображениям — для того, чтобы с самого начала ослабить немецкие наступательные силы, и для того, чтобы заставить немцев оттянуть решительные сражения до времени, когда удастся развернуть полную оборонительную готовность. Кроме того, путем отхода вглубь русские могли рассчитывать навязать немцам борьбу, предварительно ослабив их, то есть в удалении от их основных баз.

Общие намерения и цели немецкого командования в начале кампании 1941 года

Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в Прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы. На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем — Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКВ придавалось взятию Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленин-

града как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву»[1].

Для определения боевых возможностей Красной Армии фашистский штаб сухопутных войск использовал различные разведывательные данные. Но гитлеровская разведка оказалась неспособной правильно определить военную и экономическую мощь Советского Союза. В угоду авантюристическим установкам фюрера она заведомо преуменьшала данные о вооруженных силах и экономических ресурсах СССР. Да и точными данными фашистский абвер не располагал.

Германский генштаб имел в то время следующее представление о численности Красной Армии: 185 дивизий, 50 танковых и моторизованных бригад. Из них на финской границе — 20 дивизий, на Дальнем Востоке — 25, на Кавказе и в Средней Азии — 15. Таким образом, для русско-немецкого фронта по представлениям гитлеровцев оставалось лишь 125 стрелковых дивизий и 50 танковых и мотобригад. Предполагалось, что в течение трех месяцев после начала войны Советский Союз сформирует или передислоцирует из других районов страны еще 30—40 дивизий, а через шесть месяцев еще дополнительно 100.

Как видим, особенно крупный просчет был допущен в оценке возможностей Советского Союза по развертыванию резервов, а также по выпуску новой техники. Осенью 1940 года был заслушан доклад полковника Кинцеля — «специалиста по Востоку». Он признал, что Красная Армия — «заслуживающий внимания противник», но не мог реально оценить ее силы. Руководство генерального штаба в своих расчетах фактически пренебрегало Красной Армией как сильным противником. За линией Днепр — Западная Двина дальнейшего организованного сопротивления Красной Армии не предполагалось.

Свидетельства Паулюса дают возможность оценить авантюрный характер плана «Барбаросса». Его неосуществимость не могли не осознавать опытные генералы и офицеры германского генштаба, в том числе и сам Паулюс. «Раздавалось много тревожных голосов — как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу

---

[1] Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса».— М., 1973. С. 208—210.

трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутриполитических трудностей, организационных и материальных слабостей так называемого «колосса на глиняных ногах...»,— отмечал Паулюс в комментариях к «директиве № 21», написанных в плену.

5 декабря 1940 года Гитлер ознакомился с окончательным вариантом плана «Барбаросса». Он считал, что русские вооруженные силы уступают германским в вооружении, и особенно в качестве руководства, и потому для восточного похода сейчас момент особенно благоприятный. «Следует ожидать,— заявил Гитлер,— что русская армия, если получит один удар, потерпит еще большее крушение, чем Франция в 1940 году. Восточный поход будет окончен на Волге, откуда нужно будет осуществлять рейды для разрушения военно-промышленных районов, расположенных дальше»[1]. 18 декабря Гитлер подписал «Директиву № 21 верховного главнокомандования вооруженных сил Германии». На ее основе несколько позже, в январе 1941 года, составлена «Директива по сосредоточению войск». Она конкретизировала и уточняла задачи и способы действий вооруженных сил. Оба документа определяли методы и средства достижения «молниеносной победы» над Советским Союзом.

Главная стратегическая задача состояла в том, чтобы еще до окончания войны с Англией победить «...путем скоротечной военной операции Советский Союз». Директивами намечалось захватить Москву, Ленинград, Украину, Северный Кавказ и выйти на линию Волга — Архангельск. Войну предполагалось закончить до зимы 1941 года. После этого вооруженные силы должны были освободиться для возобновления активной борьбы против Англии, для наступления на Ближний Восток, далее на Индию и т. д.

В конце марта 1941 года Паулюс участвовал в совещании, проходившем в имперской канцелярии под председательством Гитлера. Здесь было решено начать военные действия против Югославии. Паулюсу пору-

[1] Совершенно секретно! Только для командования! — М., 1967. С. 149.

чили выехать в Будапешт и окончательно договориться относительно участия венгерских войск в антиюгославской акции. Это поручение было им выполнено.

Однажды у советских офицеров, работавших с военнопленными, завязалась беседа с фельдмаршалом Паулюсом о событиях весны и начала лета 1941 года. И естественно, возник вопрос о том, чем был занят он непосредственно в период, предшествующий нападению на Советский Союз.

— Работа шла тогда в очень напряженном темпе,— ответил Паулюс.— Фюрер лично разрешил мне не посещать никаких совещаний, даже если их проводили Браухич или Гальдер. Я был целиком и полностью занят планами стратегического развертывания. Все без исключения приготовления предстояло закончить к 15 мая 1941 года. Особое, можно сказать, решающее значение придавалось тому, чтобы наши намерения не были распознаны. Поэтому круг лиц, допущенных к подготовке «директивы 21», был предельно узким. И все же...

Паулюс осекся, замолк, вытер лоб белоснежным платочком. Чтобы как-то прервать вдруг наступившую неловкую паузу, пытаемся вывести фельдмаршала на тот ответ, от которого он воздержался.

— Вы сказали «и все же», господин фельдмаршал. Вы имели в виду, что утечка этой сверхсекретной информации все же имела место?

— Да, русские знали о наших планах и знали достаточно подробно... Я уже в ходе войны получал бесспорные подтверждения этому...

Судя по рассказам Паулюса, весной и летом сорок первого Берлин жил своей обычной жизнью. Состояние войны, в котором находилась Германия, мало кого беспокоило. Раскаты «битвы за Англию» до Берлина не доносились. Лишь изредка были налеты британских бомбардировщиков, но серьезного ущерба они тогда не наносили.

Между тем приближалось роковое 22 июня 1941 года. Эта дата была назначена лично Гитлером. Весной 1941 года он созвал совещание с целью определить день нападения на Россию. Третья декада мая — за такой срок высказались участники совещания. С военной точки зрения этот срок был оптимальным вариантом. Но Гитлер, хотя и не отверг предложения, не утвердил его.

Впоследствии, когда Паулюс размышлял над тем, почему нападение совершено в воскресенье 22 июня, его озарила внезапная догадка:

— Да ведь фюрер подражал Наполеону! Тот перешел русскую границу в воскресенье 24 июня. Да, да, играл в Наполеона! И, пожалуй, был убежден: что не удалось сделать Бонапарту, сделает он, великий фюрер, вместе со своими полководцами. Браухич вряд ли стоит меньше, чем Мюрат, а Рейхенау — меньше, чем Ней.

Паулюс обычно подчеркивал, что он лично никогда не имел ничего против русских. Больше того, испытывал к ним уважение. Суворов, Кутузов... В академии он писал сочинение по фортификационным укреплениям Севастопольской крепости в Крымской войне. Тотлебен — это был искусный фортификатор. Но Паулюс считал его немцем на русской службе. Нахимов — этот уже чистокровный русский — также неплохо командовал войсками.

— Но разве в симпатиях и антипатиях дело,— говорил фельдмаршал в 1943 году.— Война против России была продиктована коренными интересами германской нации — я был тогда в этом твердо убежден. И соответственно действовал.

...Генерал Паулюс находился в помещении генштаба с четверга 19 июня 1941 года безвыходно. Здесь же ночевал. «Спал я,— вспоминал он,— по четыре часа в сутки и, представляете себе, прекрасно чувствовал себя». Каждые два часа Паулюс получал доклады о ходе боевого развертывания. Сам звонил дежурному, к которому поступали донесения.

Поздно вечером 21 июня ему доложили, что были три попытки немецких солдат переплыть пограничную реку с явным намерением попасть в расположения советских частей. Один был убит, но двое достигли противоположного берега. Паулюс приказал узнать и доложить имена командиров частей, а фамилии перебежчиков сообщить в гестапо.

В ожидании предстоящих событий Паулюс еще раз проверил, какой порядок вскрытия пакетов с приказом о наступлении передан шифротелеграммой расположенным на востоке соединениям. Ничто не вызвало сомнений, и генерал вспомнил слова Бисмарка: «Мы готовы до последней пуговицы на гетрах». «Похоже, что на этот

раз все именно так»,— думал Паулюс в тот последний для советских людей мирный день.

Он испытывал чувство удовлетворения. Накануне ему удалось настоять на том, чтобы командиры дивизий вскрыли секретные пакеты с приказом о наступлении за двенадцать часов до назначенного срока. Кейтель настаивал тогда на шести часах.

— Мои дивизионные командиры могут развернуться в боевой порядок за тридцать минут! — самоуверенно заявлял «Лакейтель».

«Какая спесь,— с усмешкой подумал Паулюс.— А ведь сам даже дивизией никода не командовал».

— Я включил радио,— рассказывал фельдмаршал о последних часах накануне войны.— По всей Германии передавались бравурные марши вперемежку с ариями из «Лоэнгрина». Никаких речей, сводок, сообщений, только информация о погоде.

И вот два часа ночи по среднеевропейскому времени. В ОКХ доложили: по всему восточному фронту ведется массированная артиллерийская подготовка во взаимодействии со штурмовой и бомбардировочной авиацией, поражающей цели на территории противника. Танки выходят на исходные позиции.

Рискнув напасть на Советский Союз, третий рейх предопределил свою гибель. Одурманенные предыдущими легкими победами, гитлеровцы считали, что их войска пройдут победоносным маршем по Стране Советов. Но они жестоко просчитались. План «Барбаросса» оказался обреченным на провал: он не учитывал растущей экономической и военной мощи нашей страны, силы духа советского народа, его готовности встать на защиту своей социалистической Родины от фашистской агрессии.

Вот что писал по этому поводу выдающийся советский полководец Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«После захвата большей части Европы гитлеровское политическое и военное руководство самоуверенно считало, что военное искусство фашистской Германии достигло самых высоких показателей. Эта авантюристическая уверенность не была случайной. Она основывалась на фашистской идеологии расового превосходства, на традиционных устоях прусского милитаризма, уже не раз приводившего Германию на край катастрофы. Имея

за своими плечами отмобилизованный военно-промышленный комплекс не только Германии, но и практически всей Западной Европы, Гитлер и его генералы сделали свою основную ставку на молниеносный разгром Советского Союза. Они переоценили свои силы и возможности и серьезно недооценили силу, средства и потенциальные возможности Советского государства... Правительство фашистской Германии и нацистское военное руководство строили свои рассчеты на мифических слабостях Советского Союза. Они никак не ожидали, что в минуту смертельной опасности советский народ, сплотившись вокруг Коммунистической партии, непреодолимой силой встанет на их пути»[1].

Абсурдный тезис Гитлера о нежизнеспособности Советского Союза, нашедший свое выражение в пресловутой формуле «колосс на глиняных ногах», привел авторов и исполнителей авантюристического плана уничтожения СССР к ложным выводам о неразвитости советской экономики, низкой обороноспособности Советской державы, слабости Красной Армии.

В конце 30-х годов в условиях нарастающей военной опасности Коммунистическая партия и Советское правительство предприняли важные меры по укреплению обороноспособности СССР. За три года третьей пятилетки значительно вырос оборонный потенциал страны. Средства, отпускаемые на нужды обороны, составляли в 1939 году — 25,5 процента, в 1940 году — 32,6, в 1941 году — 43,4 процента государственного бюджета. В феврале 1941 года разработан и принят мобилизационный план перестройки промышленности на военное производство. Общая численность Вооруженных Сил страны с 1939 года до нападения гитлеровской Германии на СССР увеличилась почти втрое, достигнув в июне 1941 года более 5,3 миллиона человек.

Сформировано 125 новых дивизий. В начале июня 1941 года около 800 тысяч военнообязанных призваны на учебные сборы. Для усиления обороны западных границ в конце мая 1941 года начались перевозки некоторых войсковых соединений из внутренних военных округов в приграничные[2]. Ближе к западной границе пере-

---

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.— М., 1988. Т. 2. С. 102—103.

[2] Краткая история СССР.— М., 1983. Ч. 2. С. 337.

ведены 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления. Однако эти дивизии не были полностью укомплектованы людьми и боевой техникой. Начавшееся перевооружение армии не завершилось. Войска имели значительное число самолетов и танков устаревших конструкций.

На подготовленности Советской страны к обороне отрицательно сказались серьезные просчеты в оценке общей военно-стратегической обстановки и возможных сроков германского нападения. Сыграли свою роль и преступные сталинские репрессии против военных кадров [1].

К «чистке» кадров Красной Армии приложила руку и германская разведка. Шелленбергом была разработана «афера с Тухачевским», включавшая фабрикацию документов о «сотрудничестве» командования РККА с Германией и организацию «утечки» этих материалов. Жертвой этой состряпанной фашистами фальшивки стал Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский и другие советские военачальники.

Однако гитлеровская разведка не располагала достоверными данными о боеспособности Советских Вооруженных Сил. Ни ведомство Шелленберга, ни служба Канариса [2] не оказались в состоянии правильно определить экономический и военный потенциал СССР. Неверно также оценивался численный состав Красной Армии и боевые качества ее нового оружия. Так, общая численность «красных предполагалась для военного периода 2 миллиона 611 тысяч» [3].

Когда Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в беседе с писателем и историком Л. А. Безыменским услышал эту цифру, он был удивлен:

— Меньше трех миллионов? Не может быть! Пау-

---

[1] В результате сталинских репрессий перед войной из пяти маршалов погибло трое, из пяти командармов 1 ранга не стало трех. Погибли все двенадцать командармов 2 ранга, пятьдесят семь комкоров из шестидесяти семи, все семнадцать армейских комиссаров 1 и 2 рангов, двадцать три корпусных комиссара из двадцати восьми, шестьдесят девять дивизионных комиссаров из девяноста семи. С мая 1937 года по сентябрь 1938 года репрессиям подверглись около 40 тысяч военнослужащих начальствующего состава РККА.

См. об этом: Маршал Жуков: полководец и человек.— М., 1988. Т. 2. С. 98—99.

[2] Абвер — военная разведка.

[3] Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса». С. 274.

люс, видимо, ошибся. Нельзя представить себе, что немцы предполагали, будто на фронте они встретят противника численностью менее трех миллионов...[1]

Однако цифра, столь удивившая Г. К. Жукова, в целом соответствовала оценке разведывательным отделом германского генштаба сил Красной Армии. Паулюс ошибся, но только в том, что вместе с другими гитлеровскими стратегами недооценил силы нашей страны и ее армии.

Агрессор подтягивал к советской границе свои лучшие войска. В осуществлении плана «Барбаросса» участвовало 83 процента общей численности сил сухопутной армии фашистской Германии. Вместе с войсками стран-сателлитов на западной границе СССР в июне 1941 года было развернуто 190 полностью укомплектованных дивизий. Армия вторжения насчитывала 5,5 миллиона солдат и офицеров, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47200 орудий и минометов. Таким образом, в первый внезапный удар, который по замыслу фашистской верхушки должен был сокрушить Красную Армию, вкладывалась почти вся огромная мощь гитлеровской военной машины [2].

Но расчет гитлеровского командования на внезапность нападения на СССР, на перевес в силе оказался фактором временного действия и не принес победы вермахту. Что касается соотношения численности войск, вооружения и боевой техники, которое было в пользу агрессора, то и этот фактор был недостаточен для осуществления коварных целей авторов и исполнителей плана «Барбаросса». Гитлер и его стратеги не учли главного: для народов СССР Великая Отечественная война была справедливой, освободительной, общенародной. Они не могли примириться с той ужасной участью, которую готовил нашей стране пресловутый «дранг нах Остен».

Цель этого похода против СССР Гитлер сформулировал вполне определенно: «Разбить армию и уничтожить державу». В генеральном плане «Ост» в наиболее полном и обобщенном виде была изложена программа уничтожения СССР и порабощения Восточной Европы. России грозило расчленение на четыре рейхскомиссариа-

---

[1] Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса». С. 273—274.
[2] Краткая история СССР. Ч. 2. С. 338—339.

та, заселенных немецкими колонистами: «Москва» — от Москвы до Перми, «Остланд» — Прибалтика и Белоруссия, «Украина» — включая Поволжье и Воронеж, «Кавказ» — закавказские республики и Калмыкия.

Что касается народов СССР, их судьбы, то тут вопрос решался однозначно: «славен зинд склавен» — «славяне — рабы»,— заявляли нацисты. Раб-славянин должен был уметь считать до 50, писать свое имя, и главное, беспрекословно подчиняться господину — немцу. Все коммунисты, комсомольцы, советские и партийные работники подлежали немедленному уничтожению, а оставшиеся на оккупированной вермахтом территории советские люди — постепенному выселению. Глаголом «выселить» фашисты предпочитали в «деловых бумагах» именовать истребление мирных жителей — женщин, детей, стариков. Фашистские фанатики намеревались для начала «выселить» 30 миллионов русских, украинцев, белорусов. Затем «особому обращению» должны были подвергнуться еще по крайней мере 20 миллионов человек.

В целом на территории Восточной Европы подлежало уничтожению 120—140 миллионов советских граждан. Затем эти «обезлюженные» земли подлежали новому заселению. Сюда планировался переезд 8—9 миллионов «представителей высшей расы».

...Уже горели советские города и села, под руинами первых развалин были погребены мирные люди, на советских пограничных заставах лилась первая кровь. В эти зловещие минуты Паулюс позвонил Гитлеру: «Мой фюрер, все идет согласно разработанному плану».

Путь в котел

Лето и осень 1941 года Паулюс провел в генеральном штабе. Ему было поручено возглавить разработку планов взятия Ленинграда и Москвы. Хотя сам он, судя по рассказам в плену, был не согласен с выбранным Гитлером вариантом — прежде всего Москва. Паулюс предпочитал генеральное наступление на Украину и охват Москвы с юга. Однако же возражать Гитлеру, тем более настаивать на своем особом мнении было и опасно, и бесполезно.

Паулюс видел, какую ярость вызвало у Гитлера «нарушение графика» блицкрига и «задержка» генерал-фельдмаршала фон Лееба под Ленинградом. «Вы мне обещали Петербург еще летом»,— гневно кричал Гитлер на Лееба в присутствии Кейтеля, Гальдера, Йодля и Паулюса. Последнему было приказано немедленно вылететь на фронт.

Генерал Фридрих Паулюс побывал в районе Ладоги, посетил 39-ю моторизованную дивизию. Возвратившись в Берлин, он докладывал о «непредвиденных» трудностях, с которыми встретились войска вермахта под Ленинградом.

— Мы тогда,— вспоминал впоследствии фельдмаршал,— не только пользовались явно заниженными данными нашей разведки о возможностях русских, но и не принимали в расчет специфические особенности русских — как солдат, так и мирных граждан, их волю стоять до конца, невиданную нами ранее силу сопротивления. Ведь в нас прочно засела концепция «колосса на глиняных ногах».

Вернувшись из очередной командировки на фронт, теперь уже под Смоленск, Паулюс заверил Гитлера, что Москва будет взята. Это очень понравилось главарю фашистской клики. После доклада фюреру в присутствии высшего генералитета на Паулюса стали смотреть

как на возможного наследника Кейтеля. Все понимали, что ему больше подходит это место. Но Паулюс сам испортил дело. Однажды, после очередного доклада Гитлеру, он сказал:

— Мой фюрер! У меня на фронте два сына. Я прошу отправить на фронт и меня, куда вы прикажете.

— Здесь тоже фронт, Паулюс,— раздражаясь, ответил Гитлер.— Но ваше пожелание я учту.

...И вот январь 1942 года. Самолет с Паулюсом на борту делает посадку на аэродроме близ Полтавы. Внезапно умер бывший командующий 6-й армией, командующий группой армий «Юг» на восточном фронте генерал-фельдмаршал фон Рейхенау. Новый командующий 6-й армией Паулюс привез с собой двух человек: сына Эрнста Александра и ординарца фельдфебеля Шульте. Он служил хозяину почти пятнадцать лет.

6-я армия — краса и гордость вермахта — хорошо знакома Паулюсу. С конца 1939 года и до капитуляции Франции летом 1940 года он был начальником штаба этого боевого соединения. Солдаты 6-й армии прошагали победным маршем по Елисейским полям, развлекались на Плас Пигаль. Попасть сюда считалось честью. Министры, нацистские бонзы высшего разряда, генералы устраивали своих детей на службу именно в ее боевые части. Считалось, что где 6-я армия — там победа. Гвардейцы фюрера — именно так называли тех, кто служил здесь,— посылали своим женам посылки из награбленного добра: кружева из Бельгии, парфюмерию и белье из Парижа, сыр из Роттердама.

В «Восточном походе» 6-я армия участвовала с первого дня войны. На нее возлагалась задача прорвать советские пограничные укрепления в районе южнее Ковеля и, тем самым, дать возможность 2-й танковой группе выйти на оперативный простор. Кровавыми следами был отмечен боевой путь «гвардии фюрера» по советской земле...

20 января 1942 года, не успев еще как следует оглядеться, врасти в обстановку, Паулюс доложил фюреру:

— Я вступил сегодня в командование 6-й армией вермахта. Клянемся, что оправдаем ваше доверие. Хайль Гитлер!

Однако оккупированная Полтава не салютовала гитлеровцам. В тот же вечер, когда в казино новый командующий организовал скромный прием для высших офи-

церов, на окраине города взлетело на воздух здание водокачки. Комендант гарнизона доложил, что это дело рук подполья. Как рассказывал впоследствии командир одного из полков Луитпольд Штейдле, новый командующий решительно приказал:

— Бандитские акции подавлять беспощадно!

В 6-й армии Паулюсу был хорошо знаком начальник штаба полковник Гейм. Генерал ценил его как опытного штабиста. Гейм представил нового командующего командирам корпусов и дивизий. «Я был несколько обеспокоен тем, как сложатся мои отношения с командирами корпусов: ведь все они были старше меня и годами, и званиями», — признавался Паулюс.

Но вот в начале мая 1942 года полковник Гейм по требованию командующего группой армий «Юг» фон Бока был снят с должности начальника штаба 6-й армии. Причина была одна: он якобы проявлял пессимизм в оценке сложившейся на фронте обстановки. Паулюс не был согласен со снятием Гейма, но ничего не сделал, чтобы защитить полковника. Вслед за этим последовало смещение оберквартирмейстера Пампеля, отвечавшего за снабжение армии. Вместо него прибыл полковник генштаба Финк. И к этому перемещению Паулюс отнесся неодобрительно, но тоже ни предпринял никаких шагов.

Когда обсуждался вопрос о преемнике Гейма, решающим оказалось слово Гейдриха: назначения на должности такого ранга «согласовывались» с ним. Всемогущий шеф СД[1] чувствовал интуитивное недоверие к Паулюсу. Гейдриху нужен был свой человек на посту начальника штаба 6-й армии. Его выбор пал на генерал-лейтенанта Артура Шмидта.

Генералов Паулюса и Шмидта отделяла друг от друга глубокая личная неприязнь. В отличие от Паулюса, получившего отличное военное образование и сделавшего блестящую карьеру в генеральном штабе, Шмидт не учился в военной академии. Он был сынком гамбургского купца, мечтавшего передать наследнику свое дело. Уже с девяти лет отец поручал ему торговать вразнос. Шмидт испытал немало унизительных минут, когда соклассники по гимназии с полупрезрением подавали ему пфенниги за блестящие сладкие тянучки: отец

[1] Служба безопасности.

никогда не давал сыну карманных денег. Долгое время его дразнили в школе «лавочником», редко приглашали на игры в скат, которые устраивались в укромном уголке школьного двора на большой перемене тайком от надзирателей.

С детских лет Шмидт безумно завидовал тем сверстникам, кто мог свободно уйти после школы в гамбургский порт, чтобы насладиться созерцанием прелестей жизни портовиков, послушать бравые песни подвыпивших моряков, веселившихся в кабаках со случайными подружками. В это время он должен был отсчитывать сдачу, сжимая медяки в потной, отвратительной сладкой ладони. И уж совсем недосягаемой казалась ему жизнь тех подростков, которые уезжали из гимназии в сопровождении отцовских шоферов. Правда, таких было мало и они держались особняком, но даже постоять рядом с ними было для Артура верхом блаженства.

Офицерская карьера была для Шмидта единственным способом вырваться из сословных рамок. Он поступил в военное училище. После его окончания Шмидт показал себя способным, фанатически исполнительным лейтенантом. Начальство сразу же заметило его. Вскоре ему поручили особо ответственное задание — командовать одним из подразделений при подавлении гамбургского восстания.

Каждый рабочий был для Шмидта существом презираемым и ничтожным. Ни жалости, ни раздражения не испытывал он, отдавая приказ расстреливать безоружных людей на улицах Гамбурга.

Его «заслуги» оценили: он стал быстро продвигаться по службе.

Это были еще времена Веймарской республики. И Шмидт, как мог, скрывал свою тягу к наци. Но она все более нарастала, не давала ему покоя.

В 1945 году по поручению советского командования Шмидт был подробнейшим образом допрошен в Суздале. Речь шла и о преступлениях, в которых он был повинен. Бывший начальник штаба армии вдруг углубился в свою биографию, рассказал, что ему нравились коричневые парни, которые твердо знали, чего хотели: уничтожить большевиков, марксистов, евреев, возродить Германию, изгаженную Версалем, дать шансы всем, кто этого заслуживал. Поэтому, когда двоюродный брат пригласил его на тайное собрание нацистов, он, несмо-

тря на строгие армейские запреты и возможность наказания, побывал там в штатском костюме. Тогда там еще не было ни бравурных шлягеров, ни веселья за пивом. Лозунги и атмосфера этой и последующих встреч сразу стали близкими и понятными ему

Ярый поклонник генерала Людендорфа, Шмидт все отчетливее сознавал свою духовную принадлежность к национал-социалистскому движению. А после прихода нацистов к власти Шмидт прослыл одним из самых фанатичных приверженцев нового режима в армии. Его боялись даже вышестоящие чины: новоиспеченный генерал был начисто лишен каких-либо нравственно-этических иллюзий, ему были неведомы такие понятия, как товарищество, дружба, честь, благородство. Единственным его критерием в оценке подчиненных и начальства была степень преданности рейху и фюреру.

Именно поэтому Гейдрих и остановил свой выбор на нем. Знакомство Паулюса и Шмидта было сухим, официальным и неприятным: они сразу же не понравились друг другу. Паулюс безошибочным чутьем угадал в визави плебея-выскочку, а Шмидт моментально почувствовал это.

«Шмидт был нетерпим и заносчив, холоден и безжалостен,— напишет позднее о нем Вильгельм Адам, с которым новый командующий сошелся ближе всех. — Чаще всего он навязывал свою волю, редко считался с мнением других. Между ним и начальниками отделов его штаба неоднократно возникали столкновения... Многие офицеры добивались перевода в другие части. Паулюс был осведомлен об антипатии, которую внушил к себе начальник штаба... Даже к Паулюсу он относился не так, как следовало бы. Он пытался помыкать командующим...»

Ранней весной 1942 года перед немецко-фашистским командованием встали сложные и тяжелые проблемы. Разгром под Москвой знаменовал собой полный провал стратегии блицкрига и доказывал невозможность удерживать стратегическую инициативу на всех направлениях советско-германского фронта.

К тому времени крупные изменения произошли в структуре командования вооруженными силами Германии. Были сняты с занимаемых должностей командующие группами армий «Центр», «Север» и «Юг» — Бок, Лееб и Рундштедт, ряд командующих армиями, в том

числе Гудериан, Гёппнер, Штраус, многие командиры корпусов и дивизий. 19 декабря 1941 года якобы по болезни был уволен в запас главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич. Руководство сухопутными войсками взял на себя Гитлер. Всего после поражения под Москвой он снял с должностей 177 генералов.

Отстраняя с постов ведущих полководцев, Гитлер хотел обновить командование за счет нераздумывающих, лично преданных ему людей, создать мнение, что в провале концепции блицкрига виновен не фюрер, а генералитет.

Потери, которые нес вермахт на восточном фронте, были огромны. 5 марта 1942 года генерал-полковник Гальдер записал в своем дневнике: «Потери с 22 июня 1941 года по 28 февраля 1942 года: ранено 22 119 офицеров, 725 642 унтер-офицера и рядовых; убиты — 8 321 офицер, 202 251 унтер-офицер и рядовой. Общие потери сухопутных войск (без больных) — 1 005 636 человек, т. е. 31,4 процента средней численности сухопутных армий на Восточном фронте»[1].

Однако гитлеровский вермахт все еще представлял собой грозную силу. Весной 1942 года вооруженные силы фашистской Германии насчитывали 8 миллионов 600 тысяч солдат и офицеров, из них 71,5 процента входило в состав сухопутных войск. Они имели 226 дивизий и 11 бригад. Основная часть этих войск находилась на советско-германском фронте[2].

И все же в 1942 году не могло быть речи об одновременном наступлении по всему фронту. Гитлер стоял перед необходимостью выбора одного стратегического направления для нанесения главного удара. В беседе с японским послом Осимой он заявил, что больше не намерен проводить наступательные операции в центре фронта, а предполагает предпринять наступление на южном направлении.

А тем временем зимнее наступление советских войск, поставившее гитлеровское командование перед трудным выбором, завершилось. В марте 1942 года наша армия перешла к обороне. Исходя из того, что наиболее крупная группировка противника в составе более 70 диви-

---

[1] Гальдер Ф. Военный дневник.— М., 1969. Т. 3. Кн. 2. С. 207.
[2] История второй мировой войны 1939—1945.— М., 1975. Т. 5. С. 24.

зий продолжала находиться на московском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования пришла к выводу, что в 1942 году вермахт предпримет новое мощное наступление на Москву. Генеральный штаб подготовил план операции на весну и лето 1942 года. «Главная идея плана,— отмечал Маршал Советского Союза А. М. Василевский,— активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление»[1]. Таков был первоначальный расчет. Однако окончательное решение Ставки ВГК о стратегическом плане на 1942 год, принятое в конце марта, предусматривало наряду с активной стратегической обороной одновременное проведение частных наступательных операций на ряде направлений: под Ленинградом и в районе Демянска, на смоленском, львовско-курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму. Но для успеха этого замысла, как показали дальнейшие события, еще не было достаточных предпосылок...

Фашистское командование разработало свой план предстоящей кампании. Для его рассмотрения Гитлер собрал 28 марта 1942 года в своей ставке совещание. На нем и был в основном утвержден план летнего наступления вермахта. Этот план, разработанный Гальдером, получил кодовое название «Блау» и нашел отражение в директиве № 41 от 5 апреля 1942 года.

Главной стратегической задачей на 1942 год объявлялось осуществление крупного наступления на южном участке германо-советского фронта при сохранении положения на центральном участке, т. е. на московском направлении, и овладении на севере Ленинградом. В директиве выдвигалось требование «окончательно уничтожить живую вооруженную силу, оставшуюся у Советов, и захватить важнейшие источники стратегического сырья». Для операции «Блау» предназначались 91 дивизия, 1260 танков, более 1600 самолетов.

Гитлеровская разведка в ту пору предпринимала меры для введения советского командования в заблуждение и надежного прикрытия плана «Блау». Именно с этой целью командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Клюге подписал 29 мая 1942 года план подготовки летнего наступления на Москву под кодовым названием «Операция Кремль». Эта дезинфор-

[1] Василевский А. М. Дело всей жизни.— М., 1988, Т. 1. С. 205.

мация по замыслу германской разведки должна была «просочиться» в Ставку ВГК и «убедить» Сталина в необходимости держать свои главные силы на центральном участке советско-германского фронта.

Гитлер настоял на том, чтобы наступление на юге велось в двух направлениях: кавказском и сталинградском. Гальдер был против такого распыления сил. Он предполагал, что для решения подобной задачи у вермахта недостаточно сил.

Но Гитлер и его окружение не считались с трезвыми голосами, не желали объективно оценивать боевые возможности Красной Армии. Они не допускали и мысли об отступлении от своего решения. Согласно их замыслу перед группой армий «А» ставилась задача овладеть Ростовом, а затем — Кавказом и Закавказьем, перед группой армий «Б» — захватить Сталинград, разгромить обороняющие его войска, повернуть часть своих подвижных сил на Астрахань.

Из четырех имеющихся немецких армий три нацеливались на овладение Кавказом и лишь одна, 6-я армия, выделялась для захвата Сталинграда. Это было очевидной авантюрой. Даже Йодль, всегда и безоговорочно поддакивавший Гитлеру, и тот считал необходимым усилить группу армий «Б».

Главную задачу плана «Блау» Паулюс характеризовал так: «Стратегическая цель — захват областей Северного Кавказа, богатых нефтью. Для защиты флангов и прикрытия тыла во время этой операции в направлении Кавказа следовало достичь Волги в районе Сталинграда. С помощью развернутого летнего наступления 1942 года ОКВ хотело решить исход похода на Восток или, по крайней мере, повлиять на его исход».

Эта характеристика будет дана спустя годы. А в те дни подготовки к наступлению на Сталинград Паулюс испытывал тревогу по поводу обоснованности стратегических планов ОКВ.

Он словно ощутил рецидив застарелой болезни Гитлера и его приближенных — недооценку противника, грубые просчеты относительно боевых возможностей Красной Армии. Да и в оценке своих сил руководство вермахта учитывало далеко не все. Ведь на основе директивы фюрера № 45 от 23 июля 1942 года после завершения планируемых операций фронт растянется более чем на 4000 км. Это могло, размышлял Паулюс, за-

кончиться только одним: дальнейшим распылением сил немецкой армии и еще большими, но уже трудно восполнимыми потерями.

— Война на два фронта может стать для нас роковой,— говорил он своему другу Адаму. Эта тревожная мысль все чаще беспокоила командующего по мере подготовки 6-й армии к наступлению на Сталинград. Но он тем не менее не давал себе расслабиться ни на минуту. Еще ни разу после приезда на фронт он не сказал вслух ничего такого, что могло бы хоть как-то поколебать веру солдат в победу, в фюрера.

Адам рассказывал, что даже некоторые высокопоставленные чины вермахта сомневались в успехе предстоящей операции в том случае, если армия не получит пополнения людьми и техникой. В их числе — начальник службы связи вермахта генерал Фельгибель, приятель Паулюса по Берлину. Когда он узнал, что некоторые роты недоукомплектованы личным составом на одну треть, то доверительно заметил:

— Сочувствую, господа, но перспектива наступления может быть далеко не радужной.

— Как это понимать? — размышлял об этих словах Паулюс, беседуя с Адамом.— Что это, случайное совпадение мнений или нечто другое? Во всяком случае, Фельгибелю я всегда доверял, он был честным офицером. Такие его рассуждения не могут быть провокацией. Но что Фельгибелю? Он приехал и уехал, а проводить эту операцию — нам.

Перед наступлением в армию Паулюса прибыл один из ближайших сотрудников рейхминистра пропаганды Йозефа Геббельса зондерфюрер СС д-р Фриче. Ему предстояло написать несколько зажигательных репортажей с поля боя о победном наступлении солдат фюрера. Однако репортер явно переборщил: в пылу красноречия он назвал Паулюса полководцем великой Германии.

— Как вы смели, Фриче!— кричал на него по телефону из Берлина Геббельс.— У великой Германии только один полководец — наш несравненный фюрер и рейхсканцлер Адольф Гитлер.

Большинство офицеров штаба армии восприняли этот инцидент с юмором. Некоторые сочувствовали Фриче: ведь журналист не просто тешил тщеславие героев своих репортажей, но и морально поддерживал армию в трудный час. Этого не мог понять Геббельс!

Случай с Фриче навел Паулюса на грустные размышления. Его охватило чувство досады. «Как можно допускать такое?— терзался он.— Вместо того чтобы трезво оценить обстановку и серьезно готовиться к наступлению, ставка занимается какой-то чепухой».

Командующему давно уже досаждала мысль о том, что Гитлера, пожалуй, неправильно информируют о состоянии дел на фронте. И не только люди, подобные Фриче и его шефу Геббельсу, но и некоторые военные. Однажды Паулюсу представился случай передать Гитлеру правдивые сведения: в штаб 6-й армии прибыл из ставки старший адъютант фюрера генерал-майор Шмундт. В его посещении командующий увидел возможность наконец-то лично просить об улучшении снабжения армии перед наступлением и доукомплектовании ее за счет резервов.

— Сам бог послал нам Шмундта сейчас, когда мы так нуждаемся в поддержке,— сказал Паулюс Адаму, когда пришел старший адъютант.

Командующий хорошо знал Шмундта. В свое время у них даже были хотя и не очень теплые, но довольно благожелательные, ровные отношения. Теперь Паулюс рассчитывал на его помощь, надо было непременно показать ему хотя бы некоторые позиции. Пусть он сам увидит обстановку, поговорит с солдатами. Только так можно составить более точное представление...

На другой день штабисты 6-й армии во главе с Паулюсом и Шмидтом сопровождали Шмундта в расположение командного пункта 767-го пехотного полка 376-й дивизии. Его командир полковник Штейдле считался одним из лучших офицеров армии. Паулюс лично знал его уже много лет, еще с 1916 года. О его мужестве ходили легенды среди солдат. И сейчас командующий понимал, что Штейдле не побоится высказать свое мнение в присутствии столь высокого начальства.

Когда все уселись у походного стола под раскидистым дубом, Паулюс приказал:

— Докладывайте, полковник.

Штейдле подошел к карте.

— Положение позиций северного фланга нашей армии стало угрожающим. Мы до сих пор не можем отбросить русских за Дон. В большинстве наших рот осталось не более тридцати солдат. Мы экстренно нуждаемся в пополнении.

— Я прошу, господин генерал, поддержать просьбу полковника,— поспешно добавил Паулюс.— Наши солдаты — не трусы. Но всему есть предел. Предстоит большое наступление, а мы уже сейчас истощены.

— Я думаю, беспокойство господина командующего — результат некоторого преувеличения,— вмешался Шмидт.— Мы понимаем, что сейчас очень трудно изыскать резервы для пополнения этого участка фронта. Я думаю: мы, руководство 6-й армии, приложим все силы, чтобы с честью выполнить указания нашего фюрера. Наступление не будет сорвано ни при каких обстоятельствах.

Паулюс побагровел. Готовый сорваться, он все же сумел взять себя в руки.

— И тем не менее, господин генерал-майор, я бы очень просил вас передать фюреру мою просьбу. Русские уже подтянули свои танки к Дону у Калача. Мы должны как можно серьезнее подготовиться к встрече с ними.

— Я понимаю вас, господа,— сказал Шмундт.— Передам фюреру все, о чем здесь говорилось. Непременно поделюсь с ним и своими личными наблюдениями. Надеюсь, фюрер не забудет о вас. Вы будете иметь все, что необходимо.

— Но помните и о том, господа,— чуть поколебавшись, продолжил Шмундт,— что перед нами — Кавказ. Он требует большого напряжения сил. Кроме того, это вы знаете не хуже меня, вы не одни. С вами 4-я танковая армия, с вами наши венгерские, румынские и итальянские союзники. Хотя я и понимаю серьезность положения, но, думаю, оно далеко не безнадежно...

Беседа со Шмундтом немного успокоила Паулюса. Теперь-то уж можно ждать подкрепления. Но надежды оказались тщетными. Никаких результатов не дали и визиты генералов Окснера и Блюментритта, а также поездка полковника Адама в ставку Гитлера в Винницу.

Судя по всему, гитлеровское командование не располагало резервами. К тому же настойчивые просьбы Паулюса все время опровергал по «параллельной связи» Шмидт. Зная, что оптимизм генералов, независимо от реального положения вещей, высоко ценится Гитлером, он заявлял, что армия находится в хорошем положении и в существенной помощи не нуждается.

События развивались своим чередом. 12 мая советские войска Юго-Западного фронта перешли в наступление с целью разгрома армии Паулюса и освобождения Харькова. Успешное решение этой задачи сделало бы возможным изгнание гитлеровцев из Донбасса. Удары наносились по сходящимся направлениям из района Волчанска (28-й и частью сил 38-й, 21-й армий) и из северной части Барвенковского выступа (6-я армия и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина). Вначале наступление развивалось успешно: за первые три дня советские дивизии продвинулись в районе Волчанска до 25 км, а юго-восточнее Харькова — на 50 км.

«Для нас,— писал об этих событиях полковник Адам,— создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону... Советские танки стояли в 20 км от Харькова... Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника».

Вскоре обстановка резко изменилась. 17 мая 1-я танковая и 17-я немецкие армии из состава армейской группы Клейста силами 11 дивизий перешли в контрнаступление из района Славянска и Краматорска. Прорвав боевые порядки 9-й армии генерала Ф. М. Харитонова, гитлеровцы создали угрозу для 57-й армии Южного фронта. Из района Волчанска, подтянув все свои дивизии, перешла в наступление 6-я армия Паулюса. Часть сил Южного фронта и ударная группировка Юго-Западного фронта попали в трудное положение.

А. М. Василевский немедленно доложил обстановку Верховному Главнокомандующему и предложил прекратить наступление Юго-Западного фронта. Но И. В. Сталин не любил менять свои решения. Переговорив с маршалом С. К. Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что «...мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...»[1].

18 мая обстановка на Юго-Западном фронте еще более ухудшилась. Танки Клейста зашли в тыл советским войскам. Лишь 19 мая был отдан приказ прекратить наступление на Харьков и повернуть главные силы бар-

---

[1] Василевский А. М. Дело всей жизни. Т. 1. С. 213.

венковской ударной группы против войск Клейста. Но было уже поздно. Войска 6-й и 57-й армий, часть сил 9-й армии и оперативная группа Л. В. Бобкина оказались в окружении.

30 июня 1942 года армия Паулюса перешла в наступление из района Волчанска в направлении на Острогожск. Оборона советских войск была прорвана. 21-я и 28-я армии Юго-Западного фронта не устояли под натиском превосходящих сил противника. Положение частей Красной Армии значительно ухудшилось.

В те крайне трудные для нашей Родины дни в войска поступил приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 года. В нем со всей правдивостью раскрывалась серьезная обстановка, сложившаяся летом 1942 года.

«Враг,— подчеркивалось в приказе,— бросает на фронт все новые силы и, не считаясь в большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором».

«Отступать дальше,— с болью и тревогой отмечалось в приказе далее,— значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Из этого следует, что пора кончать отступление».

И как главная из главных ставилась задача: «Ни шагу назад!.. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции, нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя,

чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования»[1].

Тем временем «гвардия фюрера» продолжала наступление. В конце июля армия Паулюса достигла излучины Дона. Однако с ходу форсировать реку она не смогла. Выполняя приказ «Ни шагу назад!», Красная Армия сдержала натиск наступающего врага.

Несмотря на то, что генерал-полковник Паулюс к 30 июля ввел в бой почти все силы армии, прорыв к Сталинграду не удался. Легкого наступления и стремительного броска 6-й армии к Волге не получилось. Фашистским войскам пришлось перейти к обороне, которая продолжалась до подхода новых армейских корпусов — 17-го и 11-го.

...Шла вторая половина августа. Паулюс считал подготовку к решающему этапу операции завершенной. Следовало отдать войскам боевой приказ о наступлении на Сталинград. Собственно, приказ уже был готов, оставалось только подписать его. Паулюс вновь и вновь перечитывал этот документ. Он проявлял особую придирчивость к тексту, подготовленному Шмидтом, полагая, что приказ может оказаться историческим. Как командующий армией, Паулюс не испытывал иллюзий, вполне понимал, что будет нелегко. И потому считал нужным сказать подчиненным прежде всего правду о противнике. Именно с этого и начинался приказ:

«Русские войска будут упорно оборонять район Сталинграда. Они заняли высоты на восточном берегу Дона западнее Сталинграда и на большую глубину оборудовали здесь позиции.

Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак.

Поэтому войска при продвижении через Дон и Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и силь-

[1] Военно-исторический журнал, 1988, № 8. С. 73—75.

ные контратаки в сторону нашего северного фланга».

«В этой части теперь, пожалуй, сказано все»,— подумал генерал. И, испытывая чувство неясной тревоги, стал перечитывать второй пункт. Важность его чрезвычайна: в нем определяются общие задачи армии.

«6-я армия имеет задачей овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач — Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера.

Для этого армия форсирует Дон между Песковаткой и Трехостровской главными силами по обе стороны от Вертячего. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит затем удар главными силами через цепь холмов между р. Россошка и истоками р. Большая Каренная и район непосредственно севернее Сталинграда до Волги. Одновременно часть сил проникает в город с северо-запада и овладевает им.

Этот удар сопровождается на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, которые юго-западнее Сталинграда должны соединиться с продвигающимися с юга подвижными соединениями соседней армии.

Для обеспечения фланга войск в район между нижним течением рек Россошка и Карповка и рек Дон и Калач с северо-востока выдвигаются пока что только слабые силы. С подходом сил соседней армии с юга к Карповке войска выводятся из этого района».

«И здесь все на месте»,— успокоил себя Паулюс.

Прочитав документ до последней строчки и еще раз убедившись, что предусмотрено все, вплоть до запрещения перевозить приказ на самолете и обеспечения сохранения тайны, генерал поставил свою четкую аккуратную подпись: «Командующий армией Паулюс»[1].

В ту минуту Паулюс не предполагал, что этому документу суждено сыграть в его судьбе роковую роль: с него начался путь 6-й армии в сталинградский котел. И не только. Директива Гитлера № 45, на основе которой Паулюс отдал приказ по армии, означала, по мнению западногерманского историка, бывшего генерала вермахта Ганса Дёрра, вступление германского командования на «новый путь, который был в большей

[1] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма.— М., 1973. Т. 2. 339—340.

степени продиктован своеволием и нелогичностью Гитлера, чем рациональным реалистическим образом мыслей солдата»[1].

Но дело, конечно, далеко не в «своеволии» Гитлера. Ведь и другие решения гитлеровского командования, принятые ранее, зачастую не отличались реализмом и учетом сил противника. Для всех без исключения стратегических планов фашистов характерна недооценка возможностей Красной Армии. Под Сталинградом основной просчет германского командования, как замечает видный советский историк академик А. М. Самсонов, заключался в общей недооценке силы советского сопротивления [2].

Армия Паулюса, несмотря на все свои недавние победы, неминуемо двигалась навстречу гибели...

---

[1] Дерр Г. Поход на Сталинград.— М., 1957. С. 28.

[2] Самсонов А. М. Сталинградская битва.— М., 1982. С. 127.

«Мы с русскими справимся»

Генерал-полковник Паулюс был в зените своей славы: его армия продвигалась к Сталинграду, проходя до 30 километров в сутки. О нем и его солдатах восторженно писали немецкие газеты, имя Паулюса ежедневно слышала по радио вся Германия в победных сводках новостей с восточного фронта. Нацистская пропаганда широко рекламировала его как «верного и храброго солдата фюрера», «арийского героя» и «народного генерала». Стало известно, что Гитлер относится к командующему 6-й армией с симпатией и доверием, осыпает его милостями и наградами.

21 августа армия Паулюса форсировала Дон, а через два дня подошла к Волге севернее Сталинграда. 23 августа «гвардия фюрера» прорвала оборону советских войск на внешнем обводе Сталинграда и, совершив 60-километровый бросок, оказалась у северных окраин города.

Нацистская пропаганда поспешила объявить, что «крепость большевиков у ног фюрера». Но город жил, город боролся. Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу ни в коем случае не сдавать его фашистам и предпринять самые решительные действия для ликвидации вражеской группировки.

В телеграмме Ставки от 24 августа подчеркивалось: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда... Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте вовсю артиллерийские и эрэсовские силы... Самое главное — не подда-

ваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе»[1].

Положение в Сталинграде становилось все тяжелее. Вышли из строя водопровод, телефонная станция, трамвай и железнодорожный узел. Прекратилась подача электроэнергии. 25 августа город был объявлен на осадном положении. «Несмотря на все это,— писал позднее А. М. Василевский,— не было растерянности и паники. Значительная часть жителей отказывалась от эвакуации и шла в ряды защитников города, на заводы и строительство баррикад»[2].

Небезынтересны и свидетельства тех, кто пытался поставить на колени защитников Сталинграда. Так, немецкий генерал танковых войск фон Виттерсгейм, едва вырвавшийся из временного окружения, рассказывал в штабе Паулюса:

«Соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращены в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Люди в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели»[3].

В сентябре немцы выдвинули новые части. Стало ясно, что для разгрома гитлеровцев под Сталинградом необходимо сосредоточить дополнительные войска. Тогда-то и родился план важнейшей наступательной операции, получившей наименование «Уран». Этот план предусматривал осуществить окружение немецко-фашистских войск в междуречье Дона и Волги.

...Прошел август. Наступил сентябрь, а «доблестная» 6-я армия все еще не могла взять город, который, казалось, был почти в ее руках.

— Главное командование по-прежнему относится пренебрежительно к нашим предупреждениям относительно северного фланга,— сокрушался Паулюс в раз-

---

[1] Архив МО СССР, ф. 132 — А, оп. 2642, д. 32, л. 151.

[2] Василевский А. М. Дело всей жизни. Т. 1. С. 236.

[3] Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии.— М., 1967. С. 205.

говоре с Адамом.— Непонятная позиция! А между тем положение стало еще серьезней. Я получил от 44-й пехотной дивизии тревожные донесения. В северной излучине Дона происходит переброска больших групп советских войск с востока на запад... Видимо, противник готовится нанести удар с глубоким охватом нашего фланга.

Адам замечал, что настроение у Паулюса день ото дня ухудшалось. Верно, другим он вида не подавал, силой сгонял с лица хмурость. Его все более одолевали сомнения в целесообразности операции по захвату Сталинграда. Поздней осенью 1942 года он высказал их в письме к Гитлеру. Однако тот не согласился с Паулюсом.

Адаму помнится один примечательный эпизод тех дней. Однажды прибыл из Берлина полковник. Молодцевато щелкнув каблуками, он доложил, представляясь командующему, что назначен на должность... коменданта Сталинграда. Паулюс окинул его взглядом и лишь саркастически усмехнулся.

Сомнения в возможности победы возникали и у подчиненных Паулюса. Так, командир 14-го танкового корпуса генерал фон Виттерсгейм предложил командующему армией отойти от Волги. У этого генерала был печальный опыт. 6 августа 1942 года его корпус оказался в окружении, и он смог сам убедиться, как стойко дрались советские солдаты.

И тут последовал неожиданный ход. Паулюс попросил командование сухопутных войск сместить Виттерсгейма и предложил назначить на его место генерал-лейтенанта Хубе. Командующий считал, что генералу, не верящему в успех операции, не место в его армии.

12 сентября Фридрих Паулюс вместе с командующим группой армий «Б» генерал-полковником фон Вейхсом был вызван в Винницу в ставку Гитлера на совещание. Он обстоятельно доложил об обстановке, сложившейся под Сталинградом, особо отметив возрастающую угрозу со стороны советских войск северному флангу 6-й армии. Но Гитлер не пожелал считаться с этими опасениями. Он неизменно повторял свою стереотипную фразу, что Красная Армия уже разбита, а сопротивление в Сталинграде имеет лишь местное значение. Верно, фюрер заявил, что будут приняты меры для прикрытия северного фланга. Но помощь оказалась ничтожно ма-

лой: всего лишь один 48-й танковый корпус, части которого уже были сильно потрепаны.

— Это называется укреплять армию! — возмущался Паулюс, показывая своему адъютанту приказ по группе армий.

Словом, это было время первых робких сомнений Паулюса в верности гитлеровской военной стратегии. Однако, несмотря на эти проблески здравого смысла, до критического, политического осмысления характера войны ему было еще далеко.

«Нам,— пишет о том времени Адам,— не приходило в голову, что начатая гитлеровской Германией вторая мировая война в целом была преступлением не только по отношению к народам, на которые мы напали, но и по отношению к немецкой нации. Мы не понимали, что более глубокая причина нашего поражения на Волге заключалась не в отдельных стратегических или тактических ошибках немецкого командования, а в превосходстве советского государственного и общественного строя, острым мечом которого была Советская Армия»[1].

И все же, несмотря на возникавшие сомнения, Паулюс все еще оставался примером образцового повиновения фюреру. В сентябре 1942 года во время посещения ставки он выразил уверенность в скором осуществлении военных планов Гитлера, подчеркнул, что безоговорочно верит в успех. Фюрер остался доволен им. Этого способного генерала он считал своим искренним единомышленником. Именно потому Гитлер предложил назначить Паулюса начальником оперативного руководства ОКВ, сместив с этой должности временно впавшего в немилость Йодля. Кейтель, тайно завидовавший успехам Паулюса, выдвигал на этот пост кандидатуру Манштейна. Фюрер настаивал на своем. Но вскоре, как это часто бывало с Гитлером, он передумал. Верно, совсем по иной причине.

— Нельзя забирать Паулюса из-под Сталинграда,— сказал он Кейтелю.

Взятию советского города на Волге Гитлер придавал первостепенное значение. «Сталинград,— заявил он 30 сентября,— важнейший стратегический пункт, носящий имя Сталина, вот-вот падет. И никто не в состоянии столкнуть нас с этого места».

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 255.

А Паулюс был верен себе. Он всячески выказывал свое усердие. «Битва за Сталинград идет очень ожесточенно,— писал он адъютанту Гитлера генералу Шмундту.— Дела идут очень медленно, но все же каждый день мы двигаемся немного вперед. Для нас это вопрос людей и времени. Но мы с русскими справимся».

Не были ли эти заявления выражением верноподданнических чувств фашистского службиста? Ведь в глубине души Паулюс уже сомневался в том, что план взятия Сталинграда может быть осуществлен. Он понимал, что к моменту выхода 6-й армии к Сталинграду иссякли последние резервы вермахта в этом районе и пополнить армию новыми силами было неоткуда и нечем.

Но дело тут не в желании угодить фюреру. Земляк и друг Паулюса Вильгельм Адам, как никто другой знавший характер своего командира, свидетельствует: «Паулюс, будучи образованным офицером генерального штаба, трезво оценивал обстановку. Он прекрасно сознавал, что армии угрожает смертельная опасность. Но мысль о том, чтобы нарушить полученный приказ, противоречила его военному воспитанию. С самого начала характерной чертой Паулюса... был глубокий конфликт между ответственностью перед солдатами и военной дисциплиной»[1].

При всей служебной ревностности Паулюса дело вперед не подвигалось: Сталинград взять не удавалось. И в ставке Гитлера все больше разрасталась свара. 24 сентября 1942 года был смещен начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер. Многие западногерманские историки (Г. Дёрр, Г. А. Якобсон, А. Филиппи, А. Хильгрубер и др.) утверждают, что между Гальдером и Гитлером возникли принципиальные разногласия по вопросу о Сталинграде. Однако начальник генштаба высказывал свои соображения, отличные от точки зрения фюрера лишь в частностях. Ни в коем случае он не ставил под сомнение целесообразность самого похода на Сталинград. Именно об этом свидетельствует его дневник.

Сняв Гальдера и назначив на его место генерала Г. Цейтцлера, Гитлер уготовил первому роль козла отпущения на случай провала своих планов. Цейтцлер вообще не имел собственного взгляда на вещи. Известен

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 217.

факт, когда Цейтцлер по приказу Гитлера передавал по телефону ничем не обоснованную директиву:

«Красная Армия разбита, она уже не располагает сколько-нибудь значительными резервами и, следовательно, не в состоянии предпринимать серьезные наступательные действия»[1].

— Как может начальник генерального штаба передавать такие бессмысленные директивы? И к тому же еще лично! — возмущался Паулюс.

Этот пример — убедительное свидетельство того, что в своей безмерной заносчивости гитлеровское командование все еще не верило в способность Красной Армии наступать.

Ставка фюрера торопила командующего 6-й армией, требовала начать штурм Сталинграда.

Для захвата города Паулюс решил нанести два удара: один — силами четырех дивизий из района Александровки в восточном направлении, другой — силами трех дивизий из района станции Садовая в северо-восточном направлении. Таким путем предполагалось рассечь фронт обороны советских войск и захватить город. Остальным войскам Паулюса, находившимся северо-западнее и южнее Сталинграда, предстояло вести сковывающие действия.

В середине сентября 1942 года бои развернулись в самом городе. И с этого времени началась беспримерная по упорству борьба советских войск с сильнейшим противником. Ее вели 62-я армия под командованием генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова и 64-я армия генерал-лейтенанта Михаила Степановича Шумилова.

В тяжелой обстановке уличных боев защитники Сталинграда проявляли исключительное мужество. Это были вынуждены признать солдаты и офицеры 6-й армии вермахта. Например, бывший командир саперного батальона 79-й немецкой пехотной дивизии майор Г. Вельц, подробно описав длительно и всесторонне готовившуюся атаку гитлеровцев в районе завода «Красный Октябрь», так рисует ее эпилог:

«Первые наши группы уже приближаются к переднему краю русских. Еще каких-нибудь двадцать метров — и они уже займут передовые русские позиции!

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 143.

И вдруг они залегают под ураганным огнем. Слева короткими очередями бьют пулеметы. В воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Нам видны каски русских солдат. Глазам своим не верим. Как, неужели после этого ураганного артиллерийского огня, после налета пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадили ни единого квадратного метра земли и перепахали все впереди, там все еще жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь и уже больше не встают наши наступающие солдаты, как выпадают у них из рук винтовки и автоматы...» В окончательном же итоге боя «линии закрепляются, застывают. Все опять как прежде. Как перед атакой, как вчера, как неделю назад! Что за наваждение, уж не приснился ли мне весь этот бой? Пять свежих батальонов пошли в наступление, пять батальонов вели бой, как дома на учебном плацу. А результат? Большинство убито, часть ранена, остальные разбиты, разбиты наголову. Заколдованное место! Как ни пытайся взять его, натыкаешься на гранит»[1]. «Штурмовые группы нашего левого соседа,— свидетельствовал командир полка 71-й немецкой дивизии Роске,— проникли в одно здание и вытеснили русских из нижнего этажа. Но на верхнем этаже противник все еще держится. Много дней наши люди ведут бой всеми средствами, но им не удается оттеснить русских... Они должны были бы там давно умереть с голоду и израсходовать весь боезапас. Но ничего подобного! Горстка людей и не думает о капитуляции!»[2]

Они не думали об этом, защитники Сталинграда. Их боевой дух и стойкость поддерживали коммунисты. Личным примером беззаветной храбрости, ведя большую политико-воспитательную работу в частях, воодушевляли они воинов на подвиги. Тысячи защитников волжской твердыни в эти дни стали членами партии. Высокое сознание ими патриотического долга выразил вступивший в те дни в партию снайпер лейтенант В. Г. Зайцев (ему было присвоено звание Героя Советского Союза), заявивший: «За Волгой для нас земли нет!»

---

[1] Вельц Г. Солдаты, которых предали.— М., 1965. С. 91—94.
[2] Адам В. Трудное решение. С. 152.

Несмотря на героическое сопротивление воинов 62-й армии, к исходу 13 сентября фашистам все же удалось продвинуться на север — к западным окраинам поселков заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», а на юге — овладеть станцией Садовая и подойти к западной окраине пригорода Минина.

«13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями,— вспоминал о том времени Г. К. Жуков.— Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжкие и, как временами казалось, последние часы, был создан 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А. Е. Голованова и С. И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев.

Необходимо отдать должное воинам 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчикам 16-й воздушной армии и авиации дальнего действия, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям Юго-Восточного фронта в удержании Сталинграда.

Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических ударов авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже»[1].

Иссякали и силы гитлеровцев. Вот одно из многих подтверждений.

«Части нашего корпуса,— вспоминал офицер 6-й армии И. Видер,— понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсеченные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 278.

ротах оставалось, как правило, по 30—40 солдат»[1].

14 октября 1942 года Гитлер подписал оперативный приказ № 1 главного командования сухопутных войск о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Этим самым признавался провал планов летнего наступления вермахта на востоке.

В середине октября — начале ноября положение в Сталинграде изменилось в пользу Красной Армии. 62-й армии были приданы шесть доукомплектованных дивизий. Усилен был и Донской фронт (ранее — Сталинградский, переименован в Донской в сентябре 1942 года). Особую заботу Ставка и Генеральный штаб проявили о вновь создаваемом Юго-Западном фронте.

Для оказания помощи ему войска Донского фронта под руководством генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского перешли 19 октября в наступление. В этот же период 64-я армия Шумилова нанесла контрудар с юга в районе Купоросное — Зеленая Поляна во фланг частям противника.

В самом Сталинграде борьба еще продолжалась. 15 октября немцам удалось овладеть Сталинградским тракторным заводом и на узком 2,5-километровом участке выйти к Волге. Положение 62-й армии крайне осложнилось. Часть наших войск, действовавшая севернее завода, оказалась отрезанной. В течение месяца шли тяжелые уличные бои за каждый метр приволжской земли.

11 ноября 6-я армия предприняла последнюю попытку штурма города. В этот день гитлеровцы смогли занять южную часть завода «Баррикады» и на узком участке пробиться к Волге. Здесь героически сражавшаяся армия генерала В. И. Чуйкова оказалась рассеченной на три части. Основные ее силы прочно обороняли территорию завода «Красный Октябрь» и узкую прибрежную часть города, почти до реки Царица. Группа полковника С. Ф. Горохова занимала район поселков Рынок и Спартановка. 138-я дивизия полковника И. И. Людникова отстаивала восточную часть завода «Баррикады».

14 ноября начавшийся ледостав на Волге лишил 62-ю армию В. И. Чуйкова возможности поддерживать

---

[1] Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса.— М., 1965. С. 52.

сообщение с левым берегом. Пять дней она дралась, прижатая к Волге, но своих позиций не сдала. До перехода советских войск в контрнаступление ее положение в городе не изменилось.

Как ни бились войска Паулюса, но им так и не удалось полностью захватить город. Главная группировка противника, действовавшая в районе Сталинграда, понесла настолько большие потери, что вынуждена была окончательно перейти к обороне.

18 ноября 1942 года закончился оборонительный период Сталинградской битвы. Хотя врагу и удалось прорваться в пять районов города и один захватить полностью, но Сталинград не был сдан. В кровопролитных сражениях за этот город на Волге наступательные возможности 6-й немецкой армии были исчерпаны. Ее катастрофа неминуемо приближалась.

«...Мы стояли перед большой оперативной картой,— вспоминал Адам.— С севера, примерно от Воронежа, фронт тянулся вдоль Дона, постепенно поворачивая на восток, пересекая Дон южнее Шишикина и достигая Волги севернее Рынка. На огромном, длиной свыше 600 километров, фланге 6-й армии стояли фронтом на север только два наших армейских корпуса и плохо оснащенные армии союзников. Не внушала спокойствия и линия фронта южнее Сталинграда. Между 4-й танковой армией и 4-й румынской армией, правым соседом 6-й армии, с одной стороны, и германскими соединениями на Кавказе — с другой, зияла огромная брешь...

Перед левым флангом 6-й армии и перед 3-й румынской армией, равно как и перед правым флангом 4-й танковой армии, были обозначены скопления советских частей. Генерал Паулюс положил одну руку на северное, а другую на южное скопление войск противника. Потом он сдвинул руки, словно замкнул клещи. То, что оказалось внутри клещей и надежно отрезалось от внешнего мира, были мы, наша 6-я армия»[1].

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 148—149.

«Был солдатом и служил послушанием»

17 ноября 1942 года Паулюс получил приказ Гитлера. Прочитав его, командующий армией сделал приписку:

«Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках».

Был ли оправдан такой оптимизм?

Ведь Гитлер по сути не обещал никакой реальной помощи своим «храбрым войскам», оказавшимся в почти захлопнувшемся сталинградском капкане. Вот строки его приказа:

«Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск. Но трудности у русских сейчас, при ледоставе на Волге, еще больше. Если мы используем этот промежуток времени, мы сбережем в дальнейшем много собственной крови.

Поэтому я ожидаю, что руководство еще раз со всей энергией, которую оно неоднократно демонстрировало, а войска с искусством, которое они часто проявляли, сделают все, чтобы пробиться к Волге по меньшей мере у артиллерийского завода и металлургического предприятия и захватить эти части города.

Авиация и артиллерия должны сделать все, что в их силах, чтобы проложить путь этому наступлению и поддерживать его.

Гитлер»[1].

Такой приказ фюрера не мог поднять дух солдат и офицеров вермахта. Гитлер глубоко заблуждался — моральное состояние войск в связи с 3-месячными безрезультатными кровопролитными боями под Сталин-

---

[1] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 343.

градом и большими потерями уже было крайне подавленным и изо дня в день ухудшалось.

— Вы ведь сами знаете,— говорил Паулюс Адаму,— что численность наших дивизий в большинстве случаев упала до уровня полка. Но это не единственная причина. Сопротивляемость красноармейцев за последние недели достигла такой силы, какой мы никогда не ожидали. Ни один наш солдат или офицер не говорит теперь пренебрежительно об «Иване»... Солдат Красной Армии с каждым днем все чаще действует как мастер ближнего боя, уличных сражений и искусной маскировки. Наша артиллерия и авиация перед каждой атакой буквально перепахивают местность, занятую противником. Но как только наши пехотинцы выходят из укрытия, их встречает уничтожающий огонь. Стоит нам достигнуть в каком-нибудь месте успеха, как русские тотчас же наносят ответный удар, который часто нас отбрасывает на исходную позицию.

Паулюс был прав. В условиях действий в черте города советские войска применили новую тактику ведения боя. И она оказалась довольно эффективной. «Бой в городе,— писал командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков,— это особый бой. Тут успех схватки зависит больше не от силы, а умения, сноровки, изворотливости и внезапности. Городские постройки, как волнорезы, разрезали боевые порядки противника и направляли его силы вдоль улиц. Поэтому мы крепко держались за особо прочные постройки, создавали в них немногочисленные гарнизоны, способные в случае окружения вести круговую оборону. В своих контрударах мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября во всех полках армии появились мелкие штурмовые группы»[1].

Подобно бойцам, высокую степень стойкости проявило и командование 62-й армии. Во время одной из авиаатак фугасные бомбы попали в нефтяные баки, которые находились рядом с командным пунктом армии. Пылающая огненная масса хлынула к Волге. Командный пункт оказался в море огня. Несмотря на это, все остались на месте, благодаря чему удалось сохранить управление войсками.

К ноябрю 6-я армия Паулюса была измотана до

---

[1] Чуйков В. И. 180 дней в огне сражений.— М., 1962. С. 85.

предела. К тому времени, начиная с июля, в сражениях в районе Дона, Волги и в Сталинграде немецкие войска потеряли до 700 тысяч человек, более 1 тысячи танков и штурмовых орудий, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 1400 боевых и транспортных самолетов. Резервов не было. Некоторые части, по существу, оказались небоеспособными. Морально-политическое состояние не только солдат, но и офицеров, резко упало. Мало кто из них верил, что выйдет живым из этого кромешного ада многомесячных сражений.

Между тем подготовка к контрнаступлению советских войск завершалась. План операции был тщательно отработан. На направлениях главных ударов советское командование, умело проведя перегруппировку войск, смогло создать двойное и даже тройное превосходство над противником.

Карту-план контрнаступления подписали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. «Утверждаю. Сталин»,— написал Верховный Главнокомандующий.

А гитлеровское руководство все еще не осознавало в полной мере надвигающейся угрозы. Немецкая разведка не сумела полностью вскрыть масштабы подготовки советских войск к контрнаступлению в районе Сталинграда. Отдел иностранных армий Востока германского генштаба 6 ноября 1942 года давал такую оценку намерений советского командования: «..Главное направление будущих русских операций против немецкого Восточного фронта все отчетливее вырисовывается в полосе группы армий «Центр». Однако еще не ясно, намереваются ли русские наряду с этим провести крупную операцию на Дону или они ограничат свои цели на юге по тем соображениям, что не смогут добиться успеха одновременно на двух направлениях из-за недостатка сил»[1].

Больше того, за два дня до начала контрнаступления Красной Армии под Сталинградом Гитлер отдает приказ своим войскам в Сталинграде любой ценой пробиться к Волге на новых участках и просит предоставить соображения... об оформлении нового памятного знака —«Сталинградская медаль».

Тем временем приготовления к контрнаступлению со-

[1] Совершенно секретно! Только для командования! С. 430.

ветских войск закончились. 15 ноября в 13 часов 10 минут Сталин телеграфировал Жукову:

«Товарищу Константинову[1].

Только лично

День переселения Федорова и Иванова[2] можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев[3]»

Срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта был установлен 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября.

Часы истории отсчитывали последние минуты, оставшиеся до решающего этапа Сталинградской битвы, ознаменовавшей собой коренной перелом в ходе второй мировой войны.

И вот 19 ноября 1942 года. В 7 часов 30 минут утра устрашающе загрохотала артиллерия. Залпы «катюш» тысячами молний прорезали небо, расцветили его. Это войска Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина и правого крыла Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского перешли в наступление. Мощным ударом они прорвали оборону 3-й румынской армии. На следующий день с плацдарма южнее Сталинграда перешли в наступление войска Сталинградского фронта под командованием генерал-полковника А. И. Еременко.

События развивались стремительно. 3-я румынская армия, не выдержав атаки советских войск, начала отступать, сдаваться в плен. Стоявшие сзади румын немецкие части предприняли попытку остановить продвижение советских войск. Однако гитлеровцы были сметены введенными в бой 1-м танковым корпусом гене-

---

[1] Псевдоним Г. К. Жукова.

[2] День наступления фронтов, которыми командовали Н. Ф. Ватутин и А. И. Еременко.

[3] Псевдоним И. В. Сталина.

рал-майора В. В. Буткова и 26-м танковым корпусом генерал-майора А. Г. Родина. Танкисты продвинулись за день на 20 км.

Тогда противник ввел в бой свои последние резервы. Но и это уже не могло спасти соединения Паулюса.

Наступление продолжало стремительно развиваться. 26-й танковый корпус А. Г. Родина и 4-й танковый корпус А. Г. Кравченко, сметая все на своем пути, продвигались в район Калача на соединение с 4-м мехкорпусом генерала В. Т. Вольского Сталинградского фронта. Левее 21-й армии наступала 65-я армия Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова.

Прошло всего несколько дней наступления, и кольцо окружения сомкнулось. 22 дивизии и около 160 отдельных частей 6-й армии Паулюса и частично 4-й танковой армии оказались взятыми в клещи. Это произошло 23 ноября 1942 года.

Зажатым в кольцо немецким войскам Гитлер приказал не сдаваться. «Держитесь! Я вас выручу»,— телеграфировал он Паулюсу. Действительно, германское командование бросило на помощь окруженным крупные соединения, снятые с Северного Кавказа. Но Красная Армия сорвала их попытки прорваться к окруженным войскам. Одновременно советские соединения продвинулись дальше к большой излучине Дона и в конце ноября отбросили фашистов на 60—100 километров от района окружения.

Как вел себя командующий 6-й армией в те решающие для его судьбы дни? Паулюс понимал необходимость принятия срочных мер. Он предложил командованию групп армий «Б» вывести 6-ю армию из Сталинграда и вместе с другими войсками этой группы отойти на спрямленную линию обороны по Дону и Чиру. Командующий группы армий «Б» генерал-полковник Вейхс согласился с его предложением.

Однако Гитлер был против отвода войск. Он требовал при любых обстоятельствах удерживать фронт на Волге. Одновременно следовали обещания принять решительные меры, организовать мощный контрудар. 6-я армия обязывалась ждать дальнейших указаний.

Паулюс терзался в сомнении: как дальше быть — выполнять приказ фюрера или действовать на свой страх и риск. Он с тревогой докладывал по радио в штаб

группы армий «Б»: «Армия окружена... Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелые орудия в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на шесть дней. Командование армии предполагает удерживать оставшееся в его распоряжении пространство от Сталинграда до Дона и уже принимает необходимые меры. Предпосылкой их успеха является восстановление южного участка фронта и переброска достаточного количества продовольствия по воздуху. Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может заставить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника»[1].

Несмотря на критическое положение 6-й армии, это донесение Паулюса все же носило еще печать половинчатости. Командующий намеревался удерживать оборону. Думал он и о других путях выхода из сложившегося положения. С этой целью Паулюс собрал в Гумраке командиров корпусов. На совещании присутствовали генералы Зейдлиц (51-й армейский корпус), Енеке (4-й армейский корпус), Гейтц (8-й армейский корпус), Штрекер (11-й армейский корпус), Хубе (14-й армейский корпус) и командование 6-й армии. Единодушно было принято решение об организации прорыва из окружения основных сил армии в юго-западном направлении. Более того, оперативники разработали конкретный план прорыва. Его намечалось осуществить после перегруппировки сил. Паулюс поставил в известность обо всем командование группы армий «Б», получил от него согласие на проведение перегруппировки.

Требовалось лишь одобрение плана прорыва Гитлером. Вскоре последовал ответ фюрера. Он гласил: занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления немецких войск.

Это указание Гитлера вызвало недоумение Вейхса и Паулюса. Генералы пытались оспорить решение фю-

---

[1] Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 73—74.

рера, переубедить его, доказать, что немецкие войска, если их не отвести своевременно, обречены на гибель. Под вечер 23 ноября Вейхс послал в ставку телеграмму: «Несмотря на всю тяжесть ответственности, которую я испытываю, принимая это решение, я должен доложить, что считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса об отводе 6-й армии»[1].

Начальник генерального штаба генерал Цейтцлер также заявил о своей солидарности с этим предложением. Против него трудно было что-либо возразить.

В те же часы Паулюс направил Гитлеру отчаянную радиограмму. В ней говорилось: «Со времени получения вашей радиограммы от 22 ноября положение резко изменилось. Замкнуть кольцо окружения на юго-западном и западном участках фронта противнику еще не удалось. Но здесь вырисовывается возможность прорыва его войск.

Боеприпасы и горючее кончаются. Большинство артиллерийских батарей и противотанковых подразделений израсходовали свои боеприпасы. Своевременный и достаточный подвоз предметов снабжения исключен.

Армия окажется в ближайшее время на краю гибели, если не удастся, собрав все силы, нанести поражение войскам противника, наступающим с юга и с запада. Для этого нужно немедленно снять все дивизии из Сталинграда и значительные силы с северного участка фронта. Неизбежным следствием этого должен быть прорыв в юго-западном направлении, поскольку такими незначительными силами невозможно организовать оборону восточного и северного участков фронтов. И хотя мы при этом потеряем много техники, нам удастся сохранить большую часть боеспособных войск и какую-то часть техники.

Я в полной мере беру на себя ответственность за это тяжелое решение, хотя и должен отметить, что командиры корпусов генералы Гейтц, Штрекер, Хубе и Енеке точно так же оценивают обстановку. Учитывая сложившуюся обстановку, еще раз прошу предоставить свободу действий...»[2]

Однако Гитлера и эта радиограмма не переубедила. Испытывая панический страх перед всяким отступлени-

---

[1] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 333.

[2] Совершенно секретно! Только для командования! С. 434.

ем и потерей престижа, он продолжал настаивать на своем. Утром 24 ноября фюрер направил непосредственно Паулюсу приказ, содержавший категорическое требование удерживать Сталинград до последнего. «Войска 6-й армии временно окружены русскими... Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения. Я знаю храбрый личный состав 6-й армии и ее командующего и уверен, что вы все выполните свой долг»[1].

Всю остроту борьбы в ставке, развернувшейся вокруг предложения Паулюса, раскрыл адъютант Гитлера генерал Энгель. «...Большая дискуссия,— писал он в своем дневнике,— по поводу радиограммы Паулюса: ходатайство об отводе всего северного участка фронта, так как позиции невозможно сохранять. Паулюс пишет, что он может создать оборону на южном участке, но не в состоянии удерживать фронт на севере. Фюрер резко отвергает это предложение, хотя Цейтцлер поддерживает его... Фюрер обещает рассмотреть вопрос о переброске с запада новых соединений и подчеркивает снова, что Сталинград ни в коем случае нельзя сдавать; возлагает большие надежды на Гота, веря, что он исправит положение в излучине Дона»[2].

Ни Цейтцлер, ни Вейхс не стали решительно возражать против приказа Гитлера. Они не нашли веских аргументов, чтобы доказать гибельность этого приказа. Что касается Цейтцлера, то он находился далеко, в Германии. А Вейхс был рядом, лучше знал обстановку, но отстаивать предложение Паулюса не стал. Не желая, видимо, искушать подчиненного ему командующего армией, он покорился воле фюрера. Вейхс тем самым уклонился и от принятия собственного решения, побоявшись взять на себя в этот роковой час ответственность.

А тревога среди генералов 6-й армии все более разрасталась. И уже не только Паулюс, но и его подчиненные все настойчивее говорили о необходимости прорыва кольца окружения. 25 ноября 1942 года командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер

---

[1] Совершенно секретно! Только для командования! С. 435.
[2] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 334.

фон Зейдлиц подал на имя Фридриха Паулюса памятную записку под названием «Оценка обстановки». В этом документе трезво и точно оценивалось катастрофическое положение 6-й армии, вопреки приказу Гитлера решительно ставился вопрос о попытке вырваться из окружения:

«Если главное командование сухопутных сил не отменит немедленно приказ, предписывающий армии занять круговую оборону и ждать выручки, то наша совесть по отношению к армии и немецкому народу настоятельно повелевает, чтобы мы сами вернули себе отнятую у нас последним приказом свободу действий и воспользовались еще имеющейся возможностью вырваться из окружения и предотвратить катастрофу. Нависла угроза полного уничтожения 200 тысяч солдат и всей боевой техники. Другого выбора нет»[1].

Эту записку Паулюс отправил главному командованию сухопутных сил. И странное дело, именно на Зейдлица было возложено командование всем северным и восточным участками котла. Так Гитлер пытался убить сразу двух зайцев: сузить власть Паулюса как командующего и связать по рукам Зейдлица, который в данных условиях вынужден был подчиниться фюреру.

С 26 ноября на оперативно-стратегической авансцене под Сталинградом появился один из ведущих военных авторитетов Германии фельдмаршал Эрих фон Манштейн. На него возлагались большие надежды. Считалось, что он сумеет выручить войска, оказавшиеся в ловушке под Сталинградом.

Под командованием Манштейна создавалась группа армий «Дон». В ее состав вошли 4-я танковая и 6-я армии, остатки 3-й и 4-й румынских армий. Предполагалось, что дополнительно сюда же войдут одна танковая и 2—3 пехотные дивизии. Однако для осуществления деблокады сил группы армий «Дон» было явно недостаточно.

Для Паулюса те дни оставались весьма тревожными. Его неотступно одолевали мысли о прорыве блокады изнутри. Спустя полгода, уже находясь в плену, он рассказывал:

— Я думал о том, чтобы спасти армию. Для этого мне нужна была свобода действий и право попытаться

[1] Видер И. Катастрофа на Волге. С. 297—298.

прорвать блокаду в юго-западном направлении. Я думал о страшной опасности: профаны и дилетанты отдают приказы, от которых зависит жизнь сотен тысяч людей. Впрочем, я всегда останавливал себя — а может быть, фюрер хочет принести в жертву сталинградскую группировку? Может быть, это необходимо во имя спасения всего фронта? Он, фюрер, может знать то, что неизвестно мне. Я был уверен, что Манштейн понимал и разделял мои планы и заботы. Но слово наперекор фюреру сказать не смел.

Нет, Паулюс был еще далек от правильной политической оценки захватнических агрессивных целей, которые ставил Гитлер и фашистские заправилы перед своей армией. Позднее фельдмаршал свою позицию объяснял так: «К правильной политической оценке всех событий этой войны и к сознанию собственной ответственности мы в то время еще не пришли, наоборот, мы возлагали всю ответственность только на Гитлера и его непосредственных советников, так же точно, как во время окружения под Сталинградом мы критиковали чисто военные мероприятия»[1].

Как видно, точка зрения Паулюса совпадает с мнением многих западных историков второй мировой войны. Подобно им, он пытался доказать, будто разгром 6-й армии под Сталинградом был предопределен только ошибочными решениями Гитлера и командования вермахта. Но нет сомнения и в том, что полководческие способности самого командующего 6-й армией тоже оказались несостоятельными. Его решение об отказе принять ультиматум советского командования в явно безнадежных условиях, которое воспевается западными биографами Паулюса как «показатель стойкости и верности солдатскому долгу и присяге», на деле было лишь доказательством нерешительности, неспособности переступить принцип «приказ есть приказ».

Глубоко ошибочны и утверждения западногерманских биографов Паулюса и военных историков, прежде всего Вальтера Гёрлица, о том, что Паулюс был этаким отцом солдат и полководцем, чуждым и даже враждебным фашистской карательной политике. Известно другое: сотни немецких солдат были казнены по приговорам военных трибуналов уже в самом кольце окру-

---

[1] Военно-исторический журнал. 1960, № 3. С. 94.

жения. Приданные 6-й армии офицеры СС, айнзатц-команды и другие части особого назначения готовились зверски истребить все население Сталинграда. «Гитлер, как это следует из записи в дневнике ОКВ от 2 сентября 1942 года, приказал, чтобы при вступлении в город *(Сталинград)* было уничтожено все мирное население, так как со своим поголовно коммунистическим почти миллионным населением Сталинград исключительно опасен»[1].

Как относился к этому Паулюс? Мягко говоря, безразлично. По крайней мере, нет никаких данных, свидетельствующих о том, что он был противником этих изуверских планов или не одобрял их.

Тот факт, что планам истребления всего мирного населения Сталинграда не дано было свершиться, отнюдь не заслуга Паулюса. Это результат стойкости и мужества защитников крепости на Волге — воинов и мирных жителей.

В конце декабря 1942 года Паулюс уже прекрасно сознавал безнадежность своего положения и бесцельность огромных потерь, которые понесла немецко-фашистская армия под ударами советских войск. Не только офицеры, но и некоторые генералы 6-й армии стали высказываться за капитуляцию.

В ставке Гитлера причину сложившегося положения видели в «нерешительности» Паулюса и отсутствии единства среди его генералов. «Никто не знает, что будет дальше со Сталинградом,— писал один из офицеров ставки в своем дневнике.— Фюрер очень молчалив, появляется только на обсуждениях обстановки и на докладах. Больше всего мы озабочены тем, что в котле, очевидно, нет единства, и командующий (Паулюс) не знает, что ему предпринять».

Этот вывод подтверждался донесениями. В одном из них, полученном Гитлером от своих информаторов из сталинградского окружения, говорилось, что генерал Зейдлиц «пал духом», а Паулюс — «под вопросом».

Морально-политическое состояние окруженных под Сталинградом фашистских войск все более ухудшалось. Трудности со снабжением, голодный рацион, холод и болезни, провал планов деблокады — все это порождало

---

[1] Schwarberg g. Stalingrad. 40 Jahre danach. Stern. 1983. H. 6. S. 56.

настроения пессимизма и безысходности. Вот что писали из окружения военнослужащие 6-й армии своим родным и близким в Германию: «...В газетах будут печататься напыщенные статьи, окаймленные жирной черной рамкой. Нам будут воздавать честь и хвалу. Но не верь этой проклятой болтовне!»

«Я,— сообщалось в другом письме,— был потрясен, когда взглянул на карту. Мы совсем одни... Гитлер нас бросил... Это конец...»

«...Сталинградская преисподняя,— звучало как призыв одуматься в третьем письме,— должна... быть предупреждением для всех нас». «...Победы не будет! Сталинград — это не военная необходимость, а политическая авантюра,— писал один из офицеров своему отцу-генералу.— И в этом эксперименте Ваш сын, господин генерал, отказывается принимать участие. Вы помешали мне найти путь в жизни. Я избираю свой путь, идущий в противоположном направлении. Он ведет к жизни, пусть это и будет по другую сторону фронта».

Это письма людей, начавших понимать, в какую страшную бездну завлек их Гитлер. Это голос совести немецкого народа, совести, исковерканной нацистским режимом, запутавшейся, мечущейся, но не уничтоженной, живущей.

Многое произошло в судьбах отравленных геббельсовской пропагандой немецких солдат и офицеров, страшные ночи и дни пережили они, прежде чем родились у них такие слова. Политорганами Красной Армии велась большая работа, нацеленная на окруженные войска противника. Они помогали немецким военнослужащим осознать бесперспективность и безнадежность дальнейшего сопротивления. Текст советского ультиматума Паулюсу был отпечатан и распространен в 1,8 миллиона экземпляров. Листовка-обращение «К солдатам и офицерам, окруженным у Сталинграда» была снабжена картой, изображавшей кольцо окружения немецко-фашистской группировки. Листовка содержала выдержку из обращения командующих Сталинградским и Донским фронтами с призывом сдаваться в плен.

В антифашистской пропаганде на Сталинградском фронте участвовали и немцы. В их числе — немецкие коммунисты, возглавляемые Вальтером Ульбрихтом, не-

мецкие писатели-антифашисты — Вилли Бредель и Эрих Вайнерт, а также военнопленные офицеры-антифашисты Эрнст Хадерман, Эберхорд Каризиус и Фридрих Рейер. Они активно участвовали в организации и проведении через линию фронта радиопередач для окруженных войск Паулюса.

В те дни офицер 6-й армии вермахта Гельмут Вельц в своем дневнике записывает: «С рождества в котле зазвучало нечто новое. Это голоса самих немцев, обращающихся к нам через линию фронта, голоса офицеров, голоса немецких писателей и даже одного депутата рейхстага. Его зовут Ульбрихт. Фамилия мне незнакома. Но то, что говорит он нам, что повторяет ночь за ночью, находит своих слушателей... У него есть удивительные аргументы, когда он говорит о безвыходности нашего положения и о том, что каждый из нас еще понадобится после войны»[1].

«Почетная капитуляция,— подчеркивалось в одной из листовок, подписанной Вальтером Ульбрихтом в январе 1943 года,— это единственный разумный шаг, который вы можете совершить. Спасайте свою жизнь. Сдавайтесь, прежде чем оружие Красной Армии скажет свое последнее слово!»

Однажды антифашистская листовка попала в руки Паулюса.

— Это работа немецких коммунистов, эмигрировавших в Россию,— сказал командующий В. Адаму.— Пока я не придаю этой пропаганде слишком большого значения.

И все же Паулюс подчеркнул, что надо быть настороже, не допускать, чтобы люди поддавались вражеской пропаганде, проявляли радикальные настроения, поддерживать у солдат и офицеров надежду на освобождение из окружения.

Однако сообщения, поступавшие с переднего края позиций советских войск, убедительно доказывали окруженным немецким войскам безнадежность их сопротивления. Разоблачения преступного, антинационального характера войны оказывали значительно большее

---

[1] Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 269—270.

воздействие на личный состав окруженной армии, чем это предполагал командующий.

Словом, у тысяч немецких солдат и офицеров, окруженных под Сталинградом, шел процесс прозрения. Он начался еще в кольце, до плена. «Уже тогда слова В. Ульбрихта, В. Бределя и других коммунистов и антифашистов, которые стремились воздействовать на нас извне, оказывали большое влияние,— вспоминает бывший командир 767-го полка 6-й армии полковник Л. Штейдле.— Можно вполне определенно сказать, что эти призывы, доходившие до нас в снежной пустыне, в ряде случаев были восприняты и способствовали тому, что в сознании отдельных людей начался процесс переосмысливания».

Время шло, а окруженная армия Паулюса оставалась все в том же положении. Маленькая надежда на прорыв появилась у командующего 12 декабря. В тот день оперативная группа «Гот» из группы армий «Дон» фельдмаршала Манштейна начала наступление из района Котельниковский. Однако натолкнувшись на сильное сопротивление советских войск, она смогла приблизиться лишь на 60 километров к Сталинграду.

— Это был наш последний шанс, Адам,— грустно сказал командующий своему адъютанту.

16 декабря соединения Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов начали мощное наступление в районе Среднего Дона. Советские войска разгромили 8-ю итальянскую армию и смешанную румыно-немецкую оперативную группу «Холлидт». Котельниковская группировка врага оказалась под угрозой разгрома.

«Обстановка вызывает новое большое беспокойство,— писал 18 декабря генерал Энгель.— 58-й танковый корпус не продвигается. Русские бросают против него все свои силы, все дело идет опять к обороне. Поскольку новых сил больше нет, это означает, что деблокирующие войска остановятся в 50—60 км от фронта 6-й армии. Еще хуже в группе армий «Б». Позиции итальянцев, очевидно, прорваны, то же самое в армейской группе «Холлидт». Вечером: фон Манштейн снова ходатайствует о прорыве 6-й армии; только так можно установить связь со Сталинградом и спасти главные силы армии. Настроение подавленное. Фюрер снова отклонил прорыв, хотя Цейтцлер очень настойчиво выступал за него. Гневный запрос фон Буссе и фон Манштейна, ибо все

подходящие силы передаются группе армий «Б», чтобы заткнуть дыру у итальянцев»[1].

С 20 по 23 декабря войска Манштейна еще предпринимали отчаянные попытки прорвать оборону советских войск на реке Мышкова. «Будьте уверены в успехе»,— радировал Манштейн Паулюсу. Но и эта попытка прорыва успехом не увенчалась. Манштейн вынужден был отступать под сокрушительными ударами советских войск.

Западногерманские историки не раз бросали Паулюсу обвинение в том, что он должен был в те декабрьские дни, когда войска Манштейна приближались к Сталинграду, вопреки приказу Гитлера, идти ему навстречу. Однако они забывают, что в то время 6-я армия не имела реальных шансов на успех прорыва, стратегическая инициатива уже находилась в руках советского командования.

Кратковременный успех Манштейна, добытый ценою неимоверных потерь, вскоре был сведен к нулю. Его войска были остановлены, а после разгрома котельниковской группировки вермахта разбиты. На всем южном крыле советско-германского фронта у гитлеровцев создалось катастрофическое положение. Благодаря глубокому прорыву вражеской обороны на Среднем Дону удалось окончательно сорвать меры, предпринятые гитлеровским командованием по деблокаде сталинградской группировки. Судьба войск Паулюса бесповоротно решилась: в этих условиях попытка «прорыва» носила бы просто самоубийственный характер.

В ставке Гитлера царила полная растерянность. 22 декабря Энгель писал, что у нас глубочайшая депрессия. Почти все надеялись, что Паулюс при всем риске теперь самостоятельно решится на прорыв. Главные силы он бы вывел, хотя и с большими материальными потерями. Сегодня вечером Йодль высказывал мрачные мысли, и было заметно, что и он твердо рассчитывал на это самостоятельное решение, точно так же, как начальник генерального штаба сухопутных войск и командование группой армий.

Зловещую роль в судьбе армии Паулюса сыграл Геринг. Еще 24 ноября он заверил Гитлера, что органи-

---

[1] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 336.

зует снабжение по воздуху окруженной под Сталинградом группировки войск. Перед Паулюсом ставилось только одно условие: обеспечить удержание аэродромов и посадочных площадок для сбрасывания грузов внутри кольца окружения. Заявление командующего люфтваффе вызвало сомнение. «Геринг берет обязательство снабжать армию,— сделал 25 ноября запись в своем дневнике Энгель.— Он говорит, что можно доставлять в среднем в день 500 тонн; следует бросить все, даже Ю-90 из транспортной авиации. Цейтцлер сомневается; полагает, что 500 тонн не хватит, обращает внимание на погоду, потери, но рейхсмаршал очень оскорбляется, говорит, что самолеты будут летать в любую погоду. Демянск и другие примеры доказали, что это возможно. Мы возмущены таким большим оптимизмом, который не разделяют даже офицеры генерального штаба ВВС»[1].

Для оптимизма у Геринга действительно не было оснований. В декабре потери гитлеровских ВВС резко возросли. За этот месяц зенитная и наземная артиллерия, истребительная и бомбардировочная авиация Красной Армии уничтожили под Сталинградом на аэродромах и в воздухе свыше 700 самолетов противника. Обещание Геринга повисло в воздухе. Потребности окруженных войск обеспечить не удавалось. С 24 ноября 1942 года до середины января 1943 года немецкая авиация доставляла под Сталинград в среднем менее 100 тонн различных грузов в сутки, в то время как суточная потребность составляла около 1000 тонн.

Это подтверждается рядом документов. «Как показывали сводки, которые я ежедневно представлял Гитлеру,— пишет, в частности, начальник генерального штаба немецких сухопутных войск Гальдер,— тоннаж перевозимых на самолетах грузов, как правило, составлял 110, 120 и лишь иногда 140 тонн. Последняя цифра превышалась очень редко, и чаще всего 6-я армия получала в день менее 100 тонн грузов»[2].

На ежедневных совещаниях с Гитлером Геринг обещал улучшить положение. Но на самом деле обстановка постоянно ухудшалась.

---

[1] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2, С. 336.

[2] История второй мировой войны. 1939—1945.— М., 1976. Т. 6. С. 74.

Командование 6-й армии вынуждено было изо дня в день уменьшать нормы снабжения войск. Впоследствии Паулюс свидетельствовал, что в дни перед капитуляцией все генералы его армии, в том числе и сам командующий, получали 150, а солдаты — 50 граммов хлеба в день[1].

После поражения войск Манштейна окончательно встал вопрос о ликвидации окруженной группировки. Нужен был новый план операции. С этой целью под Сталинград прибыл представитель Ставки генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. При его непосредственном участии был разработан план ликвидации армии Паулюса под кодовым названием «Кольцо». Ставка, внеся некоторые коррективы, 4 января окончательно его утвердила.

Планом предусматривалось расчленение окруженной группировки ударами с запада на восток и ликвидация ее по частям. Такова была основная идея операции. Для ее осуществления создавались соответствующие группировки советских войск.

Проведение операции «Кольцо» Ставка возложила на войска Донского фронта под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. С 1 января ему передавались три армии Сталинградского фронта — 62-я, 64-я и 57-я. Фронт дополнительно усиливался артиллерией, гвардейскими минометными частями и авиацией. Считалось, что эти силы будут в состоянии в течение трех дней прорвать внешний обвод и осуществить захват окруженных войск.

Положение зажатых в кольцо немецких войск резко ухудшилось. Теперь у них уже не было никаких надежд на спасение извне. В январе 1943 года фронт в районе Дона усилиями наших войск отодвинут на 200—250 километров на запад.

В этих условиях моральное состояние гитлеровцев было окончательно подорвано. Вот лишь некоторые выдержки из писем и дневников солдат 6-й армии. «Мы попали в настоящий чертов котел,— писал ефрейтор Генрих Даувель,— здесь форменный ад. С каждым днем, с каждым часом наше положение становится все хуже». «Сталинград стал нам поперек горла,— вторит ефрейтор Отто Крепель.— В роте осталось лишь семь

[1] История второй мировой войны. Т. 6. С. 74.

человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово «Сталинград» приводит нас в ужас».

«Новый год. Даже не кормят досыта,— с ужасом записал в дневнике Франц Панаш.— Речь постоянно идет о долге перед «фатерландом», которому мы присягали. Будь проклята эта война и те, кто ее развязал! Никто нам не поможет. Нам остается только подохнуть. Ураганный огонь русских. Такого огня я еще не видел. Возможно, это конец. Если так — прощайте, мои дорогие на родине. В нашем бункере 11 человек. Все заняты своими мыслями и не говорят ни слова. Каждая секунда может стать последней. Как долго еще продлится эта мука? Я обвиняю руководство германского рейха и народа. Мы искренне надеялись на лучшее будущее, ждали его и воевали за него, терпели лишения, которые невозможно описать. Лишенные всего, ввергнутые в несчастье, мы умираем...».

«Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня,— делился мнением с родными ефрейтор Карл Мюллер.— ...Я могу сказать, что в Сталинграде я видел больше мертвых немецких солдат, чем русских... Пусть никто на родине не гордится тем, что их близкие, мужья, сыновья или братья сражаются в России, в пехоте. Мы стыдимся нашей жизни...».

«...За эти дни,— с полным отчаянием написал в дневнике ефрейтор Роберт Ян,— наше положение еще ухудшилось. В сущности говоря, мы все больны... Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой... В животе бурлит, вши кусают, ноги обморожены. Я духовно и физически конченый человек... Несмотря на злополучное положение, в котором мы находимся, люди воруют друг у друга... Я погиб... Тысяча проклятий, это ад, хуже ничего быть не может...».

И среди всех этих бедствий, не желающий пренебречь ни удобствами, ни личным комфортом генерал. «Его жилой вагон в замаскированном овраге словно мирный оазис. Салон со столами, креслами, гардинами и портьерами — все стильно, любовно подобрано... Несмотря на зимний холод, здесь уютно и тепло. Чему удивляться! Снаружи под открытым небом стоит железная печка, рядом с ней солдат: целый день он только и делает, что подбрасывает дрова и следит, чтобы огонь не гас... Тот,

кто живет так, спит в тепле и уюте, не может понимать нужд своих солдат. Доброй ночи, господин генерал, приятных сновидений...»[1].

Другой генерал во время боевых действий своей дивизии до одурения напивался. Порой не мог связать двух слов и заплетающимся языком с трудом отдавал приказания по телефону. В таком состоянии на КП дивизии его обнаружил командир корпуса и отстранил от командования. Но генерала не наказали, ему выдали медицинское заключение: ранение, полученное еще в первую мировую войну, доставляет ему страшные боли, а потому он вынужден прибегать к никотину и алкоголю. «Таким образом, господин генерал могут с незапятнанной жилеткой гордо отправиться на родину и принимать там почести как «герой Сталинграда»[2]...

Паулюс знал об этих и множестве подобных фактов. Но он не решился передать разложившихся и скомпрометировавших себя генералов военно-полевому суду. Возможно, командующий считал, что этого нельзя делать в катастрофической для его армии обстановке. Он лишь приказал всем офицерам и генералам своего штаба питаться вместе, в одной столовой, по одним и тем же нормам. И сам возглавил обеденный стол, оборудованный в бункере.

...Кольцо окружения сжималось все туже. Непрерывным потоком шли раненые на Красную площадь[3] и особенно в дом, на котором висел флаг с красным крестом. На каждой койке — по двое-трое. И все нуждались в помощи. То и дело выносили мертвецов за дверь. Стоны и крики не смолкали ни на минуту.

«Это предел человеческих страданий,— запишет в те дни Гельмут Вельц,— такого еще не знала мировая история. Ночное небо вздымается над этими Каннами, над германскими Каннами у великой русской реки, а потомок Эмилия Павла сидит на своей походной койке. Он думает о солдатских добродетелях — верности и повиновении. И о том, каким тяжелым крестом легли они на весь остаток его жизни»[4].

Все большее число офицеров склонялось к мнению

---

[1] Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 195—196.
[2] Там же. С. 196—197.
[3] Так гитлеровцы называли площадь Павших борцов в Сталинграде.
[4] Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 296.

о сдаче в плен. Вот одно из описаний их размышлений:

«Прошли часы, наступил вечер, офицеры сидят вокруг догорающей свечи. В ней осталось всего четыре сантиметра, и она последняя. Скоро наступит тьма.

Полковник ван Хоовен вернулся с совещания у командующего армией, принес пачку сигарет. Все закуривают по одной. Разрывы тяжелых снарядов сотрясают толстые стены подвала, молодой капитан-артиллерист нервно постукивает рукой по столу, переводит взгляд с одного лица на другое. Взгляд вопрошающий и неуверенный, словно капитан ищет поддержки. Потом он не выдерживает:

— Господин полковник, разрешите вопрос? Что вы будете делать, когда появятся русские?

Начальник связи армии спокойно смотрит на него. Ответ звучит четко и ясно:

— Сдамся в плен.

Капитан вздрагивает, не может скрыть своего изумления. Растерянно глядит на полковника, на его плетеные погоны с двумя золотыми звездами, качает головой:

— Господин полковник, нельзя! Мы, офицеры, не можем потом одни вернуться на родину и сказать немецкому народу: твои сыны остались лежать в Сталинграде, а мы единственные, кто остался жить, кто спасся, когда они уже пали!

— И все-таки можем! — повышает голос ван Хоовен.— Процент погибших офицеров такой же, как и солдат. Никто не сможет упрекнуть нас в этом. Мы не только можем вернуться в Германию, мы обязаны это сделать! Именно мы призваны сказать родине правду. Я прошел всю первую мировую войну, я дважды пережил этот ужас. Теперь хватит! Это больше не должно повториться!

— Господин полковник, но ведь мы все не хотели войны. Или, может быть, вы хотели?

— Нет, все мы не хотели. Но, когда наступила пора больших успехов, все мы с восторгом шли в ногу. Пока не угодили в этот подвал. Это вы должны признать»[1].

Наступал последний решающий час. Чтобы прекратить кровопролитие, Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующему Донским фронтом ге-

---

[1] Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 293.

нерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому предъявить 8 января 1943 года 6-й армии Паулюса ультиматум о сдаче в плен на общепринятых условиях. Его текст гласил:

«Командующему окруженной под Сталинградом
6-й германской армией
генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопас-

ность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии
генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский»[1].

Паулюс доложил об этом ультиматуме в ставку фюрера и вновь просил предоставить ему свободу действий. Последовал категорический приказ Гитлера — советский ультиматум отклонить. Паулюс и на этот раз не осмелился ослушаться фюрера. 9 января 1943 года ультиматум был отклонен, а доставивших его в расположение войск 6-й армии советских парламентеров отправили обратно.

В тот же день появился приказ по армии, написанный генералом Шмидтом. Командующий прочитал его и тут же подписал, хотя далеко не со всеми положениями был согласен. «За последнее время,— подчеркивалось в

[1] История второй мировой войны. Т. 6. С. 76—77.

приказе,— русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна: путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Но мы все знаем, что нам грозит, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ожидает верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Одно точно: кто сдастся в плен, тот никогда не увидит своих близких. У вас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод. Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентеров прогонять огнем.

В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам».

Пожалуй, менее всего верил Паулюс в последнюю фразу приказа. Верно, накануне генерал Хубе привез новые заверения Гитлера вызволить его из котла во второй половине февраля. Фюрер приказывал продолжать сопротивление. А он, Паулюс, просто привык безоговорочно подчиняться!

Учитывая состояние бессмысленно гибнувших дивизий и беззастенчивое вероломство Гитлера, «Паулюс был обязан... решиться наконец на самостоятельные действия... В случае своевременной капитуляции могли спастись и после войны вернуться к своим семьям более ста тысяч солдат и офицеров»[1]. Так писал Адам спустя много лет.

А в марте 1943 года во время прогулки в Суздальском монастыре об этом же зашел разговор с Паулюсом.

— Господин фельдмаршал, вы не могли, конечно, не понимать, что сопротивление в котле безнадежно. Почему же вы не приняли ультиматум советского командования, не отдали приказ о капитуляции?

Паулюс некоторое время помолчал, словно заново переживая тяжкие события двухмесячной давности, потом необычно тихо произнес:

— Да, вы ставите мне очень трудные вопросы... Я долго и мучительно думаю об этом сам, особенно в бессонные ночи. Могу твердо сказать одно: я не верил

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 278.

Герингу и его хвастливой болтовне о воздушном мосте. Я не верил ни в какие чудеса, правда, одно время надеялся на Манштейна, Гота и деблокаду. Я знаю — они серьезные люди, но потом понял, что из этого ничего не выйдет. Я просил разрешения сделать попытку уйти из-под Сталинграда, уйти, пока было не поздно,— фюрер не разрешил мне этого.

Паулюс умолк, лицо его стало еще более хмурым, будто он решал самую трудную для себя задачу. Поразмыслив две-три минуты, фельдмаршал продолжил:

— Нарушить приказ и поступить так, как я считал верным? Но я солдат, всегда честно считал, что безоговорочное подчинение приказу — основа основ всякой армии. Без такой дисциплины — нет армии. А армия и служба в ней были содержанием моей жизни...

Паулюс опять сделал паузу, остановился и тихо сказал:

— Бог знает, может быть, я боялся... Боялся бесчестья, суда, наказания. Хотя не считаю себя трусом. В моих мучительных раздумьях в окружении где-то на заднем плане всегда присутствовал Гейдрих — самая страшная фигура в рейхе. И потом еще одно: как я мог предать фюрера, который мне глубоко верил? Я навсегда запомнил его слова, сказанные мне во время военной игры по плану «Барбаросса»: «Истинное величие рейх обретет, только сокрушив Россию... Вы понимаете это, Паулюс?» — Я ответил: «Конечно, мой фюрер!» И еще одно. Доказывать что-либо Гитлеру было абсолютно бесполезно. Пример Браухича, Гальдера, многих других был у меня перед глазами...

10 января 1943 года советские войска начали ликвидацию окруженной немецкой группировки. После мощной артиллерийской подготовки войска Донского фронта К. К. Рокоссовского перешли в наступление с целью рассечь группировку Паулюса и уничтожить ее по частям. Но полного успеха советские войска на этот раз не достигли. Потребовалось еще некоторое время для подготовки к решающим действиям. И вот 22 января войска Донского фронта вновь перешли в наступление. Теперь враг стал быстро откатываться назад.

«Мы вынуждены были начать отход по всему фронту,— вспоминал И. Видер.— Однако отход превратился в бегство... Кое-где вспыхнула паника... Путь наш был

устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом... Мы уже отступали без приказа»[1]. И далее: «Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свежие жертвы, армия стягивалась на все более узком пятачке преисподней»[2].

Среди генералов армии Паулюса были и такие, кто не только отчетливо сознавал бессмысленность дальнейшего сопротивления, но и открыто заявлял об этом. Командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, например, 26 января предоставил право полковым командирам «исходя из своих соображений» прекращать сопротивление и сдаваться в плен. А днем раньше командир 297-й пехотной дивизии генерал-майор фон Дреббер сдался в плен советским войскам. Дреббер прислал Паулюсу письмо.

Командующий тут же углубился в чтение.

— Это почти невероятно,— сказал он.— Дреббер пишет, что он и его солдаты были хорошо приняты... С ними обращаются корректно. Все мы будто бы жертвы лживой геббельсовской пропаганды. Дреббер призывает прекратить бесполезное сопротивление и капитулировать всей армией.

В этот момент вошел Шмидт. Когда он узнал о письме Дреббера, лицо его омрачилось.

— Никогда фон Дреббер не написал бы такое добровольно,— злобно кричал начальник штаба.— Его принудили к этому. Мы не капитулируем! [3]

В эти дни покончил с собой командир 371-й пехотной дивизии генерал Штемпель. Другой генерал — командир 14-го танкового корпуса Шлемер — настойчиво запрашивал разрешение на прекращение огня и сдачу в плен.

Перед своим последним боем к отцу заехал на 15 минут капитан Эрнст Александр Паулюс.

— Наши дела и мои в особенности очень плохи, Эрни,— сказал старший Паулюс.— Взять сейчас Сталинград — химера, плод разгоряченного воображения... Был только один выход — прорыв навстречу Манштейну... Но Гитлер не разрешил уйти отсюда. «Воздушный

---

[1] Видер И. Катастрофа на Волге. С. 94.
[2] Там же. С. 102.
[3] Адам В. Трудное решение. С. 336—337.

мост», который так широко рекламировал «летающий боров» (Геринг — командующий люфтваффе), рухнул. Русские уничтожили более тысячи машин, из них 70 процентов — транспортные самолеты. В частях выдают по пятьдесят граммов хлеба в день...

— Может, ты должен был пренебречь запретом и идти на прорыв? — спросил сын.

— У меня за спиной Шмидт. Он шпионит за мной... Я не удивлюсь, если узнаю, что у него есть параллельная связь с Берлином... Я постоянно чувствую его дыхание на своем затылке... Вообще, какая страшная трагедия, Эрни! Это результат чудовищной лжи. Все лгут, лгут себе, друг другу, лгут ему! Я долго думал, в чем сейчас мой главный долг? Спасти армию уже невозможно, катастрофа — дело дней, в лучшем случае недель. Мой долг сейчас — остаться солдатом, верным родине, народу и его вождю, послушанием служить немецкому народу...— Паулюс-отец помолчал.— Ты, Эрни, отчаянный солдат, но думай иногда и о матери. Ну, с богом...

Отец и сын обнялись. А спустя несколько дней Адам доложил командующему, что Эрнст Александр Паулюс с тяжелым ранением черепа вывезен самолетом в германский тыл.

Все эти декабрьские и январские дни, особенно со времени провала операции Манштейна и ранения сына, Паулюс находился в подавленном состоянии. Г. Вельц, один из очевидцев событий в котле, вспоминал:

«Генерал-полковник Паулюс застыл в своем повиновении. Он оказался вынужденным остаться в котле со всеми своими войсками, держаться и изо дня в день, вновь и вновь вести навязанные русскими бои. Он не нашел в себе силы для самостоятельных действий вопреки воле фюрера и указаниям «стратегов», командующих из-за высоких столов с зеленым сукном. Он молчит, собственно, и нечего сказать войскам.

Зато его начальник штаба знает только одно: держаться, держаться и еще раз держаться! Держаться любой ценой: ценой целых рот и батальонов, ценой тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч жизней! Биться до последнего патрона! До последней съеденной лошади, до последней капли крови. Таков приказ. Больше командованию сказать нечего»[1].

---

[1] Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 193—194.

30 января 1943 года, в день десятой годовщины прихода к власти гитлеровцев, Паулюс направил Гитлеру две радиограммы, составленные Шмидтом. В первой говорилось:

«6-я армия, верная присяге Германии, сознавая свою высокую и важную задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и отечество».

Текст второй радиограммы гласил: «По случаю годовщины взятия Вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении. Тогда Германия победит.

Хайль, мой фюрер!

Паулюс, генерал-полковник»[1].

Гитлер немедленно ответил:

«Мой генерал-полковник Паулюс!

Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной... Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и принесет тягчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами

Ваш Адольф Гитлер»[2].

— Как расценивать эти ваши радиограммы? — такой вопрос был задан Паулюсу.

— Я солдат, и если не мог победить, то обязан служить послушанием,— ответил фельдмаршал.— Так всегда поступают воины, верные присяге.

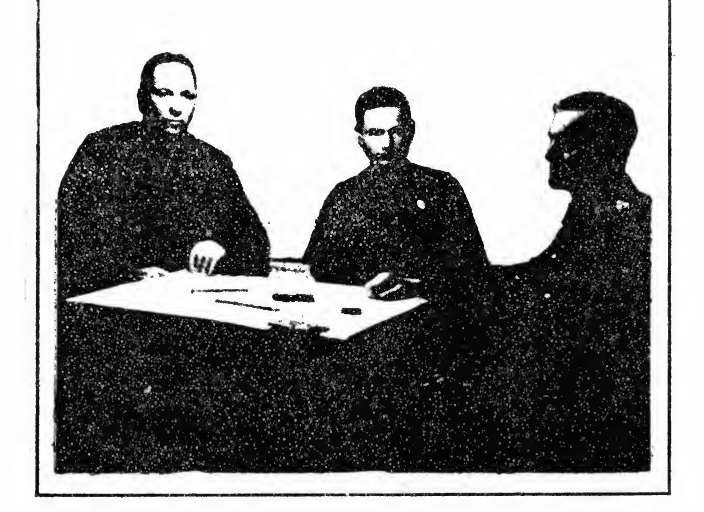
Этот разговор произойдет спустя несколько месяцев после сдачи Паулюса в плен. А тогда, в конце января 1943 года, он, вероятно, уже принял решение, определившее всю его дальнейшую судьбу. Именно в ту пору Фридрих Паулюс написал короткое письмо жене: «Если богу будет угодно — мы увидимся».

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 347—348.
[2] Там же. С. 348.

31 января 1943 года, когда капитуляция 6-й армии уже началась, по немецкому радио было передано сообщение о том, что ее командующему присвоено воинское звание генерал-фельдмаршала. Фридрих Паулюс верно понял смысл жестокой милости Гитлера. Тот рассчитывал, что в ответ на это командующий покончит самоубийством — «германские генерал-фельдмаршалы в плен не сдаются». Но Гитлер просчитался. Генерал-фельдмаршал Паулюс остался жив и сдался в плен, впервые не подчинившись воле фюрера.

ЧАСТЬ 2

«Я принес в плен сомнения»

Неприветливым зимним утром 3 февраля 1943 года по всем городам и деревням «тысячелетнего рейха» от Фленсбурга до Фрайбурга было объявлено о днях национального траура. В казарменных дворах и заводских цехах, в бомбоубежищах и лазаретах, на корабельных мачтах и фасадах старинных ратуш, над рейхсканцелярией и комендатурами концлагерей были приспущены имперские флаги. Из репродукторов доносились скорбные голоса дикторов. В кирхах звучали заупокойные молитвы.

Империя хоронила героя-фельдмаршала, павшего вместе со своей армией на поле брани. «Сражение в Сталинграде закончено,— извещали немецкие газеты.— До последнего вздоха верная своей присяге 6-я армия под образцовым командованием генерал-фельдмаршала Паулюса пала перед лицом превосходящих сил врага и неблагоприятных обстоятельств. Под флагом со свастикой, укрепленным на самой высокой руине Сталинграда, свершился последний бой. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые сражались плечом к плечу до последнего патрона».

А он был жив.

31 января 1943 года командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс вместе со всем своим штабом был взят в плен войсками 64-й армии генерал-лейтенанта М. С. Шумилова. Горьким сарказмом в его адрес звучат слова свидетеля гибели 6-й армии Иоахима Видера:

«Не издав последнего приказа по армии, не сказав ни единого слова прощания или благодарности своим воинам, которые с нечеловеческим упорством прошли сквозь все бои и лишения, новоиспеченный фельдмаршал

сошел со сцены и отправился в плен. Бесславный конец»[1].

Как же осуществлялось пленение? Можно хронологически точно, буквально час за часом, проследить за ходом этой операции. Но, пожалуй, лучше обратиться к рассказам тех, кто непосредственно принимал в ней участие. В их словах — свежесть впечатлений, острота взгляда и оценок.

Первым из советских людей вошел в контакт с Паулюсом в подвале универмага, где нашел себе последнее пристанище штаб 6-й армии во главе с командующим, старший лейтенант Ф. М. Ильченко. Он возглавлял группу захвата 38-й мотострелковой бригады 64-й армии, которой было приказано пленить командование армии Паулюса. Вот его рассказ:

Немецкий капитан провел нас к генералу Роске, представил каждого. Спустя несколько минут в комнату вошел начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Шмидт. Генералы перебросились несколькими фразами и вместе с нами отправились к Паулюсу, которому, как нам торжественно сообщили, накануне присвоили звание фельдмаршала. Войдя в тускло освещенную огарком свечи неуютную и сырую комнату, мы увидели лежащего в одной рубашке, без мундира, довольно пожилого военного. При нашем появлении он поднялся, сел. С нами не поздоровался. Стал тихо говорить со своими генералами. Переводчик сообщил, что все переговоры о капитуляции Паулюс поручает вести генералу Роске. Возвращаемся в комнату Роске. Он заявляет, что немецкое командование, и прежде всего Паулюс, ожидает для дальнейших переговоров представителя более высокого ранга из штаба армии или фронта.

Идем на свой НП. Через радистов докладываю генералу Бурмакову о результатах переговоров с Роске. Спустя некоторое время к зданию универмага по поручению комбрига прибыли его заместитель по политической части полковник Винокур, начальник политотдела бригады Егоров, начальник разведотдела 64-й армии полковник Рыжов, помощник начальника штаба бригады по разведке старший лейтенант Костюшко, инструктор политотдела капитан Бухаров. Вместе с ними мы отправились в универмаг по знакомому уже мне марш-

---

[1] Видер И. Катастрофа на Волге. С. 140.

руту. Во дворе было шумно — сотни немецких вояк выбирались из подвалов. Все это скопище грязных, изможденных солдат и офицеров в замотанном тряпье и самодельной соломенной обуви производило удручающее впечатление.

Нас опять принял Роске. Теперь здесь уже находились командующий артиллерией армии и несколько других высших офицеров немецкого штаба. Сразу же вошел и генерал Шмидт. Была достигнута договоренность о прекращении огня: решили на легковой машине послать представителей обеих сторон объявить об окончании сражения. С нашей стороны поехал капитан Бухаров, с немецкой — адъютант генерала Роске. А через некоторое время в штаб Паулюса прибыли представители командования 64-й армии.

Рассказ о взятии в плен штаба армии Паулюса продолжает начальник разведотдела 64-й армии полковник И. М. РЫЖОВ:

— Шмидту и Роске предложили сейчас же сдать личное оружие. Все гитлеровцы немедленно сдали пистолеты и сняли кинжалы с поясов. На требование нашей делегации проводить нас немедленно к командующему Шмидт ответил, что Паулюс снял с себя обязанности командующего армией и сейчас является частным лицом. Переговоры поручено вести ему, Шмидту, и генералу Роске. Однако мы настояли, чтобы Паулюсу доложили о нашей делегации, чтобы он немедленно принял нас и дал приказ о прекращении сопротивления войскам, ведущим бои в Сталинграде. Через Шмидта Паулюс передал, что армией он больше не командует, а потому никаких приказов войскам давать не может. Одновременно просил передать просьбу, чтобы его как фельдмаршала пленил и сопровождал один из генералов штаба Рокоссовского. Мы ответили, что для принятия капитуляции и пленения штаба 6-й армии с минуты на минуту прибудет представитель командующего Донским фронтом начальник штаба 64-й армии генерал-майор И. А. Ласкин. Ему и будут изложены все просьбы фельдмаршала.

Прибывает советский генерал И. А. ЛАСКИН. Вот как запомнились ему события того дня:

— Мне был доложен ход предварительных переговоров о капитуляции обеих немецких группировок. Свой разговор я начал с генерал-лейтенанта Шмидта. Я назы-

ваю ему свою фамилию, должность, звание и сообщаю, что являюсь ответственным представителем генерал-лейтенанта Рокоссовского и уполномочен вести переговоры о капитуляции 6-й армии. Шмидт ответил, что моя фамилия им хорошо известна и потому они могут приступить к переговорам незамедлительно. Прежде всего требую от присутствующих немецких офицеров немедленно сложить оружие и прекратить все разговоры по телефонам. Шмидт сообщил, что оружие большинством офицеров уже сдано, и тут же распорядился о прекращении телефонных разговоров.

Спрашиваю: «Где сейчас находится генерал-полковник Паулюс?» Шмидт меня поправляет: «Главнокомандующий получил звание генерал-фельдмаршала, он находится в другой комнате».

Предлагаю Шмидту пригласить его сюда. Вместе со Шмидтом направляется офицер, чтобы взять Паулюса под охрану. Вскоре Шмидт возвращается и говорит, что фельдмаршал просит предоставить ему двадцать минут, чтобы привести себя в порядок. Удостоверившись, что Паулюс находится в своей комнате и вход в нее охраняется нашими воинами, удовлетворяю просьбу фельдмаршала. Затем предъявляю генералам Шмидту и Роске следующие требования:

— всем войскам, окруженным под Сталинградом, немедленно прекратить сопротивление;

— организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение и всю боевую технику;

— немедленно передать нам все оперативные документы, особенно документы главного командования;

— прекратить все радиопереговоры.

Советские представители потребовали затем от генералов Шмидта и Роске отдать приказ о немедленном прекращении боевых действий и полной капитуляции всей южной группировки войск. Местом сдачи оружия, техники и приема пленных назначили площадь Павших борцов. Все эти предварительные условия капитуляции немецким командованием были приняты.

Шмидт обращается с просьбой к советской делегации:

— все показания военного порядка Паулюс будет давать только генерал-лейтенанту Рокоссовскому;

— обеспечить полную безопасность фельдмаршалу в дороге;

— хотя Паулюс, как он заявил, теперь является частным лицом, но, пока он не уедет, он просит солдат его охраны не разоружать.

Представители советского командования потребовали доложить содержание последних распоряжений Гитлера для 6-й армии и группы фельдмаршала Манштейна.

— 6-й армии было приказано держаться в окружении до конца,— ответил Шмидт.— О существе же приказов Гитлера войскам, действующим на внешнем фронте, он не знает.

Истекли двадцать минут, предоставленные Паулюсу, но он не появился. Пришлось вторично направить к нему генерала Шмидта. Возвратившись, тот сказал:

— Господин фельдмаршал просит дать ему еще двадцать минут.

Мы отклонили эту просьбу. Я, Бурмаков, Лукин, Мутовин, Винокур и другие направились в комнату Паулюса, где застали его совершенно одетым, в генеральской шинели. Он прохаживался взад и вперед.

Я потребовал от Паулюса дать распоряжение войскам северной группы, еще продолжавшей сопротивление, о прекращении огня.

— Моя армия рассечена на две изолированные группы, и штаб армии не имеет связи с северной группой. Ввиду этого вопросы капитуляции каждой группы должны решать их командующие, а по штабу армии — генерал-лейтенант Шмидт.

Относительно последних распоряжений Гитлера Паулюс ответил следующее:

— Неоднократно повторялось требование продолжать сопротивление и надеяться на подход к Сталинграду группировки Манштейна.

Затем он обратился с просьбой о том, чтобы всех пленных генералов и офицеров разместить отдельно от солдат и оставить им форму и холодное оружие. Мы заявили, что эти вопросы будут решены позднее.

Выйдя из подвала, мы увидели во дворе уже не охрану Паулюса, а наших красноармейцев, которые обезоруживали гитлеровцев. Легко понять состояние советских воинов, участвовавших в кровопролитнейших боях за Сталинград, выдержавших 180-дневную осаду города! Сейчас они брали в плен генерал-фельдмаршала и штаб вражеской армии.

Я предложил Паулюсу сесть со мной в первую машину. Но, так как все вокруг универмага было заминировано, мы отправили в целях предосторожности сначала вторую машину полковника Лукина, в которой находились генерал Шмидт и полковник Адам. Как только мы выехали на дорогу, идущую в Бекетовку, моя машина, в которой сидел Паулюс, пошла первой.

Наблюдая из окна автомобиля за двигавшимися по дорогам колоннами пленных солдат, имевших ужасный вид, Паулюс очень нервничал, лицо его покраснело и подергивалось. Я спросил его, не болен ли он?

— Нет, это результат долгого мучительного переживания позорной капитуляции моей армии,— ответил Паулюс.

В 12 часов 31 января 1943 года Паулюс, Шмидт и Адам были доставлены в штаб 64-й армии. Вспоминает командующий армией генерал-лейтенант М. С. ШУМИЛОВ:

— Около полудня входят ко мне Паулюс, Шмидт и Адам. Не успели они переступить порог, как слышу невероятное: «Хайль Гитлер!» Стало смешно и горько. Гитлер угробил 6-ю армию, а они его славят!

Я резко сказал:

— Здесь нет Гитлера, а перед вами командование 64-й армии, войска которой пленили вас! Извольте приветствовать так, как положено!

Все трое подчинились. Тогда я пригласил их сесть.

Сохранилась запись этого исторического допроса.

Шумилов: Прошу предъявить документы.

Паулюс: Я имею солдатскую книжку.

Шумилов: Удостоверение о том, что вы произведены в генерал-фельдмаршалы?

Паулюс: Такого удостоверения нет.

Шумилов: А телеграмму такую получили?

Паулюс: Я получил приказ фюрера по радио.

Шумилов: Об этом я могу доложить Советскому Верховному Главнокомандованию?

Паулюс: Можете, и господин Шмидт, начальник штаба, может это подтвердить. (Шмидт подтверждает.)

Шумилов: Кто с вами пленен?

Паулюс: Вместе со мной начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт и полковник штаба 6-й армии Адам.

Шумилов: Кто еще?

Паулюс: Имена других я передал в записке парламентерам.

Шумилов: Вас пленили войска 64-й армии. Они дрались с вами, начиная от Дона и Донца и кончая Сталинградом. Жизнь, безопасность, мундиры и ордена вам сохраняются. Господин фельдмаршал, прошу мне сообщить, по какой причине не принят ультиматум советского командования, в котором вам было предложено сложить оружие?

Паулюс: Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ держаться до конца и поэтому не имел никакого права нарушать этот приказ.

Шумилов: А дополнительно от Гитлера вы не получили приказа?

Паулюс: Я с самого начала и до конца имел приказ — драться.

Шумилов: Какие мотивы послужили причиной сдачи оружия сейчас?

Паулюс: Мы не сложили оружия, мы выдохлись... После того как ваши войска вклинились и подошли к остаткам наших войск, нам нечем было защищаться, не было боеприпасов и поэтому борьба прекращена.

Шумилов: Вы отдали приказ южной группировке сложить оружие?

Паулюс: Я такого приказа не отдавал.

Ласкин: Этот приказ был при нас отдан генерал-майором Роске, командиром 71-й пехотной дивизии. Приказ был разослан по частям.

Шумилов: А вы утвердили приказ о сдаче оружия?

Паулюс: Нет, он это сделал самостоятельно. Я не командую южной и северной группировками, части находятся не в моем подчинении. Господин Роске принял решение сложить оружие самостоятельно.

Шумилов: Северной группировке вы отдали приказ сложить оружие?

Паулюс: Нет.

Шумилов: Я прошу отдать.

Паулюс: Я не имею никакого права отдавать такой приказ.

Шумилов: Вы же командующий!

Паулюс: Нет, я теперь пленный и не могу подчиненным мне войскам отдавать приказ о капитуляции. Я надеюсь, что вы поймете положение солдата, поймете его обязанность.

Шумилов: Каждого солдата обязывают драться до последнего, но начальник может приказать своим подчиненным войскам прекратить боевые действия, когда он видит, что люди напрасно гибнут, что это в дальнейшем ведет к уничтожению его подчиненных.

Паулюс: Это может решить тот, кто непосредственно остается с войсками. Так и получилось с южной группировкой, в которую я попал случайно.

Шумилов: (переводчику). Передайте генерал-фельдмаршалу, что я приглашаю его и его спутников к столу, после чего Паулюс поедет в штаб фронта.

Стоит упомянуть об одном примечательном эпизоде, происшедшем на пути в столовую. Шмидт неоднократно поворачивался к Адаму и нашептывал ему: «Ничего не принимать, если они предложат нам выпить... Нас могут отравить». Вообще, они вели себя странно. Оказывается, гитлеровцы предполагали, что их ждет на улице какая-то экзекуционная команда. Адам позднее так писал о тех минутах: «Неужели это конец? Я оглянулся. Экзекуционной команды не было. Может быть, она там, за деревянным домом, к которому шел генерал? Ничего подобного. Шумилов открыл дверь в сени, где хозяйничала пожилая женщина. На табуретах стояли тазы с горячей водой и лежали куски настоящего мыла, которого мы уже давно не видели... Умывание было просто блаженством... После этого нас попросили пройти в соседнюю комнату. Там стоял стол с множеством разных блюд»[1].

Шумилов: Их можно понять: они были очень взволнованы. Да, признаться, и я был взволнован не меньше. Шутка ли, передо мной был тот самый генерал, который принимал непосредственное участие в разработке плана войны против Советского Союза — плана «Барбаросса». А теперь он у нас в плену!..

По дороге Паулюс, который шел рядом со мной, спросил меня:

— Скажите, генерал, чем можно объяснить, что ваши солдаты наступают днем и ночью и при сильном морозе лежат на снегу?

Переводчик перевел. Поблизости стоял наш солдат. Я подозвал его и сказал:

— Посмотрите, как одет наш солдат.— (На нем бы-

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 372.

ли валенки, ватные брюки, теплое белье, полушубок, шапка-ушанка, теплые рукавицы.) — Вот как заботится наша Родина о своих защитниках!

Выслушав перевод, фельдмаршал покраснел от волнения, лицо его исказилось.

Меня предупредили, что пленных нужно как следует накормить, поскольку в штаб фронта они прибудут поздно. Поэтому обед был очень обильный. На закуску — консервы (кильки, шпроты), колбасы разных сортов, сало, затем полный обед из 3 блюд и, конечно, водка. Я сидел за столом рядом с Паулюсом. Через переводчика он мне сказал:

— Я есть ничего не буду. Я голоден, но у вас столь обильный стол и такие жирные блюда, что я есть не могу, а водку выпью.

Однако после водки пошли в ход и колбаса, и другие закуски. Словом, Паулюс и его приближенные выпили и поели хорошо.

Из штаба генерала Шумилова Паулюс был доставлен в штаб командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского. Спустя годы, прославленный полководец так напишет об этой встрече с немецким фельдмаршалом:

«В помещении, куда был введен Паулюс, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ждали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного в полевой форме генерала, остановившегося навытяжку перед нами. Пригласили его сесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам, Николай Николаевич (*Воронов*) не курил. Пригласили выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение

подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение»[1].

«Это было бы недостойно солдата, воскликнул Паулюс, едва выслушав перевод»,— вспоминает переводивший эту беседу Н. Д. Дятленко.

— Можно ли говорить о спасении жизни подчиненных, как о поступке, недостойном солдата, если сам командующий сдался в плен?

— Я не сдался. Меня захватили врасплох,— оправдывался Паулюс.

— Нам известны детали вашего пленения,— сухо заметил Н. Н. Воронов.— Но сейчас мы об этом не будем говорить. Речь идет о гуманном акте с вашей стороны. Мы располагаем достаточными силами и возможностями, чтобы за один-два дня, а может быть, и за несколько часов разгромить части вашей армии, которые до сих пор оказывают сопротивление. Их усилия напрасны — они могут привести лишь к гибели тысяч ваших солдат и офицеров. Ваша обязанность как командующего армией спасти им жизнь.

— Если бы я даже подписал такой приказ, они бы ему не подчинились,— сопротивлялся Паулюс.— Уже потому, что я нахожусь в плену, я автоматически перестал быть командующим.

— Но вы еще несколько часов назад эти функции выполняли,— возразил Воронов.

— Со времени расчленения моей армии на отдельные группы я только формально считался командующим всей армией,— продолжал возражать Паулюс.— Основные приказы поступали от фюрера, а каждой группировкой командовал один из генералов...

— И все же нельзя сбросить со счета ваш личный авторитет, если речь идет о спасении многих тысяч людей,— настаивал Н. Н. Воронов.

— Однако они не подчинились бы мне... Обязанность воина...

— Обязанность обязанностью, но бывают различные обстоятельства,— перебил его Воронов.— Вот вы же сейчас находитесь в полной безопасности, неужели человеческая совесть не подсказывает вам, что ваша обя-

[1] Рокоссовский К. К. Солдатский долг.— М., 1968, С. 188—189.

занность перед теми, кто оказался в окружении, перед их родными и близкими состоит в том, чтобы избежать бессмысленной гибели многих людей, которые долгое время были вам подчинены?

Паулюс уже не находил новых аргументов, чтобы возражать. То он говорил, что, вероятно, уже назначен новый командующий, и его, Паулюса, подпись будет недействительна, то утверждал, что войска 6-й армии не поверят в подлинность его подписи. Но все его возражения спокойно опровергались советскими военачальниками. Паулюс продолжал упорствовать.

— В таком случае, господин генерал-фельдмаршал,— заявил Н. Н. Воронов,— я вынужден вам сказать, что, отказываясь подписать приказ о капитуляции, вы берете на себя тяжелую ответственность перед немецким народом и будущим Германии за жизнь многих тысяч ваших подчиненных и соратников.

Паулюс молчал. Нервный тик, не дававший ему покоя, мешал сосредоточиться. Воронов, понимая состояние Паулюса, сменил тему разговора.

— Какой режим питания установить вам? — спросил он Паулюса.

«Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская Армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали»[1].

На этом первая встреча советского командования с пленным Паулюсом закончилась.

Следующая беседа состоялась вечером 2 февраля. Кроме Н. Н. Воронова и К. К. Рокоссовского присутствовали генералы К. Ф. Телегин, М. С. Малинин, В. И. Казаков, С. И. Руденко. Паулюсу сообщили об окончании операции и разгроме советскими войсками его армии, а также других немецких и румынских частей, находившихся в окружении.

— Как это вы, хорошо теоретически подготовленный и опытный генерал, допустили такую ошибку и позволи-

---

[1] Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса». С. 186—187.

ли загнать вверенные вам крупные подразделения в мешок? — спросил К. К. Рокоссовский.

— Для меня ноябрьское наступление русских было полной неожиданностью,— ответил Паулюс.

— Как? — удивился Н. Н. Воронов.— Вы относительно узким фронтом прорвались к Волге и рассчитывали спокойно отсидеться всю зиму на достигнутых рубежах? Вы что же, не ожидали зимнего наступления Советской Армии?

— Нет, по опыту первой военной зимы я знал, что наступление возможно, но операций таких масштабов я не ожидал...

— Какое влияние, на ваш взгляд, может оказать Сталинградская битва на весь ход войны?

Пленный фельдмаршал ответил, что давно не имел оперативных сводок с других участков фронта и поэтому не может судить о положении в целом. Тогда Н. Н. Воронов приказал показать Паулюсу карту обстановки на всех фронтах на 2 февраля 1943 года. Фельдмаршал рассматривал ее недоверчиво и иронически улыбался, давая понять, что не верит карте. Ему объяснили, что карта эта не изготовлена специально для Паулюса, а ведется для ориентировки представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

— Ну, и как вы считаете? — спросил его после этого Н. Н. Воронов.

— Знаете,— сказал Паулюс,— солдатское счастье изменчиво...

После нескольких вопросов, касающихся значения Сталинградской битвы, Паулюс признал, что операцию Красной Армии по окружению и уничтожению его армии можно отнести к разряду классических операций.

— Но и мою оборону в окружении, длившуюся столь долгое время и в таких неблагоприятных условиях — при недостатке боеприпасов, топлива, продовольствия и зимнего обмундирования,— тоже можно отнести к разряду классических операций,— добавил он.

Это заявление встретило сдержанные усмешки советских военачальников.

Затем пленный фельдмаршал заявил, что неудовлетворительное снабжение его армии объясняется в числе других причин также и тем, что некоторые «дилетанты» из окружения Гитлера заверили последнего, что авиация поможет армии через воздушный мост. Паулюс не на-

звал фамилий этих дилетантов. Но всем было ясно, что он прежде всего имеет в виду «наци № 2», шефа фашистских люфтваффе Геринга.

...Допрос окончен. Паулюс встал, вытянулся, отдал честь советским генералам и, повернувшись к двери, вышел. Надев свою тяжелую шинель, он собирался уже было выйти к машине, но внезапно обратился к полковнику Якимовичу:

— Господин полковник, не мог бы я пройти пешком до моего дома?

Якимович ответил, что на улице очень холодно и что лучше бы поехать на машине. На лице Паулюса было написано явное желание настаивать на своей просьбе.

— Ну что ж,— сказал Якимович,— если вам угодно...

«Мы вышли на улицу и молча двинулись по дороге втроем,— вспоминает Л. А. Безыменский.— Где-то сзади шли конвоиры. Была морозная, звездная ночь, совершенно тихая и спокойная. Снег скрипел под сапогами. И вдруг Паулюс, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Вы знаете, я много месяцев не видел звездного неба.

И, не дождавшись ответной реплики, а может быть, и не желая вступать в беседу, сам сказал:

— Да, с того времени, как мы уехали из Голубинской.

— Да,— сказал я,— ведь в Голубинской был ваш штаб.

Паулюс молча кивнул головой. Минут через пять мы подошли к его домику»[1].

«Центральный котел» — значительная часть сталинградской группировки вермахта, которой командовал генерал Гейтц. Этот котел был отсечен советскими войсками от штаба Паулюса и капитулировал 31 января. Еще двое суток сопротивлялись остатки 6-й армии на севере. Несмотря на настойчивые требования генералов Латтмана и фон Ленски, командовавший этими войсками генерал Штрекер не соглашался отдать приказ о капитуляции. Тогда войска советских 62, 65 и 66-й армий принудили врага сложить оружие. 2 февраля северная группировка 6-й армии капитулировала. Боевые действия в районе Сталинграда и в самом городе прекратились.

---

[1] Безыменский Л. А. Особая папка «Барбаросса». С. 187.

В ставке Гитлера, в Берлине, во всем рейхе царили растерянность, уныние и паника. Ведь еще совсем недавно население Германии уверяли, что Сталинград, собственно говоря, уже взят, а закрепление победы — вопрос дней.

А за день до полного разгрома своих войск на Волге — 30 января 1943 года Гитлер по радио говорил:

«...Я шел туда (*в Сталинград*) потому, что это весьма важный пункт. Через него осуществлялись перевозки тридцати миллионов тонн грузов, из которых почти девять миллионов тонн нефти. Туда стекалась с Украины и Кубани пшеница для отправки на север. Туда доставлялась марганцевая руда. Там был гигантский перевалочный центр. Именно его я хотел взять и — вы знаете, нам много не надо — мы его взяли! Остались незанятыми только несколько совсем незначительных точек. Некоторые спрашивают: а почему же вы не берете их побыстрее? Потому что я не хочу там второго Вердена. Я добьюсь этого с помощью небольших ударных групп!»

Когда Гитлеру доложили о пленении Паулюса, его гневу не было предела. Но гнев гневом, а надо было сообщить эту трагическую весть стране. И сообщить после того, как сам фюрер только что заверил: Сталинград взят...

Орган нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер» о событиях в Сталинграде известила 31 января весьма двусмысленно: «Скоро в этом футболе все станет ясно». Геринг выступил в министерстве авиации с оптимистической речью. Шеф люфтваффе назвал сражение на берегах Волги «величайшей героической битвой нашей истории».

В первые три дня февраля туман не рассеивался. Немецкая печать продолжала писать о героизме солдат и офицеров армии Паулюса. Наконец 4 февраля «Фёлькишер беобахтер» вышла с сообщением на первой полосе: «Сражение 6-й армии у Сталинграда закончилось». Этот аншлаг дополнялся словами: «Они погибли, чтобы жила Германия!» Две редакционные статьи — «Верные своей присяге» и «Памятник на Волге» — создавали впечатление, будто все сражавшиеся под Сталинградом солдаты и офицеры вермахта погибли, но не капитулировали. О гибели Паулюса говорилось как о чем-то само собой разумеющемся. Иной вариант его судьбы даже не предполагался.

Между тем Гитлер знал правду. Германское командование располагало точной информацией и подробными данными. Более того, вопрос о пленении Паулюса обсуждался в ставке Гитлера. Вот выдержки из стенограммы совещания в «Волчьем логове» 1 февраля 1943 года.

«Гитлер: У меня было письмо (Манштейна)... В нем он пишет: «Относительно людей я пришел к следующему заключению: Паулюс — под вопросом; Зейдлиц — пал духом; Шмидт — пал духом».

Цейтцлер: О Зейдлице я тоже слышал плохое.

Гитлер: ...После всего этого ценность людей сейчас нам не безразлична, в войне в целом нам нужны мужчины... В германской империи в мирное время ежегодно от 18 до 20 тысяч человек предпочитали добровольную смерть, даже не будучи в подобном положении.

В данном случае этот человек (*Паулюс*) мог видеть, как 50—60 тысяч его солдат умирают и мужественно обороняются до последнего... И как мог он сдаться большевикам?! Это!!!...

Цейтцлер: Это нечто такое, что совершенно непостижимо!

Гитлер: Но первое подозрение у меня еще раньше возникло. Это было в то время, когда он запрашивал, что ему теперь делать. Как он мог тогда вообще задавать такой вопрос? Следовательно, в будущем каждый раз, если какая-либо крепость будет осаждена и начальник гарнизона получит требование о капитуляции, он первым делом станет спрашивать: что ему теперь делать?..

С какой легкостью он это сделал! (*Сдался в плен*)... А вот Бекер... запутался со своим вооружением... и застрелился. Это же так просто сделать! Пистолет — легкая штука. Какое малодушие — испугаться его! Ха! Лучше себя похоронить заживо. И именно тогда, когда он точно знал, что его смерть явилась бы предпосылкой удержания других котлов. Теперь он подал такой пример, нельзя ждать, чтобы солдаты продолжали сражаться.

Цейтцлер: Тут нет никаких оправданий. Он обязан был раньше застрелиться, как только почувствовал, что нервы могут отказать.

Гитлер: Если отказывают нервы, все равно не остается ничего другого, как сказать: «Я ничего не мог боль-

ше сделать» — и застрелиться. В этом случае можно было бы сказать: человек вынужден застрелиться, подобно тому как раньше полководцы бросались на меч, если они видели, что сражение проиграно. Это само собой понятно. Даже Вар[1] приказал своему рабу: «Теперь убей меня».

Цейтцлер: Я все еще думаю, они, может быть, так и поступили, и только русские утверждают, что всех взяли в плен.

Гитлер: Нет!

Энгель: Странно, смею сказать, что они не указали, что Паулюс взят в плен, будучи тяжело раненным. В таком случае они могли бы впоследствии объявить, что он умер от ран...

Гислер: Как же можно было бы иначе действовать?.. Ведь тогда я должен был бы сказать, что идиот тот солдат, который рискует своей жизнью, постоянно жертвует своей жизнью...

Мне это потому так досадно, что из-за одного-единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь многих... Представьте себе: он прибудет в Москву... Там он подпишет все. Он будет делать признания и составит воззвания. Вы увидите: теперь они пойдут по пути бесхарактерности до предела, докатятся до глубочайшего падения...»[2]

А в это время остатки разгромленной «гвардии фюрера» — почти сто тысяч генералов, офицеров, унтерофицеров и рядовых — нескончаемыми колоннами брели по заснеженной степи на советские сборные пункты. Там их ожидала кружка горячего чая, кусок хлеба и колбасы, крыша над головой и — что самое главное — тепло! Впервые за много дней можно было не только расстегнуть, но даже снять прокопченную шинель, стянуть с ног окаменевшие сапоги.

Впервые за многие месяцы бывший командующий лежал на белоснежной постели, спал раздевшись. Ему регулярно приносили сытную, хорошую еду, приходил врач...

---

[1] Вар — римский полководец. Потерпел сокрушительное поражение в битве с полчищами варваров в Тевтобургском лесу в 9 году н. э.

[2] Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 369—375.

С тепла, крова и пищи начиналась для каждого из них — от солдата до фельдмаршала — новая жизнь.

Через несколько дней военнопленные генералы и старшие офицеры вермахта, взятые в плен под Сталинградом, покинули разрушенный город на Волге и отправились в глубь страны. Классные железнодорожные вагоны, организованное питание, чистое белье служили в течение трех дней пути предметом постоянных разговоров и удивлений. Ведь, что и говорить, большинство немецких военнопленных верили фашистским выдумкам об «ужасах большевистского плена». Генерал Шмидт и группировавшиеся вокруг него офицеры не переставали нашептывать:

— Погодите, все еще впереди...

В тяжелых раздумьях и с чувством избавления от недавнего кошмара ехал с остатками своего бывшего штаба фельдмаршал Паулюс.

— С чем, с какими мыслями пришли вы в плен? — спросили Паулюса в марте 1943 года.

Помолчав несколько минут, он тихо сказал:

— Я принес в плен свои сомнения, но и непоколебимую верность солдата.

Что касается сомнений, то они возникли в результате того, что Паулюс впервые во время Сталинградской битвы ощутил некомпетентность фюрера в военных вопросах, хвастливую беспочвенную самоуверенность Геринга, беспорядки в ставке... А в отношении непоколебимой верности... Верности кому и чему? Об этом пойдет речь дальше.

За монастырскими стенами

Глубоко в прорези обветшалой подкладки полевой сумки — единственной вещи, оставшейся у меня со времен войны,— я нашел несколько смятых страничек из самодельной записной книжки...[1]. Беглые, поблекшие от времени неразборчивые заметки: «27.03.43 — бес. с пл. Р.», «Эксперт-психолог», «газ. с. П. 8.04.43», «вн.— Ш!», «Л. Ш. уже видит!», «бес. с П, (!)», «поэт», «Д. 4.07.43. М-ва!»

Заметок много. И все в таком же духе. Эти заметки — «рабочие планы» на предстоящий день — были понятны мне одному. Они были сделаны в 1943 году в стенах Спасо-Евфимьева монастыря в городе Суздале, тогда еще Ивановской области. Здесь, в лагере для военнопленных, находился в ту пору генералитет и офицерский корпус группировки фашистского вермахта, взятой в плен.

Мне, молодому офицеру, предстояло работать с ними, жить среди них. Но лучше начать по порядку...

В шифротелеграмме в часть, поступившей в первых числах января 1943 года, говорилось: «Срочно откомандировать в Москву, в распоряжение начальника Управления кадров Главного управления контрразведки «Смерш» НКВД СССР генерала Свинелупова для выполнения специального задания солдат и офицеров, знающих немецкий язык, имеющих высшее и незаконченное высшее образование и положительную боевую и партийно-политическую характеристику».

Несколько часов на сборы и получение документов и потом несколько дней на пересадки, вернее, перебеж-

---

[1] Далее рассказ ведет А. Бланк, используя свои заметки в записных книжках. *(Примечание ред.).*

ки из эшелона в эшелон, и вот вечером я, ошалелый от дороги и отвыкший от ритма жизни большого города, стою на погруженной в темень Комсомольской площади столицы, по которой движутся автомашины с синими фарами. Еще полчаса — и я в бюро пропусков наркомата внутренних дел на Кузнецком мосту. Звоню из кабины по указанному мне дежурным телефону, докладываю, что прибыл.

— Лейтенант Бланк? — переспрашивает голос на другом конце провода.

— Да, да,— подтверждаю я.

— Москву знаете?

— Конечно, знаю.

— Тогда поясню, куда вам надо идти. Напротив правой торцовой стороны Манежа, если стоять лицом к Кремлю, на одной линии со станцией метро и библиотекой Ленина, есть большое угловое здание. На втором этаже найдете дежурную по гостинице «Селект», предъявите документы. Вас устроят на ночлег. Завтра в 11 утра позвоните.

На следующий день я, получив заказанный заранее на мое имя пропуск, пришел в «дом два» НКВД СССР. В течение часа шла беседа у полковника А. М. Неволина, затем у майора Л. Н. Ширина. Они подробно интересовались моей тогда еще совсем короткой биографией, расспросили о семье — родителях, брате... Александр Михайлович Неволин оживился, когда я рассказал, что в 1937—1938 годах, еще школьником, работал пионервожатым в детском доме для детей республиканской Испании в Одессе, а начав учиться на истфаке университета, изучал историю Лейпцигского процесса. Затем зашел разговор о знании немецкого языка.

— Изучал его с детских лет,— сказал я полковнику.— Мать — преподаватель иностранных языков. Читаю свободно, знаю наизусть много стихов, большие куски из «Фауста», многие баллады Шиллера, люблю Гейне. Разговорной же практики почти не имел.

Он улыбнулся:

— Ничего, скоро вы ее получите, да еще какую!

Неволин встал, поднялся и я. Он отметил мне пропуск и посоветовал «пользоваться столицей».

— В ближайшие дни мы вас снова вызовем,— сказал полковник на прощанье.

Очередной вызов последовал через четыре дня.

— Поедете переводчиком в лагерь военнопленных в Суздаль,— объявил мне Неволин.— От Москвы недалеко, двести с лишним километров. Работа будет ответственной и интересной. Проездные документы, деньги и аттестат получите здесь. Выехать надо немедленно. Поездом до Владимира, а там явитесь в городской отдел НКВД. Вас отправят дальше, в Суздаль.

— О вашем приезде туда уже сообщено,— окидывая меня взглядом, закончил разговор полковник.— Желаю успеха.

Меньше чем через сутки я был уже в Суздале. Со дня на день здесь ждали прибытия основного «контингента» — офицеров и генералов гитлеровской армии, взятых недавно в плен под Сталинградом. Вскоре приехала первая партия — лейтенанты, капитаны, майоры. Затем прибыли подполковники и полковники. Подавляющее большинство — из 6-й армии вермахта.

Мы готовились к приему большой группы генералов во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом. Беседуя с пленными офицерами разных рангов и должностей, старались составить мнение о 6-й армии вермахта — ядре сталинградской группировки гитлеровцев. Вскоре выявилось, что в кругу пленных все еще жили легенды о «храбрых рыцарях» 6-й армии, об их «аристократизме», «доблести», «благородстве».

Замечу, что пленные были неоднородны по служебному положению и происхождению. Среди офицеров как строевых, так и особенно штабных, было много людей с громко звучащими именами — сыновья и другие родственники высокопоставленных гитлеровцев, с приставками «фон» перед фамилией. Немало было и «штрафников» высокого ранга. Это те, кто занимал высокое положение в государственном или партийном аппарате рейха, в органах СС, был связан с ценной секретной военной, политической и технической информацией, но в чем-то провинился и попал для искупления своей вины на фронт. Кстати, недавно умерший премьер-министр западно-германской земли Бавария глава ХСС Франц Йозеф Штраус всегда с гордостью вспоминал, что воевал в составе 6-й армии, но избежал котла, так как был ранен и вывезен самолетом в рейх.

Длинным кровавым следом отмечен путь 6-й армии по советской земле. Командовавший армией до Паулюса генерал-фельдмаршал фон Рейхенау требовал от своих

подчиненных жестокого террора и беспощадности по отношению к мирному населению оккупированных территорий, к партизанам и сочувствующим им, предусматривал казни и экзекуции. В его приказе по армии от 10 октября 1941 года говорилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и покорение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина...

К борьбе с врагом за линией фронта мы все недостаточно серьезно относимся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную и гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Пора начальствующему составу пробудить в себе понимание борьбы, которая ведется в настоящее время...»

Паулюс, находясь уже в плену, говорил, что он отменил этот «позорный приказ» своего предшественника. Но расправы над мирным населением продолжались. Они осуществлялись прежде всего руками эсэсовцев. 6-я армия имела сильную эсэсовскую прослойку — чины гестапо и СД, команды специального назначения, а также полевая жандармерия и службы абвера.

Пленные фельдмаршал и генералы все еще находились в Красногорске — небольшом городке тогда в 20 километрах к северо-западу от Москвы. Сюда они прибыли через три дня после отправки из Сталинграда. Здесь за два месяца жизни генералы 6-й армии успели привыкнуть к порядкам в советском плену — четкому режиму питания и медицинскому обслуживанию, теплым жилым помещениям и чистоте...

Как будто по молчаливому уговору, военнопленные избегали в первые недели лагерной жизни разговоров на серьезные темы. Обсуждались эпизоды лагерных будней, вспоминались прежние события личной жизни, близкие и друзья, находившиеся в Германии...

— Все мы еще испытывали своего рода умственный паралич, находились в состоянии шока, вызванного ужасами пережитого,— вспоминал о том времени полковник Адам.

В апреле 1943 года Паулюс, генералы и полковник

Адам получили приказание подготовиться к переезду на новое место. Автобусом до Москвы, несколько часов езды поездом, час машинами, и генералы-военнопленные оказались в маленьком, очень тихом районном городке, имеющем богатое прошлое.

Суздаль — некогда славная столица древнейшего русского княжества — многое повидал за свою тысячелетнюю историю. Стены его кремля, замечательные здания многочисленных церквей и монастырей — молчаливые свидетели свершений и событий большой важности. Этот, в подлинном смысле слова, город-заповедник жил в годы Великой Отечественной войны скромной трудовой жизнью тылового города. Впечатление было такое, что жизнь здесь течет в стороне от больших дорог и событий уныло и неторопливо, даже война почти не ощущается.

Почти на каждом шагу все военнопленные без исключения, даже самые закоренелые маловеры, невольно для себя отмечали образцовый порядок, с первого дня заведенный в Суздальском лагере: опрятные жилые помещения, чистое белье, и, пожалуй, главное — сытную пищу. Дневной рацион военнопленного составлял:

— хлеб — 600 граммов;
— сахар — 17 граммов;
— жиры — 15 граммов;
— мясо — 80 граммов;
— картофель — 900 граммов;
— овощи — 400 граммов;
— кофе — 5 граммов;
— табак — 5 граммов.

Больные получали дополнительный паек, включавший мясо, молоко и масло. Особое питание устанавливалось для пораженных дистрофией.

Словом, нормы питания в лагере значительно выше тех, по которым снабжалась в последние месяцы сталинградская группировка вермахта. Что касается генералов и старших офицеров, то им жилось довольно сытно. Они получали разнообразную высококачественную пищу и даже ежедневный табачный паек папиросами высшего сорта «Казбек».

Нельзя сказать, что такие условия содержания «контингента» вызывали у работающих в этом лагере советских людей бурное одобрение. Мягко говоря, это было не совсем так. Все мы много слышали и читали о не-

мецких лагерях для военнопленных Красной Армии. Все знали о зверствах гитлеровцев на советской земле, многие пережили фронт, потерю родных и близких. И потому было трудно и обидно смотреть на хорошо оборудованные и чистые лагерные столовые, удобные жилые комнаты, зал для концертов самодеятельности, бани, библиотеку.

Но наше мироощущение и воспитание властно подсказывали: все это правильно. И столовые, и общежития, и сытная пища, и заботливые врачи — все это отличает нас, советских людей, от фашистов, ставит неизмеримо выше их.

Помню, как с радостным волнением читали мы в «Правде» слова Леонида Леонова: «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани и скалозубства против вражеского воина, плененного в бою... Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их...»

Однако то, что мы узнали о дискуссиях среди пленных по отдельным репликам самых откровенных врагов или, наоборот, самых доверчивых офицеров, — отнюдь не увеличивало наши симпатии к временным жителям Спасо-Евфимьева монастыря.

— Это пропаганда,— утверждали одни,— самая изощренная пропаганда русских. Они хотят расслабить нас, усыпить нашу бдительность, выставить фюрера лжецом и клеветником, чтобы побудить нас к измене присяге.

— Русские просто боятся возмездия за плохое обращение с нами. Они хотят иметь свой шанс на случай поражения,— говорили другие.

Кое-кто даже пояснял, что в этом феномене «прощения» нет ничего удивительного. Мягкосердечные славяне, мол, «пасуют» перед «народом господ», чувствуют свою неполноценность и отдают должное... «рыцарям германского духа».

Были суждения и литературно-психологического порядка:

— Достоевский,— говорили интеллектуалы,— давно объяснил русскую душу. Для нее характерен комплекс «любовь-ненависть».

А кто-то даже припомнил Толстого с его непротивлением злу.

Мы обменивались мнениями по поводу этих сужде-

ний и удивлялись самодовольству и тупости, высокомерию и примитивизму наших подопечных.

Множество необычных проблем сразу вставало перед советским человеком, попавшим на работу в лагерь для военнопленных. Во-первых, надо было ни на минуту не забывать, что находишься среди врагов, правда, уже не вооруженных, но отнюдь не ставших друзьями или хотя бы нейтральными. И ничто не может изменить этого ощущения — ни учтивое козыряние встречающихся в «зоне» лагеря офицеров и чисто немецкое щелканье каблуками, ни услужливая готовность выполнять любое распоряжение офицеров лагеря, ни бесконечные «яволь».

Меня несколько дней, как кошмар, мучила мелодия эстрадной песенки, исполнявшейся одним из военнопленных:

Яволь, майне херрн,
Дас хабен вир зо герн —
Яволь! Яволь! Яволь! [1]

У некоторой части пленных — открыто заискивающее выражение лица. Но все это не обманывало, не снижало чувства обостренной настороженности и почти фронтовой бдительности.

Во-вторых, было и другое, не менее остро ощущаемое чувство. Оно диктовалось особенностями мировоззрения советского человека, который, еще не имея конкретных фактов и данных, не мог, однако, не знать, что в одноликой, на первый взгляд, массе обезоруженных и внешне вполне покорных солдат и офицеров есть (и непременно должны быть!) не только непримиримые враги, военные преступники, но и просто обманутые гитлеровскими посулами рядовые немцы, а может быть, и противники кровавого гитлеровского режима.

Когда сотни офицеров и солдат замирали по команде «смирно» на утренней поверке, которую они по-своему называли «аппель», и староста лагеря военнопленный румынский подполковник Николае Камбрэ отдавал рапорт начальнику лагеря полковнику А. С. Новикову, я думал о том, что этот замерший на мгновение строй солдат и офицеров вражеской армии, в сущности, представлял собой малую модель всего гитлеровского вермахта. А ес-

---

[1] «Так точно, господа,
Мы любим это очень —
Так точно! Так точно! Так точно!

ли взглянуть шире, то, может быть, даже всего рейха с его большими и маленькими фюрерами, фанатичными нацистами и милитаристами старопрусского образца, с одной стороны, и с призванными из запаса рабочими, крестьянами, интеллигентами — с другой, среди которых, кроме приверженцев фашизма и его сознательных противников, были и те, кто просто искренне радовался своему нахождению в плену как верному избавлению от кошмаров и постоянных опасностей войны.

Вместе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом в Суздальский лагерь были доставлены: бывший командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии фон Зейдлиц, бывший командир 11-го армейского корпуса генерал пехоты Штрекер, бывший командир 14-го танкового корпуса генерал-лейтенант Шлёмер, генерал-лейтенанты Дебуа и Шмидт, генерал-майоры Корфес, Латтман, Ленски, Роске, другие генералы и полковник Адам.

К тому времени в лагере вместе с немцами находились итальянские, румынские, венгерские генералы и офицеры, разделившие участь своих союзников — немцев, разгромленных под Сталинградом. Здесь были также испанцы из «Голубой дивизии», сформированной из фалангистско-франкистских головорезов, несколько военных капелланов-итальянцев, в том числе и отлично говоривший по-русски падре Алажани, прошедший специальный курс обучения в «русской коллегии» Ватикана. Были в лагере и военные священники-немцы — католики и протестанты.

Почти все военнопленные держались первое время очень настороженно. Многократно повторяемые геббельсовские измышления об «ужасах советского плена» не могли не оставить следа в сознании этих людей. Хотя они уже около трех месяцев находились в руках советских властей, которые не только неукоснительно придерживались международных норм обращения с пленными, но и создали для военнопленных вполне благоприятные условия, — настороженность не проходила. Это чувство неустанно подогревали активные фашисты, которых немало было среди военнопленных, все новыми и новыми провокационными слухами о каких-то «особых мероприятиях», якобы намеченных советскими органами.

Недоверие и настороженность пленных предстояло преодолеть. Эту задачу решали наши политработники.

Среди них было немало интересных, ярких, способных людей. Коммунисты, обладавшие знаниями историка, выдержкой бойца и талантом пропагандиста, они трудились неустанно. Мы, молодые офицеры, наблюдая за работой наших старших товарищей, испытывали искреннее восхищение их мастерством.

В антифашистской школе в Красногорске я слушал убедительные, отлично аргументированные лекции Д. П. Шевлягина, хорошо говорившего по-итальянски. Среди военнопленных итальянцев с успехом работал майор П. П. Прокуронов. Он досконально знал язык, прошлое и современность Италии, ее культуру и искусство.

Настоящие мастера своего дела работали в Суздальском лагере. Об одном из них хочется рассказать подробнее.

Военнопленные генералы и офицеры вермахта часто и подолгу вели разговор с пожилым невысоким человеком в штатском, уважительно называя его «герр профессор». Это был профессор Арнольд — советский историк Абрам Яковлевич Гуральский. С ним меня на протяжении ряда лет объединяла дружба, несмотря на большую разницу в возрасте — я был моложе его почти на тридцать лет.

Это был необычный человек. Он обладал огромной эрудицией и в полном смысле слова энциклопедическим знанием мира: бывал в Уругвае и Боливии, в Аргентине и Канаде, во Франции и Германии, во многих других странах. В качестве представителя Исполкома Коминтерна А. Я. Гуральский оказывал помощь молодым компартиям. Ему приходилось работать вместе с виднейшими деятелями международного коммунистического и рабочего движения. Он хорошо знал Пальмиро Тольятти и Жака Дюкло, Эрнста Тельмана и Долорес Ибаррури, Георгия Димитрова и Хосе Диаса. Несколько раз встречался с В. И. Лениным.

А. Я. Гуральский прошел сложный путь. В юности вступил в социал-демократическую партию. За многие десятилетия политической деятельности был и бундовцем, и примиренцем, и «левым коммунистом», и троцкистом. Под именем Августа Клейне работал в Компартии Германии, участвовал в Гамбургском восстании. С 1923 года на протяжении нескольких лет был членом ЦК КПГ, делегатом ряда конгрессов Коминтерна от КПГ.

В предвоенную пору ушел в научную работу, был старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. Когда началась война, Гуральский просился на фронт, но был болен, уже в годах, и ему отказали. Тогда Абрам Яковлевич начал читать перед военнопленными доклады и лекции на антифашистские темы.

Профессор Арнольд знал французский, польский, испанский, итальянский, португальский. По-немецки говорил как интеллигентный немец. Кстати, многие пленные считали его советским немцем.

Профессор Арнольд беседовал почти со всеми немецкими генералами и старшими офицерами, находившимися в Суздале.

— Слова советского профессора засели у меня в душе, как заноза,— вспоминает полковник Адам.— Я пытался ее вытащить, но заноза не поддавалась, она вонзалась все глубже. Затронутые вопросы волновали меня днем и ночью...

Хорошо помню, как после бесед с Арнольдом теряли покой и начинали мучительно метаться в сомнениях надменные гитлеровские генералы и полковники. О профессоре Арнольде до сих пор пишут западногерманские историки и мемуаристы. Так, Бодо Шойриг называет его «опасным большевистским пропагандистом высшего ранга», знатоком марксизма и эрудитом.

После войны А. Я. Гуральский вернулся к научной работе — он завершил большую монографию по истории Франции — плод многолетнего труда, преподавал на историческом факультете Московского университета.

В 1952 году он был арестован по клеветническому обвинению «во враждебной деятельности», в связях с С. А. Лозовским и Еврейским антифашистским комитетом, который был объявлен «шпионско-диверсионной агентурой».

История ареста А. Я. Гуральского необычна. Вот как Абрам Яковлевич рассказывал о ней в далеком сибирском лагпункте.

— В капиталистических странах, кажется, нет тюрьмы, в какой бы я не сидел как коммунист... И вот угодил в свою... Сам полез в ящик Пандорры!.. Принес в МГБ, во второе управление, реляцию. Как полагаете, на кого?.. На Берию! Клянусь жизнью!.. Написал, что его окружение враждебно партии и народу... У вас, мол, здесь свили гнездо иностранные шпионы!.. Меня, конеч-

но, сочли за умалишенного. «Кто вы, Гуральский?» Говорю: «Старший научный сотрудник Института истории Академии наук, в партию вступил, когда вас еще на свете не было».—«Вы понимаете, в какую историю лезете?» Я сказал, что да, вполне. Большевики, мол, когда идут в бой, то знают, за что!.. Ну, меня тут же и оформили... Все я потерял, кроме чести. Но увидите, был прав! Наступает, по выражению Ленина, время срывания всех и всяческих масок[1].

В тяжелых условиях лагеря Гуральский сохранил верность делу Ленина, оптимизм, энергию. В 1954 году он был освобожден и реабилитирован, вернулся в Москву и через несколько дней умер от болезни печени.

Но вернемся в Суздальский лагерь для военнопленных. Большинство его работников — это кадровые офицеры пограничных и внутренних войск, армейские политработники. Интеллигенты-гуманитарии — преподаватели, научные сотрудники, журналисты, сотрудники дипломатического и внешнеторгового ведомства были в меньшинстве. Они, как правило, знали иностранные языки, историю и культуру той или иной страны. И поэтому быстро входили в контакт с военнопленными.

Однако специалисты-гуманитарии занимали обычно подчиненные кадровым военным должности и вынуждены были согласовывать с ними каждый шаг и каждое слово, что сильно затрудняло работу, снижало ее оперативность. И это в то время, когда работа с военнопленными была чрезвычайно важным боевым участком.

В плен попадало немало носителей важной информации — военной (стратегической и тактической), политической, экономической, технической. Среди них были люди, еще вчера работавшие в генеральном штабе, министерстве иностранных дел, в гестапо и СД, на военных заводах и в государственном аппарате, но в силу самых разных обстоятельств оказавшиеся на фронте, а затем и в плену. Изучение этих пленных и их связей, получение, проверка и обработка информации составляли первостепенную задачу политической и военно-стратегической разведки. Успешно выполнять ее могли люди, имеющие необходимый уровень компетентности и интеллекта.

Была и другая задача. Она заключалась в том, что-

---

[1] Дьяков Б. Д. Повесть о пережитом.— М., 1966, С. 224—225.

бы освободить вчерашних солдат и офицеров вражеской армии от духовного плена фашизма, убедить их в его античеловеческой сущности. Помочь им в этом должны были мы — советские люди, работавшие в лагерях,— ведь с другими людьми военнопленные контактов не имели.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 года устанавливал меру наказания за злодеяния, совершенные в период временной оккупации территории Советского Союза. Необходимо было выявить среди пленных сотрудников карательных органов и тех военнослужащих вермахта, которые были непосредственно виновны в кровавых преступлениях против мирного населения и советских военнопленных. И это тоже было непросто. Все это накладывало на всех нас большую ответственность.

Начальником Суздальского лагеря был полковник А. С. Новиков, в прошлом офицер-пограничник. Александр Степанович был весьма колоритной фигурой. Маленький, подвижный, резкий в движениях, с отрывистой речью, с умной, слегка насмешливой улыбкой, с голосом, изредка срывавшимся на фальцет,— все это делало его в чем-то похожим на русского полководца Суворова, такого, каким мы привыкли его себе представлять.

Новиков пользовался большим уважением у пленных генералов и офицеров Суздальского лагеря. Они видели в нем мужественного солдата — Александр Степанович и был таким — человека прямого, чуждого дипломатии. Он обычно резал «правду-матку» в лицо. Новиков всю жизнь служил строевым командиром, был хорошо политически развит, обладал способностью быстро ухватить «зернышко»— самую суть вопроса — в любом споре и любой полемике, которую ему приходилось вести со своими многочисленными и многоопытными подчиненными.

Конфликты, которые возникали среди военнопленных генералов и офицеров, Новиков разрешал легко, иногда по-солдатски слишком уж прямолинейно, но мудро и справедливо.

Боевыми помощниками начальника лагеря были майоры Г. К. Карпунин, Н. Д. Исаев и М. Е. Кащеев. Они многое сделали для налаживания быта военнопленных, обеспечивая их всем необходимым. А ведь это тогда было делом непростым: война была в разгаре.

Не будет преувеличением сказать, что одной из главных задач всех советских офицеров, работавших в лагере, по отношению к военнопленным было в это время оказание им немедленной и всемерной медицинской помощи. Ведь многие из них после Сталинградского котла с трудом возвращались к человеческому облику.

Большинство прибывших военнопленных было сильно истощено, что явилось причиной дистрофии, которая в разной степени была у каждых девяти из десяти военнопленных. Советские врачи И. С. Дубников, Л. К. Соколова, С. Х. Вельцер, В. Т. Миленина и другие принимали самые различные меры, чтобы восстановить силы и здоровье военнопленных. Это было нелегко: шла война, медикаменты и высококалорийные продукты ценились на вес золота. Делалось, однако, буквально все, что возможно, и результаты быстро сказывались: многие больные начинали понемножку ходить, исчезала отечная одутловатость лица.

Страшнее дистрофии — сыпняк. Поголовную вшивость удалось, правда не без трудностей, ликвидировать сравнительно быстро, но многие немцы прибыли в лагерь уже больными. Лагерный лазарет был переполнен тифозными. Наши неутомимые врачи, медицинские сестры и санитарки сутками не выходили из палат.

Борьба шла за каждую жизнь. В специальных госпиталях для военнопленных, находившихся неподалеку от лагеря, десятки врачей и медицинских сестер тоже спасали от смерти немецких офицеров и солдат. Многие из наших людей становились жертвами тифа. Тяжело заболели врачи Лидия Соколова и Софья Киселева, начальник медицинской части госпиталя молодой врач Валентина Миленина, медицинские сестры, переводчик Арон Рейтман и многие другие. Несколько человек из наших работников погибло от тифа. Умирали и военнопленные. Но тиф шел на убыль. Свежие случаи встречались все реже.

Все, что происходило за высокими каменными стенами лагеря, держалось, разумеется, в секрете. Но городок слишком мал и здесь трудно было сохранить тайну. Среди населения шли разговоры о том, что в «зону» прибыли важные немцы. Один ветхий старичок, у которого на рынке я покупал махорку-самосад, всерьез уверял меня, что в лагерь привезли «самого Геринга — главного помощника Гитлера».

Немецкие солдаты и офицеры, обманутые гитлеровцами и на протяжении ряда лет слепо повиновавшиеся приказам фашистского командования, теперь в советском лагере для военнопленных могли трезво оценить сложившуюся обстановку, осмыслить и понять величайшее значение катастрофы, постигшей гитлеровскую Германию под Сталинградом. Впервые за многие годы они получили и возможность безбоязненно выражать свое истинное отношение к фашистскому строю и политике гитлеровского правительства. Мы замечали, что часть из них все больше проникалась патриотическим чувством ответственности за судьбу своей страны и своего народа.

Суздальский лагерь — самый «трудный». Процесс прозрения и освобождения от нацистского дурмана шел здесь медленнее, сложнее, чем в других лагерях. И это неудивительно. Ведь в Суздале находились самые «крепкие орешки» из всех военнопленных — генералы и старшие офицеры отборной армии гитлеровского вермахта.

Но и в этом лагере процесс дифференциации становился все более ощутимым. Из еще недавно безликой массы военнопленных, объединяемой одним словом — «контингент», постепенно начали выделяться отдельные личности.

На одном из «аппелей» к полковнику Новикову, щелкнув каблуками, подошел молодой офицер. «Лейтенант фон Риббентроп»,— представился он. И немедленно, видимо, наблюдая за тем, какой эффект произведет его фамилия, добавил по-немецки: «Да, да, Риббентроп — родной племянник господина рейхсминистра...»

— Что же вы хотите? — сухо спросил начальник лагеря.

— Я просил бы вас не смешивать меня с ними,— ответил лейтенант и презрительным жестом указал на расходившихся после поверки военнопленных офицеров.— Помните,— добавил он, нагловато посмеиваясь,— что я — ценная монета, а в скором времени и ваш козырь на спасение, полковник.

Выслушав перевод, Новиков отошел на несколько шагов и, прищурившись, посмотрел на долговязого немца.

— Козырь на спасение, говоришь? Ценная монета? Ну что ж, может быть, и верно,— проговорил он, обращаясь ко мне и лукаво подмигивая.— Создадим министерскому племяннику «особые» условия, а? Ведь вы

этого хотите? — спросил он преисполненного важности лейтенанта.

Тот подтвердил. В тот же день лейтенант Риббентроп был изолирован от своих товарищей. Его пожелание было исполнено.

О «демарше» молодого Риббентропа доложили в этот же день в Москву. Последовала команда подробно побеседовать с ним, выяснить, что он знает о своем дяде, какие связи имеет, что собой представляет. Это было поручено мне. Так и появилась в моем блокноте заметка «27.03.43 — бес. с пл. Р.»— беседа с племянником Риббентропа.

И вот он сидит передо мной — долговязый прыщавый молодой немец. Курит предложенные мною папиросы и каждые пять минут норовит положить ногу на ногу и покачивать носком своего сапога. Мне приходится каждый раз напоминать ему, чтобы сел прилично и что мы с ним не в казино.

— Яволь,— говорит Риббентроп, опускает ноги на пол и подтягивается. А через некоторое время снова разваливается на стуле и забрасывает ногу на ногу...

— Мой дядя Иоахим всегда был другом России,— говорит он.— Вы не поверите, но даже после начала «восточного похода» (так они нередко называли нападение фашистской Германии на Советский Союз) у него дома на письменном столе стояла фотография, на которой он был снят рядом со Сталиным в Кремле. Дядя очень дорожил ею...

— Да,— говорю я,— но ведь этот снимок был сделан 23 августа 1939 года, когда ваш дядя подписал в Москве Договор о ненападении с СССР, который Германия вероломно нарушила. Если бы не это, вы, лейтенант, не сидели бы сейчас здесь.

— Ах, это верно. Но, знаете, и тут он переходит на доверительные интонации,— дядя Иоахим всегда был против этой войны. Он и сейчас сочувствует русским. Он считает, что разгромить надо англичан — дядя хорошо знает их коварство, он много лет служил в Лондоне,— а с русскими надо жить в мире.

— Если бы мы были вместе,— продолжал племянник министра,— никто не мог бы нас победить. Фюрер все хорошо понимает, но, к сожалению, он не всегда прислушивается к советам дяди. И, знаете,— он придает своему голосу многозначительность,— дядя ведь на «по-

дозрении» у рейхсфюрера СС Гиммлера. Да, да, Гиммлер ненавидит дядю, а заодно и рейхслейтера Бормана, ведет против них интриги (это уже становится интересным, но я стараюсь не «вспугнуть» лейтенанта и слушаю с равнодушным видом). Гиммлер доложил фюреру, что предки тети Аннелиз — дядиной супруги — были «мишлинги» (*полукровки*) и что ее кровь содержит еврейские примеси. Это, конечно, ложь. Узнав об этой ужасной (именно так он и выразился) клевете, дядя имел беседу с Гейдрихом, тот обещал рассеять все подозрения, но Гейдрих недавно погиб...

Лейтенанта уже не остановить: говорит и говорит.

— Все были очень приличными коммерсантами и «людьми слова»,— заключает он рассказ о семье Риббентропа. И сразу же переходит к описанию нравов других высокопоставленных нацистов. («Этот Гиммлер оставил жену и дочь Гудрун, живет вне брака с женщиной, содержит ее, прижил с нею двух детей».)

Затем мой собеседник заводит речь об окончательной победе рейха в войне. Она, конечно, не вызывает у лейтенанта сомнений:

— Ваш полковник совершенно напрасно так круто поступил со мной. Я желал ему добра: ведь к моим словам прислушаются и его судьба была бы облегчена. Я надеюсь, он не коммунист и не комиссар? — спросил Риббентроп.— В этом случае даже мне не удалось бы ему помочь.

Пришлось успокоить самоуверенного лейтенанта: коммунист полковник Новиков обойдется без его содействия — победа рейха не состоится.

Мы прощаемся, и племянник рейхсминистра, щелкнув каблуками, в сопровождении конвоира отправляется в свой изолятор. А я сажусь записывать по свежим следам содержание нашей беседы. Сегодня вечером шифровка уйдет в Москву.

Родственников у пленных оказывается достаточно много. Нередко к нам в кабинет заходят офицеры, которые просят записать где-либо, что их дядя (тетя, шурин, двоюродный брат и даже сосед) был коммунистом или социал-демократом или сидел в концлагере, а в это время «он лично» помогал семье «врага рейха». Пожилой капитан Лигниц, например, просил пометить в его документах: он знал, что у его соседа Штрубеля в Лю-

беке по вечерам собираются несколько человек, слушают передачи московского радио. Знал, но не донес. Хотя, если бы сообщил куда надо, не ходил бы в свои годы только капитаном.

— Запишите это, пожалуйста, в мою анкету,— настойчиво просил Лигниц.

Благодаря откровенному признанию одного из таких «родственников» я получил возможность побывать у Георгия Димитрова и побеседовать с ним.

Как-то вечером после «аппеля» ко мне подошел лейтенант Герберт Вернер. Молодой военнопленный заявил, что он — родной племянник (везло мне на племянников) обер-прокурора Вернера, того самого, который выступал в качестве государственного обвинителя на Лейпцигском процессе. Лейтенант подчеркнул, что во время процесса, будучи еще мальчиком, подолгу спорил с дядей, доказывая, что мужество Димитрова достойно восхищения. «На этой почве даже возник семейный конфликт»,— рассказывал Герберт. И далее молодой Вернер уверял, что его симпатии всегда были на стороне Димитрова.

В июне 1943 года мне было поручено сопровождать Председателя Компартии Германии товарища Вильгельма Пика, приехавшего на десять дней в Суздаль для выступления перед офицерами и генералами вермахта. Я рассказал ему об откровениях лейтенанта Вернера. Мне подумалось тогда, что он расскажет Георгию Димитрову, с которым его связывала близкая дружба, о курьезной встрече с Вернером.

И вот в начале июля телефонный звонок из Москвы — приказание явиться в наркомат. Приезжаю, докладываю начальству и на следующий день вхожу в большой кабинет в здании, где ранее размещался Коминтерн. Меня провожает туда женщина-секретарь, а в кабинете уже находятся трое: Георгий Димитров, имевший болезненный и усталый вид, Вильгельм Пик и еще один неизвестный мне товарищ.

— А, старый знакомый! — приветливо говорит Вильгельм Пик. И обращаясь к Димитрову: — Это товарищ Бланк. Я тебе о нем рассказывал, ему молодой Вернер клялся в «любви к тебе»,— шутливо добавил он.

Говорили по-немецки. Георгий Димитров пригласил меня сесть. Принесли чаю. Он спросил, как настроены

молодые офицеры из числа военнопленных, те, кому 20—30 лет.

— Это ведь особенно важно,— подчеркнул Димитров.— Если хотите, это важнее, чем настроения генералов. Они вернутся в свободную Германию, свободную от фашистов, капиталистов и юнкеров, где им предстоит начинать жизнь, найти свое место в новом обществе. Товарищ Вильгельм,— взглянув в сторону Пика, продолжал Димитров,— говорил мне, что вы в Суздале раздали анкету военнопленным, произвели опрос.

Я рассказал, что на вопросы нашей анкеты, которую заполняли анонимно, 22 процента ответили, что в победу гитлеровской Германии больше не верят, 13 — что не одобряют политики Гитлера. А на вопрос, что побудило следовать за фашистской кликой — свыше 70 процентов ответили: привычка подчиняться властям. Эти цифры заинтересовали Димитрова. Он попросил составить ему справку и посоветовал периодически проводить подобные опросы среди младших офицеров и других военнопленных моложе тридцати лет.

— По мере того как Красная Армия будет продвигаться на запад, настроения будут резко меняться,— сказал Георгий Димитров.— Нас особенно заботит судьба растленной Гитлером немецкой молодежи. В антифашистских школах здесь, в Советском Союзе, она быстро избавляется от нацистского дурмана, особенно после Сталинграда. Но ведь нам предстоит отобрать у нацистов всю молодежь, или, по крайней мере, ее большинство. Для этого не надо жалеть сил. Ты рассказывал мне, Вильгельм,— продолжал Димитров,— о молодых немецких солдатах, сдавшихся добровольно в плен Красной Армии, которые пошли в расположение фашистских войск в районе Великих Лук, чтобы убедить гарнизон капитулировать... Где они теперь, чем занимаются? (Речь шла, как я после узнал, об активных антифашистах-солдатах Гейнце Кесслере, Франце Гольде и лейтенанте Августине).

— Это замечательные парни, Георгий,— ответил Вильгельм Пик.— Они работают вовсю, и скоро для них будет еще больше работы.

В середине июля 1943 года в Красногорске под Москвой состоялась учредительная конференция, на которой был основан Национальный комитет «Свободная

Германия». Гейнц Кесслер был избран членом Национального комитета.

— Когда молодой солдат и тем более офицер вермахта становится убежденным антифашистом — это внушает оптимизм,— сказал Димитров. И, улыбаясь, добавил: — А этот твой Вернер просто хотел, наверно, получить в награду дополнительный паек, как «тайно сочувствовавший» важному государственному преступнику. Ты ему не очень-то верь.

На этом закончилась наша беседа. Димитров пожелал мне успехов, и мы распрощались. Обаяние Георгия Димитрова, простота — он, как говорится, на равных разговаривал с совсем еще молодым человеком — все это глубоко запечатлелось в моей памяти. (А записал я об этом факте тогда кратко: «Д. 4.07.43. М-ва!»)

Тема «родственников» и «сочувствующих», однако, увела нас от лагерных будней. Одна из моих записей — «эксперт-психолог»— напомнила такой случай.

Однажды я получил приказание выслушать военнопленного «психолога» Эриха Цильке, который уже несколько дней добивался приема у начальника лагеря или его заместителя. «По особо секретному делу»,— многозначительно подчеркивал он каждый раз. Посыльный из числа совсем молодых военнопленных солдат — немцы, румыны и итальянцы называли их «плантонами»— приводит ко мне офицера средних лет с погонами капитана. А нам уже было известно, что Цильке вовсе не капитан, а гауптштурмфюрер СС. Он сначала отрицает свою принадлежность к СС, затем начинает убеждать, что гауптштурмфюрер и капитан, в сущности, одно и то же.

Через час Цильке уже откровенничает: служил он, оказывается, под началом оберфюрера СС доктора Вальтера Вюста в «генеалогическом бюро» при личном штабе Гиммлера и был экспертом по расовым вопросам. Функции его заключались в том, чтобы выносить окончательное заключение в спорных и недостаточно ясных случаях. Известно, что согласно нацистским законам, окончательно оформившимся в 1938 году, лица, у которых оба родителя были евреями, подлежали депортации или заключению в концлагерь, а затем подпадали под действие «окончательного решения» (*еврейского вопроса*), т. е. физически уничтожались. Такому же обращению (*на нацистском профессиональном жаргоне —«осо-*

бому обращению») подлежали и полукровки — те, у кого один из родителей был евреем.

Сложнее было с теми, у кого было еврейской крови на одну четверть. Эти могли жить, но полноценными гражданами не считались, не могли занимать должности в государственных учреждениях, быть членами партии, служить в армии. Их не обязывали носить желтую нарукавную повязку с шестиконечной звездой Давида, но им и не разрешалось заниматься многими профессиями, посещать общественные учреждения для арийцев, лечиться в общих больницах, пользоваться спортивными сооружениями — бассейнами, стадионами, предназначенными для чистокровных арийцев и т. п. Далее шли имеющие одну восьмую еврейской крови. Эти могли работать всюду, кроме государственных учреждений по особому списку, аппарата НСДАП и, конечно, СС.

Всеми этими вопросами ведали: «генеалогическое бюро» при личном штабе рейхсфюрера СС, управление по расовым вопросам при центральном аппарате НСДАП, соответствующий отдел главного управления имперской безопасности, подчинявшийся рейхсфюреру СС, и децернат — отдел в составе гестапо. Последний возглавлял Эйхман. Цильке использовался и там в качестве эксперта-референта.

В условиях нацистской Германии нередкими были случаи, когда всеми правдами и неправдами евреи добывали себе новые, арийские документы, меняли фамилии, старались, чтобы спасти жизнь, стать, например, из полукровок четвертькровками — это давало шанс на спасение. Словом, многие пытались улучшить свою «родословную» хотя бы на одну ступеньку. Некоторым это удавалось. Но когда что-либо вызывало подозрение или следовал донос в гестапо (а ведь доносы на своего соседа, сослуживца, друга, собутыльника, конкурента, приятеля и т. д. приняли в рейхе гигантские масштабы), а документальные подтверждения подлога отсутствовали — словом, когда случай был запутанным и сложным, тогда призывали на экспертизу Эриха Цильке.

Он, выросший в Вильнюсе, проведший юные и молодые годы в Риге — городах, обильно населенных евреями,— считался высшим авторитетом в деле распознавания старающихся укрыться от смерти евреев.

— У меня глаз и слух настолько точны,— говорил

мне Цильке,— что обмануть меня невозможно. Я знаю практически все типы евреев.

Как же проводил Цильке свою экспертизу?

— Сначала,— рассказывал «психолог»,— я заводил какую-нибудь живую беседу с проверяемым. Наблюдал за тем, как он смеется, реагирует на шутки, жестикулирует, насколько быстро входит в контакт,— одним словом, все его поведение во время живого, непринужденного и остроумного разговора без напряжения. Сюжетом беседы нередко служили темы о соседях и сослуживцах, о женщинах и житье-бытье семьи и детей.

Разговор продолжался час-другой, иногда со шнапсом. Разумеется, не в здании гестапо, причем Цильке играл какую-нибудь роль: то ли страхового агента, то ли уполномоченного больничной кассы, то ли еще какую-нибудь — в зависимости от обстоятельств.

Это был первый этап проверки. На втором этапе проверяемого уже вполне официально вызывали в гестапо и там производили «обмеры» по параметрам, составленным и изобретенным Цильке. Измеряли нос, бедра, таз, длину шеи, расстояние между глазами, степень «распространенности» растительности на лобке и под мышками.

— Но самым решающим показателем,—«делился опытом» Цильке,— для меня были глаза. Что-что, а глаза не могли обмануть меня никогда. Заглянув в них, я видел «мировую скорбь» тысячелетий, если она там присутствовала. «Мировой скорби» нет ни у кого из представителей других народов.

По «формуле Цильке» при одной восьмой и даже одной четвертой еврейской крови «мировая скорбь» не просматривалась, а при чистокровности и полукровности — непременно. На основании заключений, выносимых Цильке, сотни людей были отправлены в газовые камеры и печи крематориев.

Но... судьба коварна! Цильке был не чужд гомосексуальных влечений и однажды, осматривая подозреваемого мальчика, предложил ему прийти к себе на квартиру вечером... Возмущенный отец мальчика донес об этом. Эксперт был пойман на своей квартире с поличным, выгнан со службы, исключен из СС, судим и направлен в штрафной батальон. Оттуда он сумел перебраться в обычный полк, входивший в состав 6-й армии,— помогли связи в СД. На фронте попал в советский

плен и сразу же поспешил заявить о своей «ненависти к нацизму»!

Более того, очутившись в Суздальском лагере, Цильке решил не более не менее как заняться... «антифашистской работой». Он рассказывал мне, что кроме экспертиз по расовым вопросам привлекался самим шефом гестапо Мюллером в качестве эксперта-психолога. Присутствуя на допросах нередко вместе с Мюллером, Цильке должен был наблюдать за поведением истязуемого и давать заключение, правду он говорит или следует продолжать выбивать показания.

— Я в девяноста девяти случаях из ста могу отличить правду от лжи,— похвалялся Цильке.

Именно поэтому он и попросил принять его, чтобы, как он сказал, используя свой опыт, «помочь вам отличить настоящих антифашистов от примазавшихся и неискренних». За это «эксперт» требовал индульгенцию — обещание не привлекать его к суду за совершенное в прошлом. Кроме того, он предлагал дать ему какую-либо должность при Паулюсе — уборщика, официанта, и т. п., обещая выявить «подлинное лицо» фельдмаршала.

Когда я доложил об этом своему непосредственному начальнику майору Исаеву и полковнику Новикову, их возмущению не было предела. Экспансивный Новиков даже побледнел от гнева.

— Побежали крысы с тонущего корабля, хотя он еще и держится на воде. А эта крыса особая, она чует конец издалека.

Вскоре Цильке был доставлен в Москву, где расследованием его «деятельности» занялись другие специалисты.

Попутно замечу, что, попадая в плен, эсэсовцы, сотрудники СД, гестапо, полевой жандармерии и зондеркоманд делали все, чтобы скрыть свое прошлое. Они меняли имена и фамилии, стараясь затеряться в общей массе рядовых. Так, разоблаченный нами унтерштурмфюрер СС Вольфганг Деринг скрывался под именем рядового Райнера. На допросе он цинично заявил мне:

— Вы обвиняете меня в убийстве людей? Это ложь. Людей я не убивал. Я уничтожал недочеловеков, главным образом — евреев, и вспоминаю об этом с гордостью. Жалею только об одном — мало уничтожил.

Вот он, радостный час: встретились войска двух фронтов, кольцо замкнулось.

За горьким рождественским пирогом в канун 1943 года.

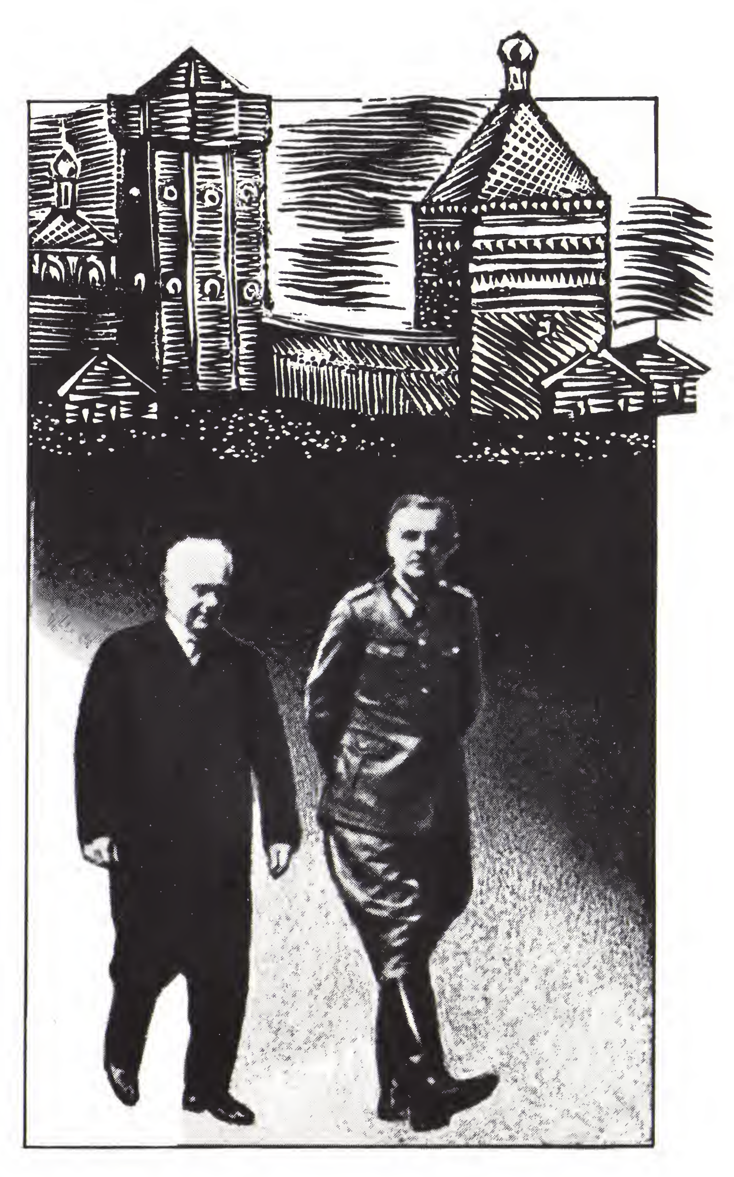
В котле: дорога одна — в плен...

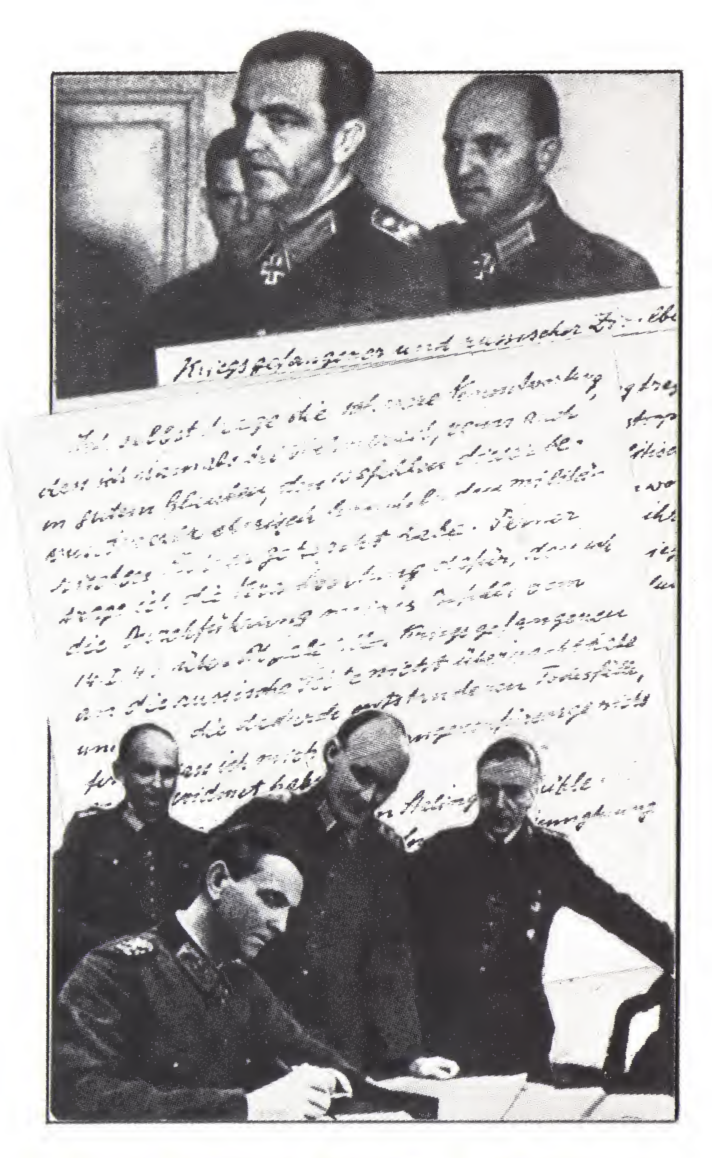
О них сообщали как о погибших. А на самом деле они живые, идут сдаваться в плен.

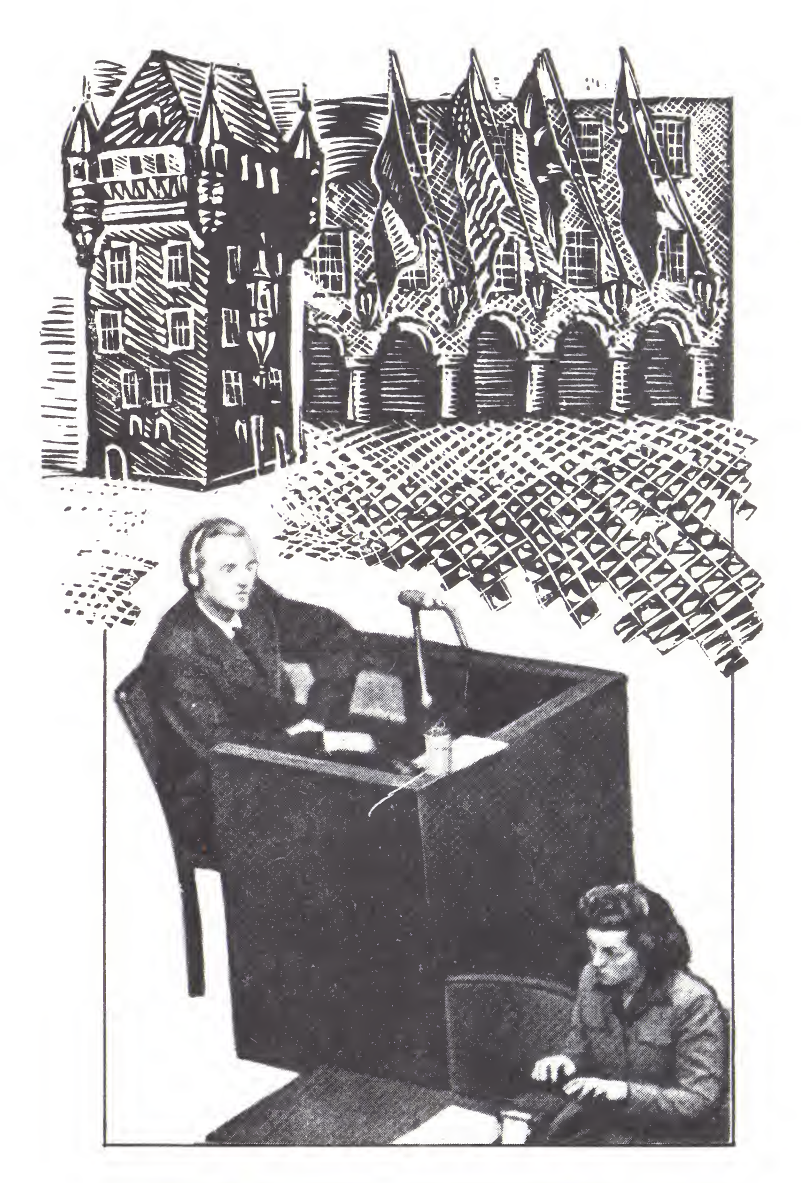
Последние шаги фельдмаршала перед сдачей в плен.

Вильгельм Пик и Фридрих Паулюс в Суздальском лагере военнопленных.

Ф. Паулюс подписывает обращение о присоединении к движению «Свободная Германия».

За трибуной Ф. Паулюс — свидетель обвинения на Нюрнбергском процессе.

Высокий, не менее метра девяноста ростом, с продолговатым, на первый взгляд, даже симпатичным смуглым лицом, эсэсовец стоял в моем кабинете и медленно произносил эти слова. Мне было нелегко сдержать «эмоции» моих товарищей — офицеров, присутствовавших при этом...

Казалось бы, чего еще — Деринг сам во всем признался, его можно отдать под суд, и пусть несет справедливое и заслуженное наказание. Но нет: требовалась точная, строго обоснованная документами картина преступлений. Шаг за шагом следствие восстанавливает эту картину злодеяний. И только после того — трибунал и приговор.

Старшие офицеры-военнопленные делали в лагере все, чтобы сохранить остатки 6-й армии как цельную воинскую единицу. Они создали подпольный центр, задачей которого была борьба с антифашистским влиянием, воспитание немецких офицеров и солдат в духе сохранения верности фюреру. В этот фашистский центр входили представители всех офицерских рангов. Его возглавлял командир отборного в 6-й армии «полка немецких мастеров»— 134-го полка 44-й пехотной дивизии — полковник Артур Бойе. Личность этого человека заслуживает того, чтобы на ней остановиться особо.

Сын крупного купца, кадровый офицер германской армии, Бойе прошел боевую школу еще в конце 20-х годов на улицах и в рабочих предместьях городов Германии, участвуя в зверских избиениях немецких коммунистов. Он служил капитаном полиции, а с приходом Гитлера к власти перешел на службу в СС. Опьяненный успехами и легко доставшимися крестами во Франции и других европейских странах, Бойе со своим полком дошел до Сталинграда. Внешне лояльный, сдержанный, вежливый, этот кавалер многих германских орденов и руководил в Суздальском лагере тайным фашистским центром. Свою звериную ненависть к советским людям убежденный фашист даже и не пытался замаскировать, как это делали другие.

Бойе пунктуально и беспрекословно выполнял все распоряжения начальства, старался побольше молчать. Однако надо было видеть, с каким презрением он смотрел на офицеров, посещавших антифашистские митинги или прислушивавшихся к выступлениям антифашистов.

Характерная деталь: Бойе ежедневно начищал осколком кирпича или мелом свои ордена — железные кресты всех степеней. Бывшие офицеры его полка не любили своего командира, рассказывали, что за малейшие провинности на фронте он беспощадно расстреливал солдат.

Среди активистов фашистского подпольного центра был полковник барон Эдуард фон Засс. Он слыл в лагере веселым, общительным человеком, был, как говорится, на все руки мастер. Целые дни барон возился в лагерных мастерских — столярных, портновских. Его можно было видеть и с молотком, и с гвоздями, торчащими в зубах. Он чинил сапоги или так называемые эрзац-валенки — кожаные ботинки с суконными голенищами, которые застегивались ремнями. Это давало ему широкую возможность общаться с военнопленными солдатами, унтер-офицерами, младшими офицерами, распространять среди них провокационные слухи о приближающихся «коренных изменениях» на фронте, запугивать колеблющихся.

По вечерам фон Засс бывал «душой общества». Он мастерски исполнял песенки в эстрадном оркестре военнопленных, при этом весьма бодро пританцовывал. Песенки в его исполнении «Юлечка, Юлечка аус Буда-Буда-Пешт», «Руиг шпильт ди гайге, их танц мит дир унд швайге»[1] и другие пользовались успехом у обитателей лагеря. Эти песни слушатели заставляли неоднократно повторять на концертах самодеятельности. Торжественно-грустными и серьезными становились лица солдат и офицеров, когда оркестр исполнял известную немецкую песню «Тоска по Виргинии»; «Тоскую по тебе, Виргиния, родина моя! Тоскую по тебе, моя чудесная страна!»

До чего же обманчивой бывает внешность! Вряд ли кто-либо из ежедневно видевших и слушавших барона фон Засса мог подумать, что это он систематически угрожает расправой в гестапо лагерным антифашистам, что это он до взятия в плен, будучи комендантом города Великие Луки, приказывал сжигать дома, в которых были заперты советские люди. Засс лично руководил казнями военнопленных красноармейцев и узников великолукского гестапо. Он испытывал особое удовольствие,

---

[1] «Юлечка, Юлечка из Буда-Буда-Пешта».
«Тихо скрипка играет, я молча танцую с тобой».

этаким лихим метким выстрелом убивая связанного, измученного советского человека...

Но это стало известно позже, и по приговору суда фон Засс был повешен как каратель и военный преступник. А пока он чинил сапоги, пел, плясал и строго конспиративно вел фашистскую деятельность.

Видную роль среди офицеров-гитлеровцев играл бывший командир одной из дивизий 6-й армии полковник Ганс фон Арнсдорф. Этот тучный господин — аристократ и прусский юнкер — имел широкие связи в Берлине, в политических и военных кругах. Пользуясь своим положением старосты немецкого корпуса, Арнсдорф пытался сорвать антифашистскую работу среди военнопленных и выбросил провокационный лозунг: «Никакой политической деятельности в лагере!»

Но самой страшной фигурой был, по признанию многих военнопленных, зондерфюрер СС «переводчик» Арнольд фон Штрицки. Этот эсэсовец имел большой опыт ориентировки в любых условиях. Гитлеровская разведка посылала его с дипломатическим паспортом секретарем в латвийское консульство в Ленинград, дипломатическим курьером в Москву, мелким чиновником латвийского посольства в Лондон. В 1939 году фон Штрицки, сбросив маску латвийского дипломата, поступил на службу в имперское министерство пропаганды.

В 1941 году уже в качестве сотрудника войсковой контрразведки Штрицки отправился на советско-германский фронт. Но здесь его деятельности был положен конец — он был взят в плен под Сталинградом, отправлен в Суздальский лагерь.

Быстро приспособившись к новому для него положению «аполитичного» военнопленного, Штрицки осуществлял функции «всевидящего глаза» фашистских карательных органов теперь уже среди военнопленных. Прежде всего он вел точный учет антифашистских высказываний военнопленных.

Фашистский центр действовал в полном контакте и под непосредственным влиянием немецких генералов, в частности генерал-лейтенанта Шмидта. Впечатление было такое, что многие военнопленные генералы и в лагере продолжали побаиваться Шмидта. Во всяком случае, они явно предпочитали, чтобы об их разговорах с советскими офицерами бывший начальник штаба 6-й армии

знал как можно меньше. Шмидт влиял, вероятно, и на Паулюса — они часто беседовали наедине[1].

Кстати, Шмидт — единственный из генералов, который все время был чем-нибудь недоволен. Он умышленно искал повода для бесконечных назойливых и довольно наглых жалоб. Целую неделю, например, он ворчал, что на гарнир к мясным блюдам подают кашу из пшенной или овсяной крупы. «Мы не куры и не лошади!» — кричал он. А во время посещения лагеря представителями комиссии из Москвы выкинул «шутку»: вдруг громко заржал по-лошадиному .

— Это от овсяной каши,— объяснил он с издевкой.— А скоро начну кричать петухом — от пшена...

Видимо, в данном случае генерал Шмидт решил подать подчиненным пример личной храбрости, а заодно и остроумия. На самом же деле нацистская деятельность Шмидта была куда серьезней и основательней. Надо отдать должное: трудолюбия ему было не занимать. Он возглавил борьбу против антифашистских влияний и практически и идейно. Днями напролет он просиживал за книгами, штудируя работы классиков марксизма-ленинизма, доклады и выступления И. В. Сталина, делая пометки и выписки. Хитроумно подбирая цитаты, по-своему толкуя отдельные места этих материалов, изобретательно, хотя и не всегда логично комбинируя, Шмидт пытался дать теоретическое обоснование своей демагогической, провокационной платформе. (Необходимость бдительности и имелась в виду, когда я записал в свой блокнот «Вн. Ш.!» — «Внимание, Шмидт!»)

Правда, «теоретические работы» Шмидта успеха не имели. У генерала явно не хватало философской подготовки, очевидны были эклектичность его рассуждений, элементарная неосведомленность в вопросах политики, неуклюжесть принятых им некогда на веру постулатов нацистского мировоззрения.

Более преуспел Шмидт в вопросах практической пропаганды. По его указанию среди младших офицеров и солдат распространялась «правда о Сталинградском сражении». Состояла она в том, что эта битва объявля-

---

[1] В послевоенные годы Шмидт жил в Гамбурге, занимался коммерческой деятельностью. Он остался верен нацистским, реваншистским идеям. Его, убежденного нациста и реваншиста, проинтервьюировали авторы великолепного фильма «Память», поставленного Г. Чухраем несколько лет назад.

лась лишь отдельным, частным эпизодом, поражением, которое неизбежно во всякой крупной войне. Более того, утверждалось, что битва на Волге серьезных последствий не имела и иметь не будет.

Этому верили. Может быть, потому, что хотели верить. А может быть, в силу умения Шмидта подавать факты в угодном слушателям виде.

Бывший начальник штаба 6-й армии ни на минуту не сомневался в конечной победе гитлеровской Германии, с презрением говорил о Браухиче и Боке, которые «упустили время» зимой 1941 года. Пожалуй, именно Шмидт являлся главным препятствием на пути тех генералов и офицеров, которые колебались и сочувственно присматривались к антифашистскому движению. А такие уже были.

Вокруг Шмидта группировались наиболее отъявленные гитлеровцы. Вот хотя бы генерал Гейтц. До ухода на фронт — председатель военного трибунала, свирепый солдафон старопрусского милитаристского образца. В его корпусе во время окружения солдатам и офицерам ежедневно выносились десятки смертных приговоров.

Верность фюреру всегда подчеркивал Фриц Роске — худощавый, седой, подвижный генерал-майор. Командиром дивизии он был назначен уже в окружении под Сталинградом. Да и генеральский чин получил незадолго до того, а потому всячески старался выказать свою приверженность идеям фашизма. С ядовитым презрением отзывался он о своих коллегах, читавших газету для военнопленных или посещавших доклады и лекции, которые организовывало командование лагеря.

Исполнительного служаку, действующего по принципу «приказ есть приказ», разыгрывал из себя генерал Карл Штрекер. Части 11-го армейского корпуса, которым он командовал, окруженные в Сталинграде на территории поселка Баррикада, продолжали бессмысленное сопротивление дольше всех других немецких частей — до 2 февраля 1943 года.

Шмидт и его окружение распространяли слухи о предстоящем десанте гитлеровцев на Суздаль с целью освобождения Паулюса и других генералов из плена. Бывший начальник штаба 6-й армии намекал своим коллегам, что у него есть тайный канал для связи с рейхом, по которому сообщили о подготовке десанта. Разумеет-

ся, эти намеки были блефом. Ни Шмидт, ни кто-либо другой из военнопленных такой связи не имел, а «десант на Суздаль» был легендой, сочиненной самим генералом.

Шмидт не мог знать, что офицеры советской контрразведки «Смерш» делают все возможное, чтобы не допустить контактов пленных генералов с германскими агентами. Москва ориентировала командование лагеря, что по полученным данным немецкая разведка проявляет исключительный интерес к районам Суздаля и расположенного неподалеку Войкова, где также находились с лета 1943 года военнопленные генералы. Подступы к обоим лагерям усиленно контролировались нашими контрразведчиками.

И вот в поле их зрения попал некий Устинов, по кличке Хромой. Полковник Н. И. Пузырев — один из руководителей лагеря в Войково — в своих воспоминаниях пишет:

— Его взяли в Суздале, где он уже две недели работал истопником в хлебопекарне. Со специальным заданием Хромой был заброшен в наш тыл с самолета. Своего напарника, сломавшего при неудачном приземлении ногу, он пристрелил. Явка оказалась нереальной, и Устинов осел в районе расположения лагеря военнопленных, где содержались Паулюс и генералы бывшей 6-й армии. Установить связь по рации со своими хозяевами Хромой не успел.

Таким образом, попытка германской разведки проникнуть в Суздаль и Войково провалилась.

Возле Шмидта, Штрекера, Гейтца, Роске нередко собирались и другие генералы: Дебуа, Лейзер, Шлемер, Дреббер, Роденбург, Магнус, Сикст фон Арним, Занне, генерал медицинской службы Ренольди... Лейтмотив их бесед весной 1943 года — прогнозы сроков предстоящего освобождения их из плена гитлеровскими войсками. В том, что это непременно произойдет, почти никто из них не сомневался. Спорили лишь о сроках: оптимисты предсказывали лето 1943 года, пессимисты — осень или зиму.

Тактическую линию этой группы выразил генерал-лейтенант Генрих Дебуа — однополчанин Гитлера в первую мировую войну. В беседе с генералами и старшими офицерами он заявил:

— Мы здесь в плену продолжаем быть солдатами. Это наш фронт.

В соответствии с этой установкой реакционное ядро генералов и офицеров пыталось создать непроходимый вал для антинацистского влияния среди немецких офицеров. Прежде всего были взяты на учет все офицеры и генералы, которые читали газеты для военнопленных, посещали в лагерном клубе доклады и лекции, и особенно те, кто беседовал с советскими политработниками или приезжавшими в лагерь немецкими коммунистами. С целью наблюдения за «колеблющимися» на территории лагеря нацистским подпольным центром расставлялись специальные люди. Строго учитывались также все высказывания военнопленных, их реакция на сводки о положении на фронте и т. п. «Провинившихся», то есть начинавших заметно сомневаться в верности «фюреру и национал-социализму», подпольный нацистский центр вызывал на сугубо конспиративные беседы. Им угрожали жестокой расправой по возвращении на родину, бойкотом и позорным клеймом предателя, давали понять, будто бы центр сохраняет тайную связь с рейхом по сугубо засекреченным каналам и что семьи изменников по его требованию могут быть подвергнуты репрессиям в Германии.

На собрания, которые проводило командование лагеря, специально посылались люди с поручением задавать провокационные вопросы, пускать лживые слухи, запугивать тех, кто добросовестно пытался разобраться в происходивших событиях. Для этого использовалась каждая возможность. Так, например, в лагерном клубе во время выступления одного немецкого антифашиста неожиданно погас свет. И немедленно из глубины темного зала раздались громкие возгласы: «Предатели! Мы всех вас повесим, вернувшись домой!» А через несколько минут, когда свет зажегся, в зале воцарился образцовый порядок.

Действовавший в лагере центр не ограничивался угрозами и запугиваниями. Он пытался также применять и методы идеологического воздействия на офицеров и солдат. В лагере, например, был организован хор. Его репертуар одно время состоял из безобидных, на первый взгляд, песен и баллад старой Германии. Но на самом деле эти произведения воспевали дух, стойкость и мужество германского воина.

По указанию фашистского центра в лагере регулярно праздновались «дни рождения» и прочие «юбилеи» военнопленных генералов. Причем эти даты поразительно совпадали с днем рождения Гитлера, началом второй мировой войны, взятием Парижа, капитуляцией Франции и т. д. Особенно упорно боролся подпольный центр за сохранение запрещенного командованием лагеря фашистского приветствия «Хайль Гитлер!» с вытянутой вперед правой рукой. Военнопленных, отказывавшихся отвечать на такое приветствие, запугивали и оскорбляли.

И все же итоги Сталинграда брали свое. Каждый день появлялись новые прозревающие.

— Нам надо переварить Сталинград,— сказал как-то бывший командир полка полковник Луитпольд Штейдле. (Моя запись: «Л. Ш. уже видит!»)

Этот бесстрашный на поле боя офицер был мягким в обращении, гуманным, вдумчивым человеком. Он тяжело болел в первые недели плена и в полной мере ощутил на себе заботу наших врачей, которые в буквальном смысле слова вернули его к жизни. Его антинацистские настроения, по-видимому, возникли еще до плена. А за время болезни, как он сам рассказывал, можно было о многом подумать и многое переоценить.

К нему часто обращались как к третейскому судье. Майор Кюльман, например, просил совета, надо ли рассказать советским офицерам, что шурин у него был коммунистом и сидел в концлагере. А полковник фон Арнсдорф в доверительной беседе со Штейдле даже признался, что его жена на одну четверть еврейка и еще на одну четверть — полька.

— Может быть, стоит сказать об этом русским, они будут больше доверять мне? — спрашивал Арнсдорф.

Штейдле советовал однозначно:

— Мы не вправе рассчитывать на поблажки. Вспомните, сколько горя мы принесли этому народу и этой стране. Нам нет прощения и мы должны нести свой крест до конца.

Авторитет Штейдле был высок у всех групп военнопленных. И именно этот высококультурный и уважаемый человек стал одним из первых старших офицеров — антифашистом в лагере. (Луитпольд Штейдле после войны долгие годы был министром здравоохранения Германской Демократической Республики, затем — обер-бургомистром Веймара.)

Большим авторитетом среди офицеров, особенно среди призванных из запаса чиновников, служащих, коммерсантов, пользовался молодой инженер-майор Герберт Штеслейн. Он открыто осудил преступную политику гитлеровской клики и выступил с призывом не ждать пассивно конца войны, активно включиться в антифашистскую борьбу.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что выступления и беседы Герберта Штеслейна и Луитпольда Штейдле оказывали в первые месяцы плена наибольшее влияние на офицеров (Г. Штеслейн на родине в ГДР стал заместителем редактора газеты «Националь-Цайтунг» в Берлине).

А вот и первая ласточка из числа генералов. Генерал-майор Отто Корфес — бывший командир 295-й пехотной дивизии. Он вообще был мало похож на генерала вермахта, даже внешне больше напоминал учителя. Отто Корфес много читал, внимательно слушал беседы, речи и доклады лекторов, посещал собрания младших офицеров и солдат. Генерал мало высказывался, больше молчал, но было видно, что его одолевали сомнения и, вероятно, нелегкие мысли. Он сказал как-то, что не знает больше такого народа, который после всего того, что ему причинили, мог бы найти в себе великодушие быть таким гуманным в отношении своих пленных, как советский народ. (Отто Корфес после войны жил в ГДР, занимался научной работой в области истории, автор ряда трудов. Ныне историей занимается в ГДР и его дочь.)

Генерал Вальтер фон Зейдлиц — энергичный и жесткий — внешне полная противоположность Корфесу. Это он вопреки приказу Гитлера предлагал с боем прорываться из окружения под Сталинградом. У Зейдлица, по-видимому, еще до плена начался процесс переосмысления пережитых событий. В Суздале он много читал, интересовался преимущественно политической литературой, внимательно следил за антифашистской печатью. Фон Зейдлиц и Корфес возглавляли небольшую группу генералов, которые быстрее других переживали процесс освобождения от дурмана нацизма.

Выдержанно и корректно держались в лагере генералы Мартин Латтман (стал после войны начальником одного из главков министерства машиностроения ГДР) и Александр Эдлер фон Даниэльс. Они с явным неодобрением относились к наглым выходкам Шмидта и

спесивому поведению многих других своих коллег. Конечно, политические взгляды первых антинацистки настроенных генералов, как правило, были довольно расплывчаты, непоследовательны, а порой и наивны.

Одной из рано сложившихся демократически настроенных офицерских групп была инициативная группа в составе бывшего начальника связи 6-й армии полковника ван Хоовена (после войны он был начальником отдела в Центральном бюро путешествий ГДР), командира полка майора Бюхлера, капитана Домашека и старшего лейтенанта Фридриха Рейера. Развернув разъяснительную работу среди военнопленных, эта инициативная группа сразу же натолкнулась на ряд серьезных препятствий со стороны фашиствующих старших офицеров. Началось с того, что часть военнопленных стала бойкотировать их, не приветствовала при встречах, осыпала насмешками и бранью. Другая часть офицеров, лично знавшая членов группы, под влиянием их авторитета стала задумываться над своими позициями, искать встреч и бесед с инициаторами, откровенно рассказывать им о своих колебаниях, страхах.

Несмотря на деятельность фашистского центра, число антигитлеровски настроенных офицеров росло, и тогда реакционно настроенные военнопленные решили дать открытый бой инициативной группе. Случай, что называется, помог.

Шло общее собрание военнопленных лагеря. С докладом выступал полковник ван Хоовен. Он убедительно и спокойно доказал неизбежность военного разгрома Германии, необходимость спасения немецкого народа и устранения Гитлера как главного виновника бедствий нации.

— Когда перед великим немецким патриотом Морицем Арндтом, находившимся в плену, встала дилемма: верность князьям или верность нации, он не колеблясь ответил: «Долой князей, да здравствует верность народу!»— так закончил доклад полковник ван Хоовен.

Доклад неоднократно прерывался выкриками фашиствующих офицеров: «Это предательство!», «Стыдитесь, на вас германский мундир!». Но большинство с вниманием слушало выступавшего.

После ван Хоовена попросил слова староста лагеря полковник фон Арнсдорф.

— То, что здесь говорилось,— заявил он,— недостой-

но германского офицера. Мы здесь, в плену, не должны заниматься политикой и не хотим этого. Но если нас спросят, мы скажем: «Мы верны нашей родине и присяге».

Послышались хлопки — робкие, неуверенные. Они тут же и затихли. Многие молчали, смущенно отворачиваясь друг от друга. Обсуждение доклада практически не состоялось: никто из профашистски настроенных офицеров не решился выступить открыто.

Инициаторам собрания казалось тогда, что они потерпели поражение. Однако на деле собрание принесло немалые результаты. Именно с этого момента началось более активное размежевание между нацистами и их сторонниками и теми, кто начинал прозревать, переходить на антифашистские позиции.

Конечно, среди немецких офицеров, заявивших о своем присоединении к антифашистскому движению, были и те, кто руководствовался чисто корыстными целями, например лейтенант граф фон Эйнзидель, правнук знаменитого полководца Мольтке. Впоследствии он изменил антифашистскому движению и, вернувшись в ФРГ, выступал с критикой своего прошлого и своих бывших товарищей.

Идейное размежевание происходило также среди генералов. Вполне четко определились три группы. Генералы Корфес, Латтман, Зейдлиц, Ленски, Вульц и Даниэльс считали необходимым искать пути для борьбы против гитлеровского режима, за прекращение войны и спасение Германии от военного разгрома. Другая группировка состояла из реакционных, нацистски настроенных генералов. К ней относились Шмидт, Гейтц, Роденбург, Сикст фон Арним, Роске и другие. Наконец, третья группировка, возглавляемая фельдмаршалом Паулюсом, занимала внешне лояльную, выжидательную позицию.

Позиции антифашистски настроенных генералов и офицеров значительно укрепились после посещения Суздальского лагеря председателем Коммунистической партии Германии товарищем Вильгельмом Пиком. Мне было поручено сопровождать его в течение десяти дней пребывания в Суздале в июне 1943 года.

Вильгельм Пик выступил на общем собрании военнопленных лагеря. Говорил он страстно, горячо, убежденно. Напомнил о той борьбе, которую вела Коммунисти-

ческая партия Германии против фашистов еще до их прихода к власти, образно, на нескольких ярких примерах и сопоставлениях показал опасность гитлеризма для немецкого народа.

— Путь, по которому ведет Гитлер немцев,— сказал он,— это не только путь бесчестья и позора, но и путь еще невиданной национальной катастрофы. Совершенно напрасно надеяться на то, что гитлеровская Германия может еще выиграть войну или закончить ее на приемлемых условиях. Есть только один путь спасения страны — свержение Гитлера и немедленное окончание войны. Борьба за это составляет задачу не одной только Коммунистической партии. Высший патриотический долг каждого немца — в Германии, на фронте или в плену, независимо от политических взглядов и убеждений,— состоит в том, чтобы содействовать свержению гитлеровского правительства и окончанию войны.

— Надо понять,— подчеркивал Вильгельм Пик,— всю лживость и фальшь глупой легенды об «ударе в спину», которую усиленно распространяют нацистские шептуны и провокаторы. Подлинную заботу о родине и народе проявляют не те, кто, прикрывшись ложно понимаемой офицерской честью, отходит от решения жизненно важных вопросов ее судьбы и будущего, а те, кто поднял знамя антифашистской борьбы, кто обращается с горячим словом правды к своим братьям на фронте и в тылу, кто осознал необходимость покончить с гитлеровской кликой,— именно тот и только тот является нашим настоящим патриотом, достойным великих в прошлом традиций немецкой нации.

Когда Вильгельм Пик окончил свою речь, ему аплодировало значительно больше людей, чем в момент его появления на трибуне. Часть офицеров выглядела растерянной. Некоторые смотрели на происходящее отсутствующим взглядом, а кое-кто с известной долей иронии.

Потом Вильгельм Пик беседовал с отдельными группами солдат и офицеров, отвечал на вопросы. Поздно вечером закончилась эта встреча.

Известный немецкий поэт Иоганнес Бехер, также приехавший в Суздальский лагерь, в течение многих вечеров задушевно, мягко беседовал с группой интеллигентов. Их интересовало многое: жизнь антифашистов в эмиграции; положение интеллигенции в Советском Союзе, а главное, что будет с ними, с Германией.

Помню, как-то поздно вечером мы пошли с Бехером прогуляться в поле. После жаркого дня наступил свежий и удивительно светлый июньский вечер. Бехер молчал, наслаждаясь тишиной и прохладой. Потом заговорил неторопливо, раздумчиво:

— Мы, немцы, несчастный народ. Во-первых, потому, что принесли много горя другим, опозорили себя... Во-вторых, две войны за двадцать лет, море крови, жестокость впилась в души людей. Прав был Маркс, когда говорил, что нации, как и женщине, не прощается минута слабости, когда она позволила насильнику овладеть ею...

— Я оптимист,— продолжал Бехер,— я верю в свой народ. Я часть его. Но думаю, что еще одной войны немцы не выдержат. Эта должна быть последней. Иначе Германия уйдет в историческое небытие. Но, посмотрите, даже после Сталинграда все эти шмидты, гейтцы, бойе — ровным счетом ничему не научились, ничего не поняли. Ведь они до сих пор верят, что фюрер пришлет десант, который освободит их из плена! Да-да,— сказал он, заметив мое удивление.— Они вчера пытались меня в этом убедить!

(Эта беседа обозначена в моем блокноте словом «поэт».)

На собраниях военнопленных все чаше завязывались оживленные дискуссии. Выступали по-разному. Одни под влиянием победы Красной Армии под Сталинградом и гуманных условий советского плена уже начинали прозревать, преодолевать колебания. Другие все еще предпочитали отмалчиваться. Немало было и тех, кто откровенно злобствовал, угрожал молодым антифашистам.

Москва ежедневно подробно интересовалась настроениями военнопленных. Это было закономерно — ведь по ним можно было в известной мере судить о тех глубинных процессах, которые происходили в сознании миллионов подданных рейха и военнослужащих вермахта.

Летом 1943 года мне и другому нашему офицеру А. Б. Рейтману — оба мы по образованию историки — было поручено обобщить наши наблюдения и впечатления в специальной весьма объемистой справке-меморандуме. Этот документ мы озаглавили «К вопросу о зарождении и развитии антифашистских настроений среди офицеров и генералов немецкой армии, взятых в плен

под Сталинградом». Он был размножен в Москве. Уже после войны мне показали один экземпляр. На его первой странице в левом углу стояла подпись «И. Ст.» и дата «21 июля 1943 года»...

В лагеря для военнопленных часто приезжали видные иностранные коммунисты. Они беседовали со своими соотечественниками, изучали их настроения. В антифашистской школе в Красногорске, где я часто бывал по делам службы, вел занятия один из лидеров Коминтерна товарищ Эрколи — под этим именем работал тогда руководитель Компартии Италии Пальмиро Тольятти. Приезжала сюда и Долорес Ибаррури — она беседовала с пленными фалангистами из «Голубой дивизии». Но чаще всего Красногорск посещали немецкие товарищи — руководители КПГ Вальтер Ульбрихт, Антон Аккерман, Петер Флорин, Герман Матерн.

В связи с формированием из числа военнопленных-румын дивизии имени Тудора Владимиреску в Суздальском лагере побывали члены руководства Румынской компартии Анна Паукер и Василе Лука.

Анну Паукер хорошо знали в нашей стране. Она провела много лет в застенках румынской сигуранцы и была освобождена стараниями Советского правительства незадолго до войны. С нею у меня как-то сразу установились хорошие отношения. В редкие свободные часы мы ходили по окрестностям Суздаля и беседовали.

Паукер — второй секретарь ЦК Компартии Румынии, представитель своей партии в Коминтерне, была убежденной коммунисткой-интернационалисткой. Она мечтала о возвращении в свободную Румынию, о счастливой послевоенной жизни всех трудящихся в мире, где не будет фашизма. Но иногда в ее рассказах слышалась горькая нотка. Относилась эта горечь не к румынским делам, а к той атмосфере, которая складывалась вокруг «околокоминтерновских» кругов в Москве.

— Никогда раньше среди коммунистов не возникал вопрос, кто по национальности тот или иной товарищ,— говорила Анна.— Сама постановка такого вопроса казалась дикой в нашей среде. А сейчас этот вопрос все чаще возникает. Нет, не по нашей инициативе. Его все ощутимее ставят советские товарищи. И знаете, национальность коммуниста начинает даже играть какую-то роль.

В 1943—1944 годах мне приходилось не раз бывать

в гостинице «Люкс» в центре Москвы, где тогда жили работники аппарата Коминтерна и многие руководители зарубежных компартий. (Теперь это здание — гостиница «Центральная» по улице Горького.) Здесь тогда царила очень дружная атмосфера интернационального братства. Поэтому слова Анны Паукер меня особенно поразили. К сожалению, она оказалась права...

В один из приездов в Москву я познакомился с Лотой Кюн — немецкой коммунисткой, ставшей впоследствии женой Вальтера Ульбрихта. Лота представила меня Рудольфу Сланскому — будущему Генеральному секретарю Компартии Чехословакии, расстреленному в 1952 году по клеветническому обвинению и посмертно реабилитированному.

Один из вечеров в «Люксе» я провел в комнате Матиаса Ракоши — Генерального секретаря Венгерской компартии. Меня привел к нему Золтан Вейнбергер, первый секретарь подпольного ЦК комсомола Венгрии, с которым у нас были дружеские отношения. Золтан, в отличие от угрюмого и подозрительного Ракоши[1], был веселым, жизнерадостным человеком. В тот вечер у Ракоши гостил его младший брат — офицер советских органов госбезопасности.

По служебным делам в Москве часто приходилось бывать в районе Ростокино. На территории, где ранее помещался Исполком Коминтерна, распущенный в мае 1943 года, работало несколько учреждений, известных как институты № 99, 100, 101 и 102. Там же помещались и редакции газет для военнопленных на разных языках, редакция иностранного радиовещания и т. д.[2].

В Ростокино я познакомился с Лотаром Больцем — сотрудником редакции газеты «Фрайес Дойчланд». Этот душевно тонкий и интеллигентный человек был убежденным антифашистом. Он искренне ненавидел фашизм, Гитлера и его клику. Впоследствии Лотар Больц долгие годы был министром иностранных дел ГДР.

Знакомство с видными коммунистами и антифашистами, опытом их борьбы значительно помогало в моем главном деле: работе с военнопленными.

В 1944 году я возглавил отдел контрразведки Суз-

[1] Осенью 1956 года Вейнбергер был бургомистром Будапешта под именем Золтан Ваш.

[2] В настоящее время весь этот комплекс занимает Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

дальского лагеря, где тогда насчитывалось 60 тысяч военнопленных. Я и мой заместитель Петр Мащев, капитан Михаил Белкин, старший лейтенант Александр Громов, лейтенант Юрий Бурлоз, младший лейтенант Алексей Савельев, переводчики Борис Городецкий и Сарфа Чувашова по шестнадцать часов в сутки проводили «на следствии». Почти все — молодые офицеры, побывавшие в боях, видевшие врага на мушке прицелов,— теперь получили возможность рассмотреть фашизм с близкого расстояния, лицом к лицу.

Сейчас, мысленно оценивая прошлое, события тех дней, могу с чистой совестью сказать: всей душой ненавидя фашизм, мы не испытывали к пленным чувства мести. Нам чуждо было и чувство злорадства в отношении побежденного врага. Мы решительно пресекали любые проявления негуманности и беззакония в отношении военнопленных.

Бывший полковник Луитпольд Штейдле — о нем уже рассказывалось — почти через три десятка лет после описываемых событий написал на подаренной мне своей книге «Решение на Волге» такие слова: «Нашему другу и товарищу по борьбе профессору Бланку на память о первых, но решающих часах и днях в Советском Союзе с тысячью благодарностей за все то, что им сделано для меня и моих друзей».

Австрийский врач Ганс Дибольд — блестящий терапевт-клиницист, верующий католик, человек с остро развитым чувством совести. Он работал в госпитале для военнопленных в поселке Камешково под Владимиром (госпиталь обслуживал Суздальский лагерь), был активным противником гитлеровцев. После войны в Зальцбурге вышла книга Дибольда «Врач из Сталинграда» — волнующее свидетельство превратностей его судьбы и душевных переживаний. В беседах с умным, интеллигентным доктором Дибольдом мы провели немало вечеров. Он часто высказывал мне свои симпатии, говорил, что ему по душе «человеческий стиль» общения с военнопленными, который, по его мнению, был мне присущ.

А вот Генрих Герлах в нашумевшей книге «Одиссей в красном», выпущенной в Мюнхене, остался мною недоволен. Он жалуется, что «комиссар Бланк, который постоянно появляется только в гражданской одежде»,

взял на просмотр его рукопись, посвященную пребыванию в плену, и проявил «чрезмерное любопытство».

Прочитав эти строки, я улыбнулся. А потом задумался и мысленно представил, что сам попал бы в плен к немцам, а моим «комиссаром» был бы Герлах или другой гитлеровский офицер...

Впрочем, вернемся за высокие каменные стены Спасо-Евфимьева монастыря. Какие бы личности из числа пленных генералов и офицеров не находились там в 1943 году, наибольшее внимание командования, сотрудников лагеря, да и самого «контингента» военнопленных приковывал к себе, естественно, генерал-фельдмаршал Паулюс.

С ним мне довелось общаться ежедневно и подолгу. Об этом свидетельствуют, в частности, две записи в блокноте: «газ. с П. 8.04.43» — чтение газет фельдмаршалу и «бес. с П.(!)» — беседы с ним.

7 Заказ 3264

На переломе

На войне бывало всякое. Случалось, что в немецкий плен попадали бойцы и командиры Красной Армии. Какая участь их ожидала? Знали ли советские солдаты и офицеры об обращении с нашими военнопленными?

Конечно, многого не знали. Но и того, что было известно, было вполне достаточно, чтобы понять, что такое фашизм.

Мы знали, например, о печально знаменитом «приказе о комиссарах», согласно которому попавшие в плен политработники Красной Армии и коммунисты расстреливались тут же, до этапирования в лагеря. Известно было, что гитлеровцы расстреливают офицеров и солдат-евреев сразу же на месте пленения. Мы знали и то, что советские люди, попавшие в плен к фашистам, находились во власти полного произвола, их жизнь и здоровье никем и ничем не гарантировались, а режим содержания строился с расчетом на медленное уничтожение — голодом, холодом, непосильным каторжным трудом, побоями, пытками и издевательствами.

«Чем больше этих пленных умрет, тем лучше для нас!..»,— писал рейхсляйтер Розенберг шефу верховного командования вермахта 28 февраля 1942 года.

Об этом письме нам, советским офицерам, работавшим с немецкими военнопленными, в 1943 году не было известно. Не знали мы еще и о существовании совершенно секретного приказа № 14 начальника полиции безопасности СД от 29 октября 1941 года. В § 3 этого документа говорилось, что «большевистские солдаты утрачивают право на обращение с ними как солдатами в смысле Женевской конвенции». Разумеется, многие факты нарушения гитлеровской Германией международных соглашений о гуманном отношении к военнопленным нам уже были известны. Мы знали о массовых убийствах советских военнопленных фашистскими бан-

дитами. Например, в деревне Красноперово Смоленской области наступающие части Красной Армии нашли 29 раздетых трупов пленных без единой огнестрельной раны. Все красноармейцы и командиры были убиты ножевыми ударами. Еще более тяжкая трагедия произошла в деревне Бабаево. Гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать из огня, немцы их перестреляли.

В приказе по 203-му пехотному полку говорилось: «Главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы... в целях сохранения германской крови поиск мин и очистку минных полей производить русскими пленными». Другой приказ по 60-й мотопехотной дивизии № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В нем говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания». А бывший начальник генштаба германских сухопутных сил Франц Гальдер под присягой заявил, что на совещании в ставке Гитлером было сказано: «Борьба между Россией и Германией — борьба между расами... Так как русские не участвуют в Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно находиться в соответствии с ее требованиями».

Подобных документов можно было бы привести сотни. Они отнюдь не были самодеятельными «импровизациями» отдельных командиров частей и подразделений. Нет, в них отражалась общая политика нацистского командования по отношению к военнопленным. Ведь в конце 1941 года на совещании начальников отделов по делам военнопленных при военных округах, состоявшемся в Берлине, начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования вермахта генерал-майор фон Греневитц отдал приказание: нетрудоспособных военнопленных Советской Армии умертвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей, а также путем массовых расстрелов.

Все, буквально каждая деталь была разработана гитлеровским командованием так, чтобы добиться физи-

ческого истребления советских военнопленных. Размещать их предписывалось на соломенных подстилках, на полу. Местному населению под угрозой смерти запрещалось оказывать какую-либо помощь военнопленным. 24 ноября 1941 года была разработана директива о снабжении русских военнопленных. Там было определено, например, что для них следует готовить специальный хлеб. Указан был и его рецепт: 50 процентов ржаных отрубей, 20 — отжимок сахарной свеклы, 20 — целлюлозной муки и 10 процентов муки, изготовленной из соломы или листьев. Русские, подчеркивалось в этом документе, должны снабжаться только «малопригодным» для употребления мясом.

А вот несколько слов о самом «снабжении» и его нормах. В лагере военнопленных в городе Сталино (ныне Донецк), где начальником был немецкий офицер Гавбель, военнопленным выдавалась одна буханка хлеба весом 1200 граммов на 8 человек и один раз в день жидкая горячая пища, состоящая из небольшого количества горелых отрубей с добавлением древесных опилок. Жилые помещения не были застеклены, и зимой даже в сильные холода тысячи людей жили на сквозном ветру. Люди не мылись в течение полугода и страдали от огромного количества паразитов. В жаркие летние месяцы они изнемогали от жары, в течение трех-пяти суток не получая питьевой воды.

Бывший командир роты вермахта Вингель, часть которого несла охрану в составе 783-го батальона в лагере в городе Умани, показал, что военнопленные размещались главным образом под открытым небом. Комендант лагеря капитан Беккер морил военнопленных голодом. Их беспощадно избивали, часто до смерти. Ежедневно в лагере умирало 60—70 человек.

Западногерманский историк Себастиан Хаффнер в своих «Заметках о Гитлере» пишет, что в мае 1944 года из 5,16 миллиона советских солдат, взятых в плен с момента нападения гитлеровской Германии на СССР, оставались в живых лишь 1 миллион 871 тысяча человек. 473 тысячи считались «подвергнутыми экзекуции», а 67 тысяч «бежавшими». Остаток — почти 3 миллиона человек, находившихся в лагерях для военнопленных, в своем большинстве погибли от голода. «Здесь,— приходит к выводу Хаффнер,— стирается грань между гитле-

ровскими военными преступлениями и массовыми убийствами».

Солдаты и офицеры гитлеровского вермахта чувствовали себя сопричастными к этим беспримерным в истории человечсства преступлениям. Поэтому они ожидали возмездия за свои злодеяния. Нацистская пропаганда, в свою очередь, не жалела красок для описания ужасов, якобы ожидающих немецких солдат в плену. Паулюс и другие генералы вермахта тоже ожидали некой «экзекуционной команды», которая рассчитается с ними по принципу око за око...

Но все сложилось иначе. Паулюс и его коллеги очутились в советском плену, где действовали другие законы — выполнялись неукоснительно нормы международных соглашений, определившие отношение к военнопленным, осуществлялись принципы гуманности. Они сначала не верили, что останутся живы, потом убедились в этом, стали присматриваться, размышлять, делать выводы... Эта эволюция у наиболее мыслящих военнопленных, как и у Паулюса, началась в Суздале.

В лагере Паулюс вел строго регламентированный образ жизни. Утренняя зарядка, прогулки в одиночестве, несколько часов работы в небольшом фруктовом саду, окружавшем двухэтажный дом, где жили генералы (сейчас этого дома нет, его снесли), беседы с генералами и своим адъютантом Адамом, наиболее близким ему человеком.

Много времени проводил Паулюс за чтением. По его просьбе ему достали «Капитал» Маркса на немецком и французском языках. Он долгие часы занимался тем, что переводил гениальное творение Маркса с французского на немецкий язык, а затем сверял сделанный им перевод с немецким оригиналом и радовался, когда достигалось совпадение текстов или когда его перевод приближался к оригиналу. Но «Капитал» интересовал фельдмаршала не только как материал для перевода. Он тщательно его изучал. В апреле или начале мая, помнится, он попросил достать ему также «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса уже на немецком языке, а однажды попросил указать ему ленинские работы, в которых приводится оценка Клаузевица.

Хорошо запомнилась одна беседа с фельдмаршалом в его комнате вечером в конце мая 1943 года.

— Как странно,— сказал Паулюс,— что я, немец,

впервые читаю труды великих немцев Маркса и Энгельса именно в русском плену.— И, помолчав, добавил: — А может быть, именно в этом и есть глубокий и символичный смысл.

Потом он долго и подробно расспрашивал о том, как изучают коммунистическую теорию в высших учебных заведениях нашей страны, знают ли немецких философов и классиков литературы, особенно интересовался Лессингом.

В отличие от многих своих коллег, Паулюс был широко образованным человеком. Помню, как фельдмаршал удивил видного советского ученого А. М. Кирхенштейна, который был тогда заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председателем Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Он встретился с Паулюсом, будучи проездом в Суздале. Фельдмаршал со знанием дела говорил о новых методах лечения туберкулеза, о работах немецких физиологов, о целебных свойствах швейцарского курорта Давоса.

Выдержке и самообладанию Паулюса можно было позавидовать. Вот лишь один пример. Гитлеровское командование скрывало от немецкого населения факт сдачи фельдмаршала и других генералов сталинградской группировки в плен. Родные и близкие считали их погибшими и продолжительное время не имели о них вообще никаких известий. Разумеется, генералы и офицеры, находившиеся в плену, также ничего не знали о своих близких. Письма, которые в соответствии с конвенцией о военнопленных посылались в Германию через Международный Красный Крест, задерживались гитлеровской цензурой и не доставлялись адресатам.

Советское командование предприняло необходимые меры, чтобы доставить жене фельдмаршала Паулюса Елене Констанции письмо от мужа и получить от нее ответ. Можно представить себе — и фельдмаршал, опытный военачальник, хорошо понимал это,— какие трудности пришлось преодолеть советским разведчикам, работавшим в рейхе, чтобы осуществить столь сложную и небезопасную акцию! И вот фельдмаршала приглашают в кабинет начальника лагеря. Присутствуют полковник Новиков, несколько советских генералов и старших офицеров и я, переводчик.

— У нас есть для вас сюрприз,— говорит один из

присутствующих.— Узнаете почерк? — спрашивает он, передавая в руки Паулюса конверт.

Фельдмаршал надел очки, внимательно посмотрел на конверт. Его руки, обычно спокойные и неторопливые, стали заметно дрожать. Но он сдержал себя, не вскрыл конверт тут же, а поблагодарив, спрятал его в карман кителя и продолжал несколько минут вести беседу. Закончив ее, он вышел из кабинета и направился к себе. Только там он прочитал письмо. В этот день Паулюс ни с кем не разговаривал и допоздна гулял в одиночестве. Наутро он вошел в свой обычный бытовой ритм.

Паулюс подвергался нажиму со стороны генералов. Они всячески добивались, чтобы фельдмаршал как старший по званию среди военнопленных официально выступил против антифашистской деятельности, заявил, что она равнозначна предательству. Однажды в июне 1943 года к нему пришел генерал-полковник Гейтц. В грубой и бестактной форме он стал диктовать Паулюсу пункты своего ультиматума: объявить изменниками антифашистски настроенных офицеров, поручить взять на особый учет тех офицеров, которые посещают антифашистские митинги и собрания. Гейтц потребовал, чтобы Паулюс официально пригрозил всем военнопленным, что генералитет найдет каналы для передачи в рейх сведений об антифашистах-военнопленных. И их семьи постигнет страшное наказание. Он добавил, что говорит не только от своего имени, но и по поручению группы других генералов — Роденбурга, Шмидта и Сикста фон Арнима.

Паулюс выслушал его не перебивая. Потом сказал:

— Вы, кажется, забыли, генерал, что вы больше не председатель имперского военного трибунала и даже не командир корпуса, расстреливающий своих солдат (за последние дни сражения на Волге в 8-м армейском корпусе, которым командовал Гейтц, было вынесено и приведено в исполнение 364 смертных приговора военнослужащим вермахта). Вы здесь военнопленный, прошу это помнить.

После небольшой паузы Паулюс добавил:

— Я больше не задерживаю вас, господин генерал. Вы свободны.

В этот вечер ужин, принесенный, как всегда, ординарцем Шульте, остался нетронутым. Паулюс допоздна сидел в одиночестве, и даже его ближайший друг полковник Адам, который зашел к нему на несколько ми-

нут, сразу же вышел из комнаты. С этого времени фельдмаршал больше не разговаривал с Гейтцем и Роденбургом, он лишь отвечал на их приветствия.

В конце июня 1943 года состоялась оживленная беседа Ф. Паулюса с генерал-лейтенантом Шмидтом. В ней принял участие и полковник Адам. Она касалась одного из самых острых вопросов, неизменно волновавшего военнопленных, в особенности офицеров и генералов: кому давалась военная присяга при вступлении в вермахт — фюреру или немецкому народу? И второе: освобождает ли от обязательства быть верным фюреру сознание того факта, что он ведет преступную политику по отношению к своему народу?

Паулюс колебался. Вполголоса, как бы рассуждая вслух, он сказал, что в создавшейся обстановке верность фюреру не всегда означает верность народу.

— События последнего времени,— добавил он,— заставляют нас задуматься над сущностью и содержанием понятия присяги.

Паулюс напомнил, что в первые часы его пребывания в плену советские генералы подчеркнули, что они разграничивают немецкий народ и гитлеровскую клику.

— Это было, вероятно, первое заявление политического характера, которое мы услышали от Советов в плену,— сказал Паулюс.

Шмидт едва сдерживался, всем своим видом он выражал гнев и возмущение.

— Мы же не дети, господа, чтобы доверять этой пропаганде красных. Вся эта болтовня о народе не больше, чем приманка для легковерных. Но, надеюсь, что среди нас их не будет,— произнес генерал, испытующе глядя на своих собеседников.

— Нет, Шмидт, не так все это просто, как вам представляется. Вы правы. Мы действительно уже не дети. И именно поэтому обо всем этом надо хорошо подумать.— Паулюс встал и прошелся по комнате, давая понять, что беседа закончена.— Мы еще вернемся к дискуссии на эту тему,— завершил разговор фельдмаршал.

Шмидт и Адам попрощались и вышли.

Для характеристики поведения Паулюса в то время показателен и такой эпизод. Из рассказов солдат и офицеров 6-й армии было известно, что фельдмаршал не одобрял зверств гитлеровцев в отношении мирного населения оккупированных территорий. Полковник Адам

в своих воспоминаниях пишет, будто командующий даже разгневался, когда, прибыв в оккупированный Белгород, увидел на городской площади виселицу с повешенными советскими патриотами. Паулюс вызвал коменданта города полковника Бехтольсгейма и напомнил ему, что он отменил приказ Рейхенау о терроре против мирного населения.

— Почему же продолжаются казни? — спросил Паулюс.

— Были найдены убитыми наши солдаты, и мы решили ликвидировать партизан,— доложил Бехтольсгейм.

— И этим вы думаете добиться результатов? — спросил Паулюс.— Скорей, наоборот,— добавил он и приказал: — Распорядитесь, чтобы этот позор немедленно убрали с площади.

Возможно, старый офицер, сложившийся еще в догитлеровское время, он не мог не ощущать по отношению к карателям чувства брезгливости. Это не исключено. Но, разумеется, ни о каком активном протесте со стороны Паулюса против гитлеровской политики тотального террора не могло быть и речи. Показательно, что уже в плену, когда в присутствии Паулюса заходила речь о фашистских зверствах, он неизменно отмалчивался. Однажды в Суздаль приехал тогдашний первый секретарь Ивановского обкома партии Г. Н. Пальцев, который только что побывал в освобожденных районах Смоленской области. Он гневно спросил Паулюса:

— Почему вы чините такие неслыханные ни в одной войне бесчинства и зверства?

Фельдмаршал ушел в глухую оборону и сухо ответил:

— Мне про это ничего не известно. Армия подобными делами не занимается.

В этом весь Паулюс — личность неоднозначная, противоречивая.

Помнится мне еще один весьма примечательный разговор с фельдмаршалом. Он завел тогда речь о советских людях, о том, что они живут в бедности и под вечным страхом, и потому, мол, легко расстаются с жизнью.

— Не вам, господин фельдмаршал, говорить о страхе и бесправии,— ответил я.— Ваш рейх — гигантский концлагерь, где каждый боится другого, где даже за крамольную мысль бросают в застенок. Возможно, вам известна фамилия Брехт. Так вот, у нас в лагере в биб-

лиотеке есть его книга, а в ней стихотворение «Ужасы режима». Прочитайте его, прежде чем судить о страхе и бесправии.

— Я слышал о Брехте и знаю, что он пишет дурные пьесы и бездарные стихи. И вообще, я не читаю красных поэтов, не слушаю красную пропаганду, герр лейтенант. Или, может быть, вы полагаете, что в следующий раз я буду приветствовать вас вот так? — с сарказмом спросил Паулюс, вскинув левый кулак в приветствии красных фронтовиков «Рот фронт».

— Мы не собираемся делать из вас коммуниста, господин фельдмаршал. Наши взгляды прямо противоположны по всем вопросам. Вряд ли мы с вами когда-либо будем думать одинаково,— сказал я.

— Это только на первый взгляд,— возразил мой собеседник.— Если присмотреться и вдуматься, ваши порядки очень похожи на наши. У нас — фюрер, у вас — товарищ Сталин. И так же, как у нас, генералами командует партия и тайная полиция. Разве немцы уничтожили ваших лучших генералов: Тухачевского, Блюхера, Якира, Егорова?

Я оказался в очень трудном положении. Никому из нас, простых советских людей, тогда не была известна правда о Сталине, о преступлениях Ежова, Берии и их подручных. Мы, офицеры НКВД, работавшие с военнопленными, ничего не знали о дьявольской кухне этого ведомства. До XX съезда КПСС надо было еще прожить долгих и трудных 13 лет... А то, что известно о Сталине и сталинизме сегодня, в конце 80-х годов, было просто немыслимо в то время.

В 1943 году я безоговорочно верил Сталину, его сравнение с Гитлером было для меня кощунством: понятия «СССР» и «Сталин» были еще неразделимы. Разумеется, не знал я тогда об истинных причинах и масштабах сталинских расправ с «врагами народа», в том числе и с военными кадрами.

Словом, Паулюсу я не поверил. Его размышления воздаст по заслугам...

— Ваши сравнения оскорбительны,— ответил я немецкому фельдмаршалу.— Впрочем, история каждому воздаст по заслугам...

Годы спустя я узнал, что Паулюс, говоря о расправах над командирами РККА накануне войны, сказал лишь часть правды. Он знал, не мог не знать о той роли,

которую в уничтожении цвета Красной Армии в конце 30-х годов сыграла германская разведка.

Мы уже упоминали об афере с Тухачевским. Как и кем она готовилась? Сделаем небольшое отступление от нашего рассказа о пленном фельдмаршале и обратимся к работам западных историков и воспоминаниям.

Георг фон Раух, автор известной в ФРГ «Истории Советского Союза», отмечает, что документы, компрометирующие Тухачевского и его товарищей, были сфабрикованы Гейдрихом и Беренсом в подвалах берлинского гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Этот «обличающий материал» был пущен через Прагу в Москву для того, чтобы «дискредитировать красный генералитет в глазах Сталина и значительно ослабить военный потенциал СССР»[1].

Подробности этой аферы находим в воспоминаниях бывшего главы закордонной разведки СС Вальтера Шелленберга:

— Гейдрих получил от жившего в Париже русского белого генерала Скоблина сообщение, что советский генерал Тухачевский совместно с германским генштабом намеревается свергнуть Сталина. Скоблин не мог предъявить никаких документальных доказательств... Гейдрих, однако, увидел в этом сообщении такую ценную информацию, что задумал взять в расчет фиктивные обвинения, ...так как это... при удачном использовании материала должно было привести к предотвращению угрозы превосходства Красной Армии по отношению к Германии[2].

Существует и иная версия этой провокации:

— Собственно инициатива изготовления обличающих документов исходила от просочившегося в гестапо по заданию Сталина агента НКВД,— утверждает Г. фон Раух[3].

У Шелленберга есть все основания и для этой версии:

— В любом случае необходимо было учитывать возможность, что Скоблин передал нам (*гитлеровскому руководству*) планы переворота Тухачевского по поруче-

---

[1] G. von Rauch. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart. 1977. S. 286.

[2] Schellenberg W. Aufzeichnungen. Wisbaden — München. 1979. S. 48.

[3] G. von Rauch. Geschichte der Sowjetunion. S. 286.

нию Сталина. Сталин хотел по внутрипартийным причинам, чтобы предлог к устранению Тухачевского и его группы исходил не от него, а из заграницы.

Как же дальше разворачивалась эта афера?

«Информация была передана Гитлеру, который был поставлен перед сложным вопросом: на что ему решиться?.. Гитлер решился действовать против Тухачевского. Истинные мотивы, толкнувшие его на это, не известны ни мне (*Шелленбергу*), ни Гейдриху. Наверное, он полагал, что ослабление русской армии путем сильного сокращения военного руководства позволит ему держать некоторое время свободными тылы по отношению к Западу»[1].

Нацистским руководством поддерживалась версия, что «заговор» на самом деле существовал, и Тухачевский составил его совместно с командованием вермахта. Оставалось сфабриковать доказательства.

Так как письменные доказательства этого «заговора» отсутствовали, по поручению Гитлера (а не Гейдриха) был предпринят налет на архив вермахта и служебное здание военной разведки — абвера. Глава уголовной полиции рейха Генрих Небе придал налетчикам специалистов отдела взломов своего ведомства. Фактически был найден некоторый подлинный материал о совместной работе командования германского вермахта с Красной Армией...

Захваченный материал необходимо было только «приготовить соответственно целям». Для этого не требовались, как позже утверждалось, «...крупные фальшивки, достаточно было в подобранных совместно бумагах закрыть «некоторые пробелы»,— вспоминает Шелленберг,— уже через четыре дня Гиммлер мог предъявить Гитлеру объемистую папку документов...»[2].

В конце 50-х — начале 60-х годов многие советские исследователи заинтересовались историей расправы над Тухачевским, Якиром и другими военачальниками. Генерал А. Тодорский, писатели И. Дубинский и Л. Никулин точно определили главного виновника кровавых расправ над советскими военными кадрами накануне войны.

Им, конечно, был Сталин. Например, Л. Никулин в книге «Тухачевский» отмечает, что у Сталина были соб-

---

[1] Schellenberg W. Aufzeichnungen. S. 48.

[2] Jbidem. S. 48—49.

ственные мотивы для того, чтобы убрать всех тех, кто стоял или мог стать на его пути к единоличной власти. Но вместе с тем Сталину нужен был только предлог для расправы с неугодными ему военачальниками, как и со многими другими верными ленинцами. Таким предлогом послужила фальшивка в красной папке — «дело Тухачевского».

Писатель И. Дубинский, к своему величайшему удивлению, установил, что гестапо еще и не приступало фабриковать материалы по «делу Тухачевского», а ежовские подручные уже выбивали показания против него от ранее арестованных командиров Красной Армии. Еще в феврале 1936 года, за девять месяцев до того, как изготовленная германской разведкой красная папка попала в руки Сталина, подручные Ежова заставляли комдива Шмидта оговаривать Тухачевского, Якира и других[1].

Военный историк Н. Г. Павленко считает, что Дубинский прав, когда утверждает, что Сталин не был столь наивен, чтобы поддаться на шаблонную приманку, о которой можно прочитать во всех популярных учебниках по разведке. И что без пресловутой красной папки Сталин сделал бы свое черное дело.

Но вернемся к рассказу о Паулюсе. Несмотря на острый характер наших бесед с фельдмаршалом, мне было заметно, что лед антисоветских стереотипов в сознании фельдмаршала постепенно таял.

В лагере Паулюс регулярно знакомился с советской прессой. Не владея русским языком, он просил ежедневно делать ему обзор «Правды», «Известий», «Красной звезды». Нередко Паулюс просил перевести ему ту или иную статью или изложить ее содержание. Часто он мысленно возвращался к прочитанному, высказывал свое мнение по поводу запомнившейся статьи. Как-то Паулюс обратил внимание на передовую «Правды» от 9 апреля 1943 года под заголовком «Вся страна восстанавливает Сталинград». Он попросил перевести ее.

— Жаль,— заметил фельдмаршал,— что мне не доведется увидеть этот город своими глазами... Здесь написано, что советские старатели добыли дополнительно для восстановления Сталинграда несколько пудов золота.

---

[1] Дубинский И. Наперекор ветрам.— М., 1964.

Это тоже символично: кровь, обильно пролитая здесь, и золото, добытое для возрождения этого города. Да, это будет сказочный, светлый город на берегу Волги. Через десять, нет, двадцать лет он возродится! — воскликнул фельдмаршал.

Однажды в июне 1943 года Паулюс обратил внимание на статью в «Правде» писателя Леонида Первомайского под названием «Ненависть». В ней говорилось о сталинградском рабочем Петре Алексеевиче Гончарове, обрубщике металла на блюминге завода «Красный Октябрь», ставшем в годы войны снайпером. Фашисты уничтожили всю семью Гончарова, в том числе и его четверых сыновей. Когда Гончаров пришел в родной поселок, то на пепелище своего дома нашел только старый, знакомый ему с детства утюг, который не сгорел в огне. Так и стоял советский солдат над утюгом — единственным предметом, оставшимся от прежней, довоенной жизни.

Паулюс попросил дважды перечитать ему это место из статьи в «Правде». Он замолчал и лишь спустя некоторое время сказал:

— Сколько времени понадобится, чтобы искупить страшное зло, которое мы принесли на эту землю? Нет, искупить невозможно — ведь нельзя вернуть погибших детей. Можно лишь действовать, чтобы никогда не повторилось происшедшее. Это составит задачу многих будущих поколений.

Нередко Паулюс с удивлением отмечал, насколько недостаточны его познания в области литературы, искусства и истории русской культуры. Однажды, например, он попросил перевести ему статью Николая Тихонова о Ленинграде, напечатанную в «Правде» 27 мая 1943 года. Там упоминались гениальные русские писатели и художники, музыканты и ученые, полководцы и зодчие, чьи имена связаны с городом на Неве. Среди них были Суворов и Кутузов, Ушаков и Макаров, Ломоносов и Павлов, Пушкин, Гоголь, Кипренский, Федотов, Чайковский и Глинка.

— А ведь я почти никого из них не знаю,— с горечью сказал Паулюс.— Как мы были изолированы от всей русской культуры! Кроме Суворова и Кутузова, я ни о ком толком ничего не знаю. Только слышал музыку Чайковского и знаю фамилию вашего большого поэта Пушкина. Но никогда ничего написанного им не читал.

В конце июня 1943 года Паулюс ознакомился с опубликованным в газете «Правда» сообщением Советского Информбюро об итогах двух лет Великой Отечественной войны. Слушая перевод, фельдмаршал делал краткие пометки в блокноте. Он подчеркивал каждый вывод, сформулированный в сообщении: провал авантюристических планов гитлеровского командования, основательный подрыв военной мощи фашистской Германии, кризис в ее тылу, усиление международной изоляции нацистского рейха, рост сопротивления в оккупированных захватчиками странах... И главное: силы Красной Армии значительно окрепли, советский тыл в труднейших условиях доказал свою прочность и непоколебимость, международное положение СССР устойчиво, как никогда ранее. Паулюс вынужден был признать, что эти выводы носят реальный характер и соответствуют действительному положению вещей. Сомнение он выражал лишь по поводу заключения о кризисе нацистского тыла и росте движения Сопротивления.

— Это преувеличение, свойственное пропаганде в каждой воюющей стране. Нет, нет,— повторял он,— тыл, я уверен в этом, продолжает следовать за своим фюрером, никто там не смеет бороться против него, немцы очень послушная нация, привыкшая к порядку.— В голосе Паулюса слышались едва уловимые нотки горечи.

Впрочем, нельзя утверждать, что летом 1943 года у Паулюса уже появились четко выраженные антифашистские настроения. Нет, в это время у него сложилось более полное убеждение в ошибочности стратегии гитлеровского командования, досада на просчеты ставки фюрера.

Однажды в беседе с одним советским генералом Паулюс сказал:

— Крупнейший просчет нашего командования заключается, во-первых, в том, что мы растянули свои силы и остались без резервов. Во-вторых, наша разведка не дала нам ясного представления, какой мощной промышленной базой Россия располагает на востоке: мы не знали, что она сможет дать такое количество оружия. А мой личный просчет заключался в том, что я слушался беспрекословно, как солдат, приказа верховного командования, и сразу, вопреки воле Гитлера, как только нас окружили, не пошел на прорыв. Тут я виноват перед

своей армией, германским народом и своей совестью.

В Советском Союзе фельдмаршалу открылся совершенно новый для него мир, о котором он до сих пор слышал только отрицательное. Как честный человек, Паулюс вынужден был признать, что у него было насквозь фальсифицированное, искаженное представление о Красной Армии, о нашем народе, о всей нашей стране. Это прозрение приходило постепенно, нередко прочитанное вызывало у него глубокие раздумья.

Значительно быстрее шел процесс прозрения у солдат и младших офицеров. На собраниях, проходивших весной и летом 1943 года в лагерях военнопленных, принимались антифашистские резолюции. В них безоговорочно осуждалась преступная политика гитлеровской клики, все честные немцы призывались к борьбе против гитлеровского режима, за свободную демократическую Германию.

В результате многочисленных бесед, которые регулярно проводили с военнопленными приезжавшие из Москвы немецкие коммунисты, возник план создания массовой организации, призванной охватить все антифашистские группы в лагерях. Как писал один из организаторов движения Эрих Вайнерт, такая организация «могла бы говорить от имени всех немецких антифашистов» и «стать источником силы для широкого движения сопротивления».

На собрании военнопленных одного из лагерей была принята резолюция. «Сталинград,— говорилось в ней,— открыл нам глаза. Мы увидели, что обречены на голод, холод и смерть. Находясь в окружении, мы поняли, что Гитлер и гитлеровские заправилы ввергли нас и весь наш народ в безграничное несчастье. Товарищи в лагерях! Объединяйтесь на борьбу против Гитлера! Кто сегодня стоит в стороне — тот предает отечество! Долой Гитлера и его преступную войну! Да здравствует свободная Германия, да здравствует свободное германское правительство!»

Было решено создать Национальный комитет «Свободная Германия» для организации борьбы за мир, свободу и независимость немецкого народа. В июне 1943 года активисты антифашистского движения избрали подготовительный комитет. С этого времени развернулась работа по подготовке общей конференции военноплен-

ных-антифашистов, находившихся на территории СССР[1].

И вот 12 и 13 июля 1943 года в Красногорске состоялась общая конференция военнопленных немецких солдат и офицеров. Она проводилась совместно с антифашистскими немецкими общественными деятелями, находившимися в то время в СССР. В ее работе приняли участие представители всех расположенных на территории Советского Союза лагерей военнопленных, люди различного общественного положения, разных религиозных и политических воззрений.

С докладом «Путь чести нашего народа» выступил известный немецкий писатель-коммунист Эрих Вайнерт. Он дал подробный анализ захватнических целей войны, ведущейся гитлеровской кликой, убедительно показал неизбежность крушения кровавого фашистского режима. Характеризуя задачи нового массового антифашистского движения немецких патриотов, Эрих Вайнерт подчеркнул, что название «Свободная Германия» означает борьбу за такую Германию, которая будет свободна от всякого внешнего и внутреннего порабощения.

— Советское правительство,— заявил он,— не чинит никаких препятствий нашей конференции. Это означает, что Советский Союз не скрывает своих симпатий к истинному немецкому освободительному движению... не смешивает немецкий народ с Гитлером, несмотря на те

[1] В начале 60-х годов в поисках материалов по истории образования Национального комитета «Свободная Германия» мне довелось работать в Центральном партийном архиве ЦК КПСС. Все, что предпринималось по этому вопросу с немецкой стороны, легко прослеживалось по документам. А вот как и кем со стороны СССР принималось решение об образовании этого комитета, архивные фонды молчали. Не было ни одного документа, который позволил бы определить, кто именно «дал команду». Собственно, по логике вещей было ясно: команду об организации комитета, в котором усматривался прообраз будущего правительства Германии, мог дать только один человек — Сталин.

Мое предположение неожиданно подтвердилось: работник Центрального партархива И. Г. Кабин (в годы войны — сотрудник аппарата ЦК партии, ведавший германскими проблемами), рассказал, что как-то в июне 1943 года он находился в кабинете секретаря ЦК ВКП(б), начальника Главного политического управления Советской Армии А. С. Щербакова. В этот момент позвонил Сталин и сказал: «Товарищ Щербаков, немцам пора создать свой антифашистский комитет на широкой основе! Уже пора. Дайте указания и предоставьте необходимые средства для этого». Но ни в одном документе «команда» Сталина зафиксирована не была...

невыразимые страдания, которые причинили немецкие солдаты этой стране. Это означает, что Советский Союз питает доверие к людям, которые поднялись на борьбу против Гитлера. И это доверие мы оправдаем.

С яркой речью выступил на конференции Вильгельм Пик. Он призвал к объединению всех слоев немецкого народа в армии, в тылу и в плену на борьбу за свержение фашистской диктатуры, окончание войны и создание свободной и независимой Германии.

Конференция избрала Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). В состав этого руководящего органа антифашистского движения военнопленных вошло 38 человек. Активным ядром, душой новой антифашистской организации были немецкие коммунисты. Комитет единогласно избрал своим президентом Эриха Вайнерта и решил выпускать печатный орган — газету «Фрайес Дойчланд» («Свободная Германия»). Первый номер ее вышел 19 июля 1943 года.

НКСГ обратился к германской армии и германскому народу с манифестом. В нем содержалась подробная оценка военно-стратегического и внутриполитического положения гитлеровской Германии. «Наша цель,— указывалось в манифесте,— свободная Германия. Это означает:

Сильную демократическую власть, которая не будет иметь ничего общего с бессилием веймарского режима; демократию, которая будет беспощадно, в корне подавлять всякую попытку каких бы то ни было новых заговоров против народа или против европейского мира;

Полную отмену всех законов, основанных на национальной или расовой ненависти;

Восстановление и расширение политических прав и социальных завоеваний трудящихся, свободы слова, печати, организаций, совести и вероисповедания...»[1]

В свободной Германии, говорилось далее в манифесте, должно быть обеспечено право на труд, осуществлена конфискация имущества виновников войны и военных спекулянтов, организован справедливый беспощадный суд над виновниками и зачинщиками войны и их закулисными подстрекателями и пособниками. Выдвигалось также требование о немедленном освобождении жертв гитлеровского террора и материальном возмещении при-

[1] Freies Deutschland, 1943, N. 1.

чиненного им ущерба. Перед немецкими солдатами и офицерами, трудящимися мужчинами и женщинами Германии ставилась задача расширять и усиливать движение сопротивления кровавому фашистскому режиму, образовывать новые антифашистские группы на предприятиях, в деревнях, в трудовых лагерях, в высшей школе. Манифест призывал немцев отдать все силы, а если понадобится, и жизнь, чтобы поднять народ на борьбу за свободу и ускорить свержение Гитлера. Манифест заканчивался лозунгами: «За народ и отечество! Против Гитлера и его преступной войны! За немедленный мир! За спасение германского народа! За свободную и независимую Германию!» [1].

Манифест НКСГ нашел широкий отклик и одобрение среди сотен тысяч немецких военнопленных, а также среди солдат и офицеров действующей гитлеровской армии.

Активная деятельность антифашистской организации получила высокую оценку в Советском Союзе. «Образование комитета и распространение манифеста будут способствовать тому, что ряды противников гитлеровской тирании в самой Германии, в немецкой армии и в немецком населении будут теперь увеличиваться еще быстрее. В этом прежде всего и заключается политическое значение образования Национального комитета «Свободная Германия»,— писала «Правда» в передовой статье 1 августа 1943 года.

Этот вывод вытекал из практики деятельности Национального комитета. На его позиции переходило все больше и больше военнопленных. В июне и июле 1943 года многие старшие офицеры заявили о своем присоединении к антинацистскому движению, а во второй половине августа первые три военнопленных генерала — фон Зейдлиц, Корфес и Латтман заявили о своем намерении вступить в Национальный комитет «Свободная Германия».

В большую поездку по лагерям военнопленных отправились первые члены Национального комитета. Бывший военнопленный офицерского лагеря Гельмут Вельц вспоминает: «Прибывают четверо немецких офицеров и в наш лагерь... Повсюду членов делегации сердечно приветствуют. Лишь некоторые ведут себя сдержанно. Раз-

[1] Freies Deutschland, 1943, N. 1.

говор ведется открыто и непринужденно, в том числе и о миссии Национального комитета. В центре дискуссии военное положение Германии и ее перспективы. На третий день по предложению делегации Национального комитета в лагере созывается собрание. Пришли почти все офицеры. Латтман говорит о мотивах, побудивших его вступить в Национальный комитет, слова его убедительны. Аплодисменты сильнее, чем я ожидал. Старые нацисты пытались вчера запугать военнопленных своими угрозами... Но массу уже не запугать. Те, кто еще полгода назад прошел через ураганный огонь Сталинграда, теперь вновь обрели свою выдержку, теперь они хотят ясности, они приветствуют любую возможность узнать новое и сделать выводы. Только незначительная часть пленных поддается запугиванию нацистов. Это слабые, трусливые».

Не прекращали работы среди военнопленных и руководящие деятели Коммунистической партии Германии. Они выступали на многочисленных митингах и собраниях, участвовали в дискуссиях, отстаивали политическую платформу Национального комитета.

11—12 сентября 1943 года был основан «Союз немецких офицеров», который также присоединился к движению «Свободная Германия». Здесь активную роль играли известные немецкие военачальники, главным образом из числа взятых в плен под Сталинградом. Президентом его был избран Вальтер фон Зейдлиц, вице-президентами — генерал-лейтенант Эдлер фон Даниэльс, полковник Луитпольд Штейдле и полковник Гюнтер ван Хоовен. В состав президиума в числе других вошли генералы Отто Корфес и Мартин Латтман.

«Союз немецких офицеров» объявил своей главной задачей борьбу против гитлеровского режима, за создание правительства, облеченного доверием народа, правительства, способного обеспечить стране мир и счастливое будущее. «Мы, оставшиеся в живых генералы, офицеры и солдаты 6-й армии,— говорилось в программном документе «Союза немецких офицеров»,— обращаемся к вам, чтобы указать нашей родине и нашему народу путь к спасению.

Вся Германия знает, что значил для нас Сталинград. Мы прошли через пекло. Нас объявили погибшими, но мы возродились к новой жизни. Молчать дальше мы не можем!

Как никто другой, мы имеем право говорить не только от своего имени, но и от имени погибших под Сталинградом товарищей... Мы не хотим, чтобы жертвы, принесенные нашими товарищами, оказались напрасными. Горький урок, полученный в Сталинграде, заставил нас сделать для себя выбор. И теперь мы обращаемся к народу и солдатам и прежде всего к руководителям армии, генералам и офицерам вермахта: «В наших руках собственная судьба!»[1]

В связи с присоединением «Союза немецких офицеров» к движению «Свободная Германия» в состав Национального комитета было дополнительно избрано 17 человек. В их числе — генералы Зейдлиц, Корфес, Латтман и Даниэльс, полковники Штейдле и ван Хоовен, протестантский священник Шредер, католический священник Кайзер.

Создание еще одной антигитлеровской организации способствовало развитию антифашистских настроений среди военнопленных офицеров и генералов. Преодолевая колебания и сомнения, они постепенно присоединялись к НКСГ. В июле 1944 года шестнадцать немецких генералов обратились к генералам и офицерам германской армии с призывом немедленно порвать с Гитлером и его окружением, прекратить военные действия. Анализ причин катастрофического военного положения Германии в письме шестнадцати немецких генералов не шел дальше «авантюризма политического и стратегического руководства Гитлера», но сам факт обращения военачальников вермахта с призывом к борьбе против гитлеровского правительства оказал немалое влияние на настроения колеблющихся военнопленных.

Как же проявил себя фельдмаршал Паулюс в этот период нарастающего отхода военнопленных от идеологии фашизма? По собственному наблюдению скажу: он внимательно следил за настроением своих коллег — генералов и за поведением старших офицеров. Внешне Паулюс оставался безучастным к происходящим в лагере событиям. Они, как и доходившие сюда вести о нарастающем антифашистском движении среди военнопленных, находящихся на территории Советского Союза, как будто не волновали его. На самом деле, пленный

---

[1] Die Gründung des Bundes deutscher Offiziere. Protokol der Gründungstagung. September 1943. S. 17—19.

фельдмаршал болезненно переживал процесс смены вех.

«Последовательно продолжая свою линию как командующего армией, я не считал себя вправе, находясь в плену, вмешиваться в судьбу моего отечества, что создавало бы видимость сотрудничества с противником Германии. Поэтому вначале я не вошел в «Союз немецких офицеров»,— так объяснял Паулюс после окончания войны позицию, которую он занимал осенью 1943 года.

«Высказывания Зейдлица не встретили одобрения ни с моей стороны, ни со стороны моих товарищей,— писал он далее,— по следующим причинам:

1) ухудшение военного положения не могло быть причиной для изменения нашей позиции, наоборот, теперь было важно сохранить единство вооруженных сил и народа;

2) как военнопленные, мы не можем достаточно точно судить ни о политическом, ни о военном положении Германии;

3) нам тогда казалось, что подрыв с помощью пропаганды единства вооруженных сил и народа уподоблялся действиям германского верховного командования в 1917 году, которое хотело путем разложения сломить русский фронт, чтобы продиктовать России свои условия мира;

4) наконец, мы находились также под впечатлением «легенды об «Ударе в спину»[1] в 1918 году. Именно потому, что мы считали, что война уже не могла быть выиграна, и что нужно было выйти из нее при достаточно сносных условиях, мы, как солдаты, осуждали эти устремления «НК», как якобы направленные против интересов германского народа.

Отсюда мы заключали, что как раз в данной ситуации нужно было сохранять и укреплять сплоченность вооруженных сил и народа. Кроме того, мы считали, что вмешательство военнопленных путем выдвижения определенных политических требований в политическую жизнь своей страны противоречит международным обычаям.

Проведенный по моей инициативе обмен мнениями между генералами, находившимися в Войково (без

---

[1] «Удар в спину» — понятие, бытовавшее в Германии после ее поражения в первой мировой войне, которое пытались объяснить «предательством» внутри страны.

Зейдлица и Латтмана), привел к принятию письменного заявления, в котором мы резко отвергли подобные попытки разложения и резко осудили присоединение генералов фон Зейдлица, Корфеса и Латтмана к движению «Свободная Германия»[1].

Паулюс первым поставил подпись под этим документом, который был назван меморандумом. Эти его действия вызвали беспокойство командования лагеря. Было решено подробно побеседовать с Паулюсом, разъяснить ему, что, подписав меморандум, он изменил своей позиции лояльного и нейтрального военнопленного, позволил себе злоупотребить добрым отношением к нему. Беседы с Паулюсом были длительными и нелегкими.

Впоследствии фельдмаршал вспоминал: «По настоянию генерала фон Зейдлица... в начале сентября я был переведен на дачу Дуброво (*под Москвой*) для дальнейших переговоров. При этом преследовалась цель вовлечь меня, и тем самым остальных генералов, в движение «Свободная Германия», чтобы таким единством добиться более сильного воздействия на вооруженные силы и народ. После многочисленных бесед, явившихся для меня основательным испытанием, я лично все же не мог отступить от моей вышеизложенной точки зрения. Но я обещал, что постараюсь убедить генералов.., находившихся в Войкове, отказаться от упомянутого выше письменного порочащего заявления относительно действий генералов фон Зейдлица, Корфеса и Латтмана. Для этой цели я поехал обратно.

Однако мое предложение взять безоговорочно обратно вышеупомянутое письменное заявление встретило одобрение лишь части генералов. Чтобы добиться единодушного отказа от него всех, я согласился на такую формулировку (принятую всеми), которая, хотя и снимала первоначальное единодушное осуждение действий генералов Зейдлица, Корфеса и Латтмана, но не определяла при этом отношения каждого из них к движению «Свободная Германия». Одновременно... я на основании письменного заявления, без своей оценки, чисто по существу, сообщил генералам мотивы, побудившие Зейдлица, Корфеса и Латтмана к такому шагу. Кроме того, я объявил, что впредь не должно быть каких-либо кол-

---

[1] Сталинград: уроки истории. Воспоминания участников битвы.— М., 1976. С. 307—308.

лективных действий против движения «Свободная Германия» и что никто не имеет права в своих решениях ссылаться на мою позицию»[1].

Это был лишь первый шаг. Серьезное влияние, по словам Паулюса, на него и других генералов и офицеров оказала газета «Фрайес Дойчланд», которую они регулярно получали. Сильное впечатление произвели также письма генерала фон Ленски, переведенного в середине февраля 1944 года в Москву. В последнем своем письме в мае 1944 года он изложил причины присоединения к движению «Свободная Германия» и призывал последовать его примеру.

На это письмо фельдмаршал тогда не ответил.

«С одной стороны,— пишет Паулюс,— я не мог отказаться от своей принципиальной позиции, но, с другой стороны, я не хотел выступать и против, так как в соответствии с моим принципиальным заявлением в октябре 1943 года такого рода решение должно было приниматься по усмотрению каждого в отдельности. Вследствие такой позиции в лагере Войково больше не проводились общие собрания находившихся там генералов. Среди них имелись лица, которые по-прежнему выступали ярыми противниками Национального комитета. Но были и такие — в их числе и я — которые приглядывались к этому движению, воздерживаясь, однако, вступать в него»[2].

Однако взгляды пленного фельдмаршала постепенно менялись. В отличие от многих своих коллег, Паулюс безоговорочно признавал историческое значение Сталинградской битвы и величие воинского подвига, совершенного Красной Армией и всем советским народом. Когда в «Правде» за 21 июня 1943 года фельдмаршал встретил фразу: «Слово «Сталинград» в сознании всего мира связано с торжеством исторической справедливости», он сказал:

— Справедливость в этом мире существует, по-моему, только в природе, в человеческом обществе ее трудно найти. Но как символ подвига вашего народа и армии слово «Сталинград», конечно, войдет в историю навечно. Это бесспорно.

Однажды в июне 1943 года Паулюс спросил меня,

---

[1] Военно-исторический журнал. 1960, № 3. С. 95—97.
[2] Там же. С. 85—90.

изучают ли в советских университетах историю Древней Греции и, получив утвердительный ответ, сказал:

— Вы помните спартанского царя Леонида, который принес себя и триста своих воинов в жертву, пав в безнадежном, с военной точки зрения, бою в Фермопильском ущелье?[1] — И после паузы продолжил: — Роль царя Леонида была предназначена мне. Именно поэтому он (*Гитлер*) за день до конца боев в котле присвоил мне звание генерал-фельдмаршала. Но... режиссер просчитался. Вместо Фермопил получились Канны. А это уже другая драма. Наше телеграфное агентство утверждает, что у меня при себе во время пребывания в котле постоянно были два пистолета и ампула с быстродействующим ядом! А я остался живым и в полном сознании сдался в плен. Но удивляться этому могут только люди, которые не пережили Сталинград. Те, кто там побывал, стали мудрее и старше на десятилетия.

Медленно, но заметно стали меняться и поведение и настроение пленного фельдмаршала. Паулюс перестал уклоняться от бесед с офицерами и генералами — членами «Союза немецких офицеров», с руководителями Национального комитета «Свободная Германия», с советскими людьми. К концу 1943 года он признавал уже, что Германия не может достигнуть победы в войне, и считал, что только немедленное прекращение военных действий, отвод гитлеровских войск и заключение мира могут спасти Германию от полного разгрома и оккупации. И тут же у фельдмаршала возникал вопрос: пойдет ли Советское правительство и союзники СССР на заключение мира с Гитлером? Невозможность такого шага он отчетливо сознавал. Отсюда неминуемо следовал вывод: чтобы спасти Германию, надо устранить Гитлера.

И все же, как можно было судить по его поведению и некоторым высказываниям, Паулюса летом и осенью 1943 года еще одолевала внутренняя борьба. Он изредка делился своими мыслями. Однажды — это было в конце августа — во время прогулки фельдмаршал сказал мне:

— Если бы не каприз фюрера, то вся моя судьба сложилась бы иначе.— И, помолчав, добавил: — Ведь в

---

[1] Фермопилы — горный проход, соединяющий Северную Грецию со Средней. Здесь в 480 г. до н. э. греческий отряд, предводительствуемый спартанским царем Леонидом, был обойден персами и уничтожен, в результате чего персы проникли в Среднюю Грецию.

июне сорок второго года моя кандидатура намечалась на пост начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта. Йодль должен был уйти, а я занять его место. Вот и сидел бы сейчас в глубоком бункере, на родине, а не бродил бы по дорогам России.

— Но что помешало вашему назначению?

Паулюс усмехнулся:

— Гитлер, поколебавшись, сказал: «Как ни важен этот пост, Сталинград важнее. Пусть закончит дело в Сталинграде». А Кейтель поддержал эти соображения Гитлера. Уж кто-кто, а он ни за что не хотел видеть меня в генштабе.

— Вы считаете Кейтеля опытным полководцем?

— Нельзя сказать, какой он полководец. Он не командовал боевыми частями и соединениями, но он хорошо знает все рубежи и минированные поля в главной квартире... И Кейтель побил своеобразный рекорд: он — обладатель самого большого числа высших наград.

— Но ведь и вы, господин фельдмаршал, не обижены высшими наградами?

— Для меня это уже не имеет значения. Фельдмаршала Паулюса больше не существует. Если вы победите, то я вряд ли вернусь на родину. А если и вернусь, то никому не нужным разбитым стариком-инвалидом. Если начнем побеждать мы, то меня убьют ваши. Они не допустят, чтобы я вернулся в рейх. Такая же участь постигнет всех моих товарищей, и, думаю, вообще большинство военнопленных.

— Почему же вы так думаете? Ведь с вами гуманно обращаются. Вы живете в хороших условиях. Вам оказывается уважение.

— Да, это правда. Все изменится лишь в одном случае — если Германия одержит победу. Но я в это верю мало, а сейчас совсем мало.

Как крупный военачальник, обладавший большим опытом работы в генеральном штабе, Паулюс хорошо понимал, какое значение имел разгром немецко-фашистских войск под Курском и Орлом летом 1943 года. Он начертил в своем блокноте какую-то схему, которая, видимо, была понятна лишь ему одному. Большой лист бумаги был весь испещрен стрелками, значками, цифрами, вопросительными знаками, сокращениями. Каждый день после прочтения очередной сводки Советского Ин-

формбюро Паулюс подходил к большой карте, висевшей в клубе лагеря, и через лупу долго рассматривал ее. Потом шел к себе и делал отметки в блокноте, где большими кружками были обведены слова «Леро», «Локсо», «Ксрук», написанные латинскими буквами. В общем, нетрудно было догадаться, что это написанные наоборот названия советских городов — Орел, Оскол, Курск... Прямоугольники, выдвинутые на линию разграничения, должны были означать соединения советских и немецких войск. От каждого прямоугольника стрелка выводила на поле к каким-то цифровым подсчетам. На вопрос, что это за блокнот, Паулюс ответил:

— Скучно без штабной работы. Я ведь по призванию теоретик. Таким, по крайней мере, считали меня все мои друзья.— А потом с горечью добавил: — Плохо, когда теоретик принимает на себя не свойственную ему миссию.

— Вы хотите сказать, что плохо командовали шестой армией?

— Приговор вынесет история, но тот факт, что я нахожусь здесь, уже говорит о многом. Впрочем, свой солдатский долг я выполнил до конца.

Беседы с Паулюсом становились все доверительнее и откровеннее. Однажды ему и Адаму была предложена прогулка в лес, находившийся километрах в пятнадцати от Суздаля.

— Мы хотим показать вам настоящий русский лес,— сказал начальник лагеря, протягивая им берестяные лукошки.— Советую дать полный отдых нервам, забыть по возможности о войне,— заметил он шутливо.

Получасовая езда на «виллисе» по проселочной дороге, и мы очутились где-то вдали от реальной жизни. Мы забыли, казалось, что где-то грохочет война, необычно ярко, в полнеба, светило августовское солнце. Грибы попадались часто. С какой-то детской непосредственностью Паулюс радовался каждой находке. Одетый в телогрейку поверх мундира, он в эту минуту напоминал мирного сельского счетовода или учителя, а не военачальника, командовавшего отборными частями фашистского вермахта, и трудно было представить, что это один из авторов злодейского плана «Барбаросса».

Грибная прогулка сделала свое дело. Щеки Паулюса порозовели, сам он необычно оживился. Часа через два мы сделали привал на поляне. Свежий лесной воздух,

довольно плотный обед из тушенки и необычность ситуации повлияли самым неожиданным и благотворным образом на фельдмаршала. Он встал, отошел от спутников — Вильгельма Адама, шофера и сержанта,— заканчивавших обед, закурил и лег на траву, раскинув руки. Я присел на пенек неподалеку от него.

— Сейчас, когда я переживаю трудные дни,— сказал Паулюс после долгого молчания,— для меня является большим утешением мысль, что моя жена жива и здорова. Я ни за что так не благодарен, как за доставленное вашими коллегами известие и за те несколько строк, которые были написаны ее рукой. Это был поистине рыцарский шаг...

Однажды без всякой видимой связи с предыдущим, зашла у нас речь о Гитлере. Я высказывался более чем энергично. Потом заговорил фельдмаршал:

— Я часто встречался с ним и думаю, что знал его... Он неврастеник, но у него феноменальная память. Он знает наизусть номера всех дивизий и даже многих полков на различных участках фронта, фамилии почти всех генералов. Карта фронта всегда у него перед глазами. Но все его способности служат преступной цели. Его энергия и воля направлены против интересов нации. Он субъективен в оценках до предела, не слушает никаких разумных советов. Фанатизм и маниакальность — он весь в их власти. Ведь военный потенциал России он оценивал по меньшей мере в два раза ниже, чем это было в действительности, и под его влиянием мы все тоже сильно ошиблись. А те, кто видел правду, боялись ее высказать. Даже робкие возражения он не желал слушать. Возражавший или сомневавшийся попадал в немилость со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но это о военной мощи.

— Что же касается политической силы Советов,— продолжал размышления фельдмаршал,— их влияния на массы и авторитета в народе, то этого он не представляет вообще. Душу современного русского человека он не понимает. Да и никто из нас, в сущности, ее не понимал. Некоторые судили о ней по Достоевскому. А я вот уже в плену прочитал «Как закалялась сталь» и подумал: если бы там,— он неопределенно указал рукой в сторону,— отчетливо представляли бы себе, что в Красной Армии немало таких Корчагиных, в наши расчеты были бы внесены существенные изменения.

— Скажите, господин фельдмаршал, неужели весь немецкий генералитет, а в его среде есть, вероятно, немало умных и дальновидных людей, слепо и фанатично повинуется этому полуграмотному извергу? Ведь есть среди генералов люди с широким кругозором и умением практически мыслить?

— Да, многим его стратегия казалась авантюрной. Но он начал побеждать, и... голоса недовольных стихли. Он пытался сделать Германию великой, и это ему удавалось, по крайней мере, до начала восточного похода. И это нравилось всем.

Помолчав, он добавил с сарказмом:

— Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебегать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами. Да и неверно, что он полуграмотный изверг. Фюрер знает философию, в молодости был художником, любит музыку, даже в напряженнейшие дни в ставке находит время, чтобы послушать Вагнера. Кроме того, он любит цветы и животных.

— И тем не менее он изверг, чудовище, человеконенавистник, господин фельдмаршал! — горячо возражал я.— Это по его приказу совершаются страшные преступления. В душегубках и крематориях сжигают тысячи ни в чем не повинных женщин и детей, превращают в руины города и села! Не можете же вы это отрицать. Теперь о предателях. Ведь те, кто перешел к нам из частей вермахта, не предатели, а истинные патриоты немецкого народа. Они нашли мужество, рискуя своей жизнью и жизнью близких, сделать первый шаг в борьбе за освобождение родины от фашизма. Что касается предателей, встречающихся, хотя редко, и у нас, то что сказать о них? Это отщепенцы, выродки, а чаще всего — трусы или преступные элементы. Вы упомянули о рабочих и

крестьянах. Нет, не они привели вашего фюрера к власти — это сделали хозяева концернов. Вам, конечно же, известны имена Тиссена, Круппа, Флика и им подобных. Это на их деньгах вырос нацизм. Их средствами питалась лживая пропаганда Геббельса, сумевшая одурманить этих людей из окраинных переулков, а также часть рабочих... Но подлинные патриоты — это те, кто и сейчас борется против Гитлера. Это ими заполняются концлагеря, это они борются против фашизма, сохраняют достоинство немецкого народа. И будущее за ними! Что же касается Гитлера и его банды, то они — позор немецкой нации, их имена будут прокляты историей.

— Да,— сказал в раздумье Паулюс.— Эти люди из СС действительно творят черные дела. Но отвечает за все Гитлер, он один, за все от начала и до конца. Сейчас он тащит за собой всю нацию в бездну... Если бы он мог уйти — уйти на Эльбу или даже на Святую Елену... Но он не уйдет, хотя и любит подражать Наполеону. В этом наше несчастье. Гибель Германии неизбежна. Вопрос только во времени. Германия погибнет из-за него. Это рок, судьба, фатум...

Был я очевидцем и даже в какой-то мере участником известной встречи Председателя Коммунистической партии Германии Вильгельма Пика с Паулюсом в конце июня 1943 года. Надо было видеть замешательство Паулюса, когда энергичный, широкоплечий человек с седой головой вошел твердой походкой к нему в комнату и назвал себя: «Депутат рейхстага Пик»— и предложил побеседовать о судьбах народа и родины. Фельдмаршал заметно колебался, принять ли предложение. С одной стороны, традиционные понятия об офицерской чести, с другой — искренняя боль о своей стране, ввергнутой гитлеровскими заправилами в пучину бедствий, мучительные поиски выхода из тупика...

Было очень заметно, как трудно Паулюсу сохранять обычную выдержку. Он начал разговор сухо, внешне неохотно и даже неприязненно. Все аргументы Вильгельма Пика фельдмаршал пытался сразу же опровергнуть одним заявлением:

— Я солдат, воспитан в понятиях солдатской чести и, если не могу сражаться вместе со своими братьями, я как военнопленный обязан молчать. Это мой долг перед родиной, перед армией.

Но в словах Вильгельма Пика была неотразимая логика.

— Нас разделяет очень многое,— говорил он.— Мы, вероятно, никогда не будем одинаково думать и одинаково смотреть на вещи и события. Но есть и то, что нас объединяет. Мы оба немцы и любим Германию. Путь спасения есть только один — свергнуть Гитлера и немедленно закончить войну.

Вскоре атмосфера несколько разрядилась и разговор зашел о прошлом.

— Вы, господин фельдмаршал, как и сотни тысяч других немцев, не были бы в плену, если бы послушно не пошли за Гитлером,— заметил Вильгельм Пик.

— Я старый солдат, господин Пик, и всю жизнь беспрекословно выполнял приказы своих командиров. Я верил главе немецкого государства и своему главнокомандующему. Верил даже тогда, когда наступили ужасы Сталинградского котла. Мне было очень трудно допустить, что глава государства может обмануть свой народ.

— Значит, вы не пытались проанализировать глубоко цели Гитлера, методы управления нацистского руководства. Ведь еще до 1933 года мы, коммунисты, предупреждали немцев, что приход Гитлера к власти означает войну, а война — катастрофу,— убежденно сказал Вильгельм Пик.— Неужели даже Сталинград не научил вас ничему?

Паулюс заметно нервничал, не находил достаточно убедительных аргументов для ответа. В разных вариациях он повторял: «Мы солдаты, люди, далекие от политики», «Аполитичность — наш главный принцип», «Солдат обязан беспрекословно повиноваться». На такой позиции Паулюс ушел, как говорится, в глухую оборону.

Но Вильгельм Пик был опытным и искусным полемистом. Он опроверг утверждение Паулюса об аполитичности военных и их безучастности в политике. Товарищ Пик напомнил, что именно генералитет помог в свое время нацистам захватить власть в Германии, поддерживал агрессивный курс гитлеровского правительства накануне второй мировой войны.

— Вермахт был главной движущей силой политики агрессии и насилия,— сказал Вильгельм Пик.— Если бы генералы вермахта в свое время сказали Гитлеру: «Нет!»,— ваш фюрер был бы бессилен.

Под влиянием этих веских доводов, Паулюс перестал ссылаться на аполитичность генералитета вермахта. Теперь он пытался доказать, будто бы военачальники гитлеровской армии не могли вмешиваться в приказы Гитлера вследствие своей слабой осведомленности и плохой информированности.

— Мне говорили, что Советский Союз готовится напасть на Германию, и я верил этому. Я верил верховному командованию и тогда, когда, находясь в глубоком окружении под Сталинградом, получал приказы продолжать сопротивление... Хотя уже в декабре 1942 года оно представлялось мне безнадежным.

Постепенно «оборона» Паулюса стала давать большие трещины. В конце концов он вынужден был, хотя и с оговорками, признать, что был послушным орудием в руках нацистского руководства и несет ответственность за гибель сотен тысяч людей.

Вильгельм Пик повернул разговор, придав ему конструктивный характер.

— Нам надо сейчас смотреть не в прошлое, а в будущее,— сказал он.— Каким бы тяжелым минувшее не было, его следует преодолеть. Не забывать, нет, нет,— подчеркнул товарищ Пик,— а сделать выводы из уроков истории, строить новую жизнь. Для этого есть только один способ: в интересах спасения германского народа объединить все здоровые силы немцев и активно выступить против Гитлера, добиваясь всеми силами его свержения и прекращения войны.

Боевой соратник Эрнста Тельмана Вильгельм Пик, другие немецкие коммунисты, посетившие лагерь, явились для военнопленных первыми предвестниками (в самый разгар войны!) завтрашнего дня немецкого народа.

Во время этой беседы в Суздале Вильгельм Пик рассказал Паулюсу, что в ближайшем будущем предстоит создать Национальный комитет «Свободная Германия», в который, несомненно, войдут многие военнопленные.

Беседа с Вильгельмом Пиком, его глубокая озабоченность судьбой немецкого народа и будущим Германии произвели на Паулюса сильное впечатление. Встреча пошатнула идейные позиции фельдмаршала, побудила его взглянуть на мир иными глазами. «Эта беседа,— вспоминал впоследствии Паулюс,— была для нас, генералов, первым толчком к тому, чтобы, выйдя за узкие

рамки чисто военного мышления, заняться, хотя бы вначале на ощупь, также всем комплексом политических вопросов».

Вечером того же дня Вильгельм Пик сказал мне: «Это хорошо, что ты историк... Сейчас мы историю здесь делаем, а потом ее надо будет правдиво описать. Вот тебе и работа на послевоенные годы». Эти слова оказались пророческими.

По утверждению Паулюса, важную роль в присоединении его к антифашистскому движению сыграло то, что он получил новые сведения о зверствах немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях и о бесчеловечном обращении с советскими военнопленными. Повлияли, безусловно, и события 20 июля 1944 года — попытка фельдмаршала Витцлебена, генералов Бека, Гёппнера, Фелльгибеля, Ольбрихта свергнуть Гитлера. Все эти люди были лично хорошо знакомы фельдмаршалу, и сообщение о неудаче их покушения на Гитлера буквально потрясло Паулюса.

— Ну, хорошо,— рассуждал он,— предположим, мы здесь, в плену, многого не знаем, получаем одностороннюю информацию, мы не в курсе настроений немецкой армии и народа. Но они-то там, в рейхе, в ставке, в генштабе, все знают и все видят. Люди они серьезные. И если сегодня они видят единственный выход в устранении Гитлера, значит, это действительно так. Но ведь именно к этому уже более года призывают и Национальный комитет «Свободная Германия», и «Союз немецких офицеров». Вряд ли можно согласиться с каждой строчкой программы Национального комитета, но в главном они правы: Гитлер должен уйти и уступить место новому руководству, которое закончит войну и подпишет справедливый мир. В этом теперь нет никакого сомнения.

Однако решающую роль в завершении идейной эволюции Паулюса, конечно же, сыграли крупные победы Красной Армии, одержанные в 1943—1944 годах. Именно они во многом определили окончательный переход Паулюса на путь антифашистской борьбы.

В конце июля 1944 года, по просьбе руководителей Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» Паулюс был переведен в Томилино, ближе к Москве. Летом 1944 года фельдмаршал уже был внутренне готов сделать решительный шаг: он

уже отчетливо понимал, что единственной национальной силой, способной вести борьбу против Гитлера, является антифашистское движение «Свободная Германия». Именно поэтому он для себя уже решил вопрос о присоединении к антигитлеровской борьбе.

«Развитие военных событий до лета 1944 года позволило мне осознать, что Гитлер не намерен сделать вывод из ставшего бесперспективным положения и что поэтому он ввергает немецкий народ в невообразимую катастрофу,— писал Ф. Паулюс.— К тому же я получил возможность составить более полное представление о систематических зверствах и мероприятиях по истреблению населения оккупированных областей, которые проводились по приказу Гитлера. Мне стало ясно: Гитлер не только не мог выиграть войну, но и не должен ее выиграть, что было бы в интересах человечества и в интересах германского народа.

Так я пришел к выводу, что теперь уже важно было не то, чтобы окончить войну на сносных условиях, а скорее то, чтобы поощрять враждебные нацизму силы и разложением фронта добиться прекращения борьбы и тем самым избегнуть ужасной окончательной катастрофы»[1].

8 августа 1944 года, в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен генерал-фельдмаршал фон Витцлебен, генерал-фельдмаршал Паулюс отказался от сдержанности, которую он проявлял более полутора лет. Вечером он выступил в передаче радиостанции «Свободная Германия» и заявил о своем вступлении в антифашистское движение.

— События последнего времени,— говорил по радио Паулюс,— сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве. Для Германии война проиграна. В таком положении страна оказалась в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера... Методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера преисполняют отвращением каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес.

Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответ-

---

[1] Военно-исторический журнал. 1960, № 3. С. 94.

ственность. Германия должна отречься от Адольфа Гитлера и установить новую государственную власть, которая прекратит войну и создаст нашему народу условия для дальнейшей жизни и установления мирных, даже дружественных отношений с нашими теперешними противниками[1].

Это выступление Паулюса получило широкий отклик в частях и соединениях вермахта и произвело глубокое впечатление на тех, кому удалось его послушать в Германии. В рапорте о важнейших политических событиях начальник главного управления имперской безопасности, заместитель Гиммлера Кальтенбруннер немедленно доложил об этом рейхслейтеру Борману.

На руководство рейха заявление Паулюса произвело столь ошеломляющее впечатление, что внешнеполитической разведке было поручено произвести идентификацию его подписи под обращением о присоединении к движению «Свободная Германия», как и подписей других немецких генералов, присоединившихся к этому движению. Экспертиза установила безусловную подлинность подписей.

Семье Паулюса — жене, сыну и дочери — было предложено немедленно публично осудить поступок фельдмаршала, отречься от него и даже сменить фамилию. Когда они решительно отказались выполнять эти требования, то были подвергнуты «ограничению в правах»— слежке, лишению пенсии, а спустя месяц Елена Констанция была заключена в концлагерь.

14 августа 1944 года фельдмаршал Паулюс заявил о своем вступлении в «Союз немецких офицеров».

8 декабря 1944 года пятьдесят военнопленных немецких генералов собрались на подмосковной даче, где жил Паулюс. На собрании председательствовал Вальтер фон Зейдлиц. С докладом о положении на фронте и в Германии выступил приехавший к ним Вальтер Ульбрихт. Затем был принят призыв «К народу и вермахту», проект которого составил фельдмаршал Паулюс. Вот что говорилось в этом призыве:

«Немцы!

Охваченные глубокой тревогой за будущее народа, за нашу горячо любимую родину и за дальнейшее су-

---

[1] Правда. 1944. 15 декабря.

ществование Германии, мы, немецкие генералы, совместно с многими сотнями тысяч солдат и офицеров, находящихся в русском плену, обращаемся в этот решающий час к вам, немецкие мужчины и женщины.

С глубочайшим волнением следим мы за вашими безнадежными усилиями в кровопролитнейших оборонительных боях, за вашим сверхчеловеческим напряжением, трудом и все возрастающими лишениями.

Весь наш народ полностью ввергнут теперь в опустошительную войну: на всех фронтах истекают кровью наши мужчины — от стариков до подростков, а на родине женщины и дети страдают от все усиливающихся бомбардировок противника, изнывают под тяжестью непосильного труда. Никогда еще война не приносила таких неописуемых бедствий нашему отечеству! Близится час окончательного крушения перед лицом подавляющего превосходства сил объединенных противников.

К такому положению привел Германию Адольф Гитлер!..

Результат этого политического и военного руководства Адольфа Гитлера: миллионы убитых, калек и лишившихся крова. Семьи разрушены, угрожающе надвигаются голод, холод и болезни.

И несмотря на это Гитлер хочет продолжать войну. Гиммлер и Геббельс расписывают всяческие ужасы о мести врагов, о мнимом большевистском терроре, о порабощении всего нашего народа и его безысходном будущем. Они апеллируют к национальным чувствам и любви к родине и отечеству, принуждая немецкий народ отчаянно бороться вплоть до самоуничтожения.

Самоубийственное продолжение этой войны, ставшей бессмысленной, служит лишь для сохранения Гитлера и его партийных фюреров. Именно поэтому СС и нацистская партия захватили основные руководящие посты.

Но наш народ не должен погибнуть!

Поэтому надо немедленно покончить с войной!..

Конечно, наше будущее будет нелегким, мы будем работать, восстанавливать, но перед нами снова откроется дорога подъема.

Вместо террора, произвола и расовой ненависти восторжествует право, порядок и гуманность.

Вместо бесконечных бедствий и ужасов наступит мир.

Наше усердие и добрая воля будут с каждым годом по новому пути приближать нас к тому дню, когда свободный и равноправный немецкий народ займет свое место среди других народов...

Немецкий народ! Поднимайся на спасительный подвиг против Гитлера и Гиммлера, против их губительного режима!

В единении — твоя сила! В твоих руках и оружие для борьбы!

Освободись сам от этого безответственного и преступного государственного руководства, толкающего Германию на верную гибель.

Немцы! Мужественной борьбой восстановите перед всем миром честь немецкого имени и сделайте первый шаг к лучшему будущему!»[1]

Нет, их никто не принуждал подписать и опубликовать это письмо! Их не били, не пытали, не морили голодом. Это письмо было результатом пробуждения их совести.

Первым под этим обращением поставил свою подпись Фридрих Паулюс — человек, с именем которого преступная фашистская клика еще несколько лет до этого связывала претворение в жизнь своих самых чудовищных и опасных для человечества планов.

Деятельность Паулюса в антифашистском движении «Свободная Германия» стала для фельдмаршала серьезной политической школой. В ней он закрепил свою идейную эволюцию, началом которой был Сталинград. Сам Паулюс так вспоминает об этом коротком, но важном периоде своей жизни:

«Хотя это движение («Свободная Германия») и не принесло желанного успеха в деле скорейшего окончания войны в интересах Германии и всех воюющих стран, но его принципы и основные идеи должны стать основой для восстановления демократической Германии и для ее вклада в сохранение мира.

В тесной связи с пропагандистской деятельностью, на основании более глубокого понимания явлений и событий второй мировой войны было подвергнуто коренному пересмотру и беспощадной критике все наше прошлое мировоззрение. Этому содействовало ознакомление

---

[1] Правда. 1944. 15 декабря.

с прогрессивными взглядами на историю и изучение политических и экономических вопросов. При этом особенно важное значение имели строй, общественные цели и мирная политика Советского Союза, а также тяжелая ответственность и вина, которую мы, немцы, приняли на себя в результате нашего коварного нападения на Советский Союз и захватнической войны против него»[1].

Мысли бывшего генерал-фельдмаршала вермахта были теперь направлены на то, чтобы произвести окончательный расчет с прошлым и помочь немецкому народу сделать правильные выводы для своего будущего.

---

[1] Военно-исторический журнал. 1960, № 3. С. 92—93.

Свидетель обвинения

После окончания войны Паулюс, находившийся тогда на подмосковной даче в Томилино, решил упорядочить, как он давно надеялся это сделать, свои дела и «сократить долги». Он подробно рассказывал о прошлом — о своем жизненном пути, службе в вермахте, говорил легко и свободно.

25 сентября 1945 года ему исполнилось пятьдесят пять лет. В этот день он был особенно откровенен:

— Знаете, раньше я ненавидел марксистов и коммунистов. Мне чужда была их идеология, непонятна политическая основа их учения. Но особенно враждебно я относился к революции 1918 года в Германии. Мне, кадровому военному, казалось, что революция во время войны — это нож, всаженный в спину воюющей нации. Я, казалось, физически ощущал на себе следы «позора», нанесенного Германии.

— Нам это известно, господин фельдмаршал,— ответили ему.— В мартовские дни двадцатого года ваши симпатии были на стороне Каппа[1]. И только позиция вашего шефа фон Секта не позволила вам открыто действовать. Знаем мы и то, что вы были членом «Кифхойзербунда»— организации, куда входили самые преданные Гитлеру генералы и офицеры. Она, можно сказать, была дочерней организацией НСДАП, только состоящей из одних военных. Не случайно ваш фюрер переименовал ее в 1938 году в «Национал-социалистский имперский военный союз». Известно и о вашем пребывании в «Гренцшутц Ост»— корпусе добровольцев...

— Но я хочу сейчас сказать о другом,— перебил Паулюс, что бывало с ним очень редко.— Совсем о другом!.. Не надо сейчас считать мои прегрешения — их

---

[1] Вольфганг Капп — реакционер и милитарист, один из организаторов антиправительственного путча в Германии в 1920 году.

было предостаточно. Но я уже другой человек — больше не являюсь антикоммунистом!.. Мне понятны многие ваши идеи, и я принимаю в общем ваше учение. Я глубоко верующий человек, но вы, атеисты, поступили как истинные христиане — вы не хотели войны и стремились к миру. Вы великий, миролюбивый народ и лучшие солдаты в мире.

— Я помню несколько ваших командиров,— продолжил фельдмаршал после некоторого раздумья.— Они слушали у меня в 1931 году в Берлине курс тактики и военной истории. Русские были самыми способными. Я жалею, что Москву впервые увидел из окна автомобиля, в котором ехал под конвоем. А ведь все могло быть иначе. Еще в 1931 году ваше командование пригласило меня прочитать в Москве курс лекций для командиров Красной Армии. Вопрос как будто был решен, но министерство рейхсвера вдруг наложило запрет на мою поездку. И еще... Я хотел бы написать об опыте битвы под Сталинградом: ведь мне есть о чем рассказать,— заключил он.

Позднее ему удалось осуществить свои намерения. Эти заметки Паулюс назвал скромно: «Ретроспективные заключения». «Еще до момента окружения,— писал он,— но особенно после провала попытки деблокады, предпринятой 4-й танковой армией в конце декабря (*1942 года*), передо мной как командующим стояла трудная дилемма. С одной стороны, я получал постоянно категорические приказы удерживать позиции, неоднократные обещания помощи и сообщения об общей тяжелой обстановке. С другой стороны, видя невероятно бедственное и все более ухудшающееся положение моих солдат, я, движимый человеческими чувствами, задумывался над вопросом о том, не следует ли прекратить борьбу. Несмотря на полное понимание тяжелого положения подчиненных мне войск, я полагал, что надо отдавать предпочтение точке зрения командования.

Всякий мой самовольный выход из общих рядов или сознательные действия против отданных приказов означали бы принятие с самого начала ответственности за судьбу соседних войск, а в дальнейшем — за судьбу южного участка и тем самым всего Восточного фронта, т. е. означали бы, что в глазах всего немецкого народа на меня, по меньшей мере внешне, ляжет основная часть вины за проигрыш войны. Тогда вооруженные силы и

народ не поняли бы такие действия с моей стороны. По своим последствиям они представляли бы собой исключительно революционный, политический акт против Гитлера. Такая мысль не входила тогда в мои личные соображения. Она была чужда моей личной природе. Я был солдатом и считал тогда, что именно послушанием буду служить своему народу.

Перед войсками и командирами 6-й армии, а также перед немецким народом я несу ответственность за то, что до конца выполнял отданные верховным командованием приказы об удержании позиций.

Что касается ответственности подчиненных мне командиров, то они с тактической точки зрения вынуждены были следовать моим приказам точно так же, как я в оперативном звене выполнял данные мне приказы»[1].

В феврале 1947 года Паулюс добавил к своим заметкам еще несколько страниц, которые он назвал «Заключительной оценкой». Здесь есть и запоздалая самокритика и отдельные попытки сохранить все же честь мундира. Весь комплекс операций под Сталинградом Паулюс делит на три фазы:

«I. Продвижение к Волге.

В общих рамках войны летнее наступление 1942 года означало попытку в новом наступлении осуществить планы, потерпевшие провал поздней осенью 1941 года, а именно: довести войну на востоке до победного конца, т. е. добиться целей нападения на Россию вообще. Тем самым существовала надежда решить исход войны.

В замыслах военного командования на первом месте стояла чисто военная задача. Это основная ставка на последний для Германии шанс выиграть войну определяла все планы германского командования и во время двух следующих фаз.

II. С началом русского ноябрьского наступления и окружения 6-й армии, а также частей 4-й танковой армии, в целом 220—240 тысяч человек, становилось все более ясно, вопреки всем ложным обещаниям и иллюзиям ОКВ, что вместо «победного завершения войны против России» возник вопрос: как избежать на востоке полного поражения и, следовательно, проигрыша всей войны?

Этими мыслями были целиком поглощены командо-

[1] Сталинград: уроки истории. С. 289—290.

вание и войска 6-й армии, в то время как вышестоящие командные инстанции (группа армий, начальник генерального штаба сухопутных войск и ОКВ) еще верили в шансы на победу или, по крайней мере, утверждали это.

Поэтому мнения о мероприятиях командования и методах ведения боевых действий, диктовавшихся обстановкой, резко расходились...

III. В третьей фазе, после провала попыток деблокады и при отсутствии обещанной помощи, необходимо было выиграть время, чтобы позволить восстановить южную часть Восточного фронта и спасти крупные немецкие силы, находившиеся на Кавказе.

Можно было полагать, что в случае неудачи вся война будет проиграна только в результате громадного по масштабам поражения на Восточном фронте.

Поэтому вышестоящие командные инстанции выдвинули теперь аргумент, что необходимо «выстоять до конца», чтобы предотвратить самое худшее для всего фронта. Таким образом, вопрос о сопротивлении 6-й армии под Сталинградом сводился к следующему: при той обстановке, как она мне представлялась и о которой мне докладывалось, полного поражения можно было избежать только крайне упорной обороной 6-й армии под Сталинградом. Следовательно, 6-я армия должна была принять на себя невиданные жертвы, чтобы спасти других. В этом смысле были составлены радиограммы последних дней: «Важен каждый час». Преждевременное прекращение сопротивления под Сталинградом означало бы, что я дал толчок к проигрышу войны и что мои действия, как я тогда это представлял себе, были бы направлены именно против немецкого народа..:

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны. Мне также не было известно, чтобы подобное мнение высказывалось среди моих подчиненных»[1].

И, наконец, самое важное:

«В Советском Союзе...— писал Паулюс,— я вижу нашего искреннего помощника на будущее. Для нас, немцев, отсюда вытекает требование, исправив прошлые

[1] Сталинград: уроки истории. С. 302—304.

ошибки, всеми силами завоевать доверие Советского Союза и тем самым добиться затем возможности для установления с ним тесных отношений»[1].

В знаменательный год победы над фашизмом, год освобождения германского народа от гитлеровского ига окончательно завершилась идейная эволюция Паулюса. Изучение марксистской литературы по самым различным вопросам, знакомство с жизнью Советского Союза, беседы с советскими людьми, общение с немецкими коммунистами и другими антифашистами, работавшими в Национальном комитете «Свободная Германия» и «Союзе немецких офицеров», способствовали полному критическому переосмыслению им всего пройденного жизненного пути.

20 ноября 1945 года начался исторический Нюрнбергский процесс. Перед лицом Международного военного трибунала предстали главные гитлеровские преступники. Выступавшие в качестве свидетелей защиты фашистские генералы и фельдмаршалы всеми средствами пытались выгородить своих бывших шефов, сидящих на скамье подсудимых.

9 января 1946 года Фридрих Паулюс обратился к Советскому правительству со следующим заявлением: «Сегодня, когда преступления Гитлера и его пособников поставлены на суд народов, я считаю своим долгом предоставить Советскому правительству все известное мне из моей деятельности, что может послужить в Нюрнбергском процессе материалом, доказывающим виновность преступников войны»[2].

Далее он привел неопровержимые аргументы, разоблачающие подготовку гитлеровским правительством, верховным командованием и генеральным штабом вермахта разбойничьего нападения на Советский Союз. Он перечислил десятки конкретных фактов, уличающих Геринга, Кейтеля и Йодля в неслыханных преступлениях против человечества, против народов Советского Союза и других стран.

Причем Паулюс не пытался обелить себя, признавал свою вину: «Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добросовестно выполнял приказы военных руководителей, действовав-

---

[1] Сталинград: уроки истории. С. 291.
[2] Нюрнбергский процесс.— М., 1958. Т. 2. С. 592.

ших сознательно преступно... Как оставшийся в живых под Сталинградом я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу»[1].

Направив Советскому правительству это заявление, Фридрих Паулюс выразил готовность выступить на судебном процессе в Нюрнберге и дать показания Международному трибуналу. Он желал внести вклад в разоблачение преступного характера войны, развязанной Гитлером и его кликой.

«...К такому шагу,— писал он,— меня побудил долг перед немецким народом. В интересах будущего немецкого народа, его реабилитации, его будущего мирного сосуществования с другими народами было необходимо, чтобы перед Международным трибуналом в Нюрнберге выступил немецкий свидетель с показаниями о противозаконном развязывании захватнической войны, о вызванных ею бесчеловечных деяниях (как искоренение целых народов чужих стран, грабеж населения на чужих территориях, организация концентрационных лагерей и массовое уничтожение в них людей) и о ужасных последствиях войны»[2].

Появление бывшего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса 11 февраля 1946 года в качестве свидетеля в зале заседания Международного трибунала в Нюрнберге вызвало страшный переполох среди сидевших на скамье подсудимых и их защитников. Ведь многие из них, веря гитлеровской пропаганде, усиленно распространявшей версию о том, что Паулюс еще в Сталинграде покончил с собой, считали, что его давно уже нет в живых.

Вот что рассказывает советский писатель Борис Полевой, присутствовавший на суде в Нюрнберге в качестве корреспондента «Правды»:

«Председательствующий на заседании английский судья Джефри Лоуренс отдает распоряжение коменданту суда: «Прошу вас, введите свидетеля Фридриха Паулюса».

Обрамленная зеленым мрамором дубовая дверь в противоположном конце зала раскрывается. Пристав вводит высокого человека в штатском костюме, который, однако, сидит на нем как-то очень складно, по-военно-

[1] Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 599.
[2] Сталинград: уроки истории. С. 312.

му. Снова немая сцена. Щелкают вспышки аппаратов «спит-график». Глухо поют кинокамеры. Все с напряжением следят, как Паулюс поднимается на свидетельскую трибуну. Не знаю, что у него на душе, но внешне он абсолютно спокоен. Зато на скамье подсудимых просто паника. Геринг что-то раздраженно кричит Гессу, тот отмахивается от него. Кейтель и Йодль как-то сжались и вопросительно смотрят на свидетеля. Он появился здесь, точно призрак, вставший из сталинградских руин, принеся сюда горечь и боль трехсоттысячной армии, погибшей и плененной на берегах Волги. С тем же поразительным спокойствием Паулюс кладет руку на библию и, подняв два пальца правой руки, твердо произносит:

— Клянусь говорить правду. Только правду. Ничего, кроме правды!

Неторопливо начинает давать показания. Сухие фразы звучат отточенно, твердо, и, хотя он говорит по-немецки и слова его в зале хорошо слышны, многие из подсудимых для чего-то надели наушники.

Паулюс говорит по-военному коротко, лаконично. Четко формулирует фразы, которые он, вероятно, хорошо продумал за три года своего пленения. Повествуя о преступной деятельности немецкого генштаба, он иногда поднимает глаза и смотрит на подсудимых, и те, на ком он останавливает взгляд, отворачиваются, начинают нервно барабанить пальцами по барьеру. Корреспонденты же пишут и пишут, ломая от торопливости карандаши.

Все, о чем говорит Паулюс, в той или иной степени уже известно по показаниям других свидетелей, из различных документов, но в устах фельдмаршала приобретает особое звучание.

И сутулый человек на свидетельской трибуне, которого гитлеровцы торжественно похоронили, а в тайне прокляли, как бы вновь встал из могилы, чтобы разоблачить перед судом немецкий генштаб, являвшийся в руках Гитлера таким же послушным орудием международного разбоя, как гестапо, СС и СД...

Запоминается переданная Паулюсом фраза Йодля, которой тот закончил сообщение о плане «Барбаросса»:

— Вы увидите, господа, как через три недели после начала нашего наступления этот карточный домик *(Советский Союз)* рухнет.

Смотрю на Йодля. Он сосредоточенно катает по пю-

питру карандаш и будто бы весь ушел в это занятие»[1]...

Секретарь советской делегации в Международном военном трибунале А. И. Полторак вспоминает, что адвокат Йодля сразу же сделал попытку получить подтверждение, будто бы подготовка гитлеровцами военного нападения на СССР носила превентивный характер и была лишь ответом на военные приготовления СССР. Но бывший фельдмаршал Паулюс имел намерение говорить только правду. На вопрос главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко он ответил:

— Знаменательно то, что тогда *(осенью 1940 года, когда разрабатывался план «Барбаросса»)* ничего не было известно про какие-нибудь приготовления со стороны России[2].

— При моем поступлении на службу в ОКВ 3 сентября 1940 года,— продолжал Паулюс,— я застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под условным обозначением «Барбаросса».

Этот план генерал-полковник Гальдер передал мне с заданием проанализировать возможности наступательных операций с учетом условий местности, использования сил, потребности силы и т. д. при наличии 130—140 дивизий... Поставленная цель уже сама по себе характеризует этот план как подготовку чистейшей агрессии: это явствует также из того, что оборонительные мероприятия планом не предусматривались вовсе...

Этим самым развенчиваются ложные утверждения о превентивной войне против угрожающей опасности, которые аналогично оголтелой геббельсовской пропаганде распространялись ОКВ.

Бывший фельдмаршал гитлеровского вермахта четко сформулировал цели, которые ставила фашистская Германия, напав на Советский Союз.

— Со дня 22 июня 1941 года,— подчеркнул он,— нами был взят курс на уничтожение и опустошение Советской страны. В Сталинграде, на Волге, этот курс достиг своего апогея концентрацией всех явлений, сопутствовавших нацистской захватнической войне.

---

[1] Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники.— М., 1972. С. 131.

[2] Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог.— М., 1965. С. 509—510.

Р. А. Руденко: Кто из подсудимых являлся активным участником в развязывании агрессивной войны против Советского Союза?

Паулюс: Из числа подсудимых, насколько я их здесь вижу, я хочу здесь назвать следующих важнейших советников Гитлера: Кейтеля, Йодля, Геринга...[1]

Это было произнесено твердо, убежденно, глядя прямо в глаза своим бывшим коллегам.

Показания фельдмаршала Паулюса, одного из создателей плана войны против Советского Союза, вскрывавшие разбойничий, грабительский характер гитлеровского плана «Барбаросса», имели огромную ценность. Они полностью разоблачили версию о превентивном характере войны против СССР.

«Мне трудно,— писал А. И. Полторак,— забыть смятение, которое охватило после этого защиту. Обычно защитники торопились перейти к перекрестному допросу, если он давал хотя бы какие-то шансы. Но в этот раз и адвокатов, и скамью подсудимых охватила как бы прострация».

После того как с трибуны ушел советский обвинитель, председательствующий судья Лоуренс обратился к защите с предложением начать перекрестный допрос. Но ответы Паулюса на вопросы генерала Руденко повергли защитников в полное замешательство. Адвокат Латернзер — защитник генштаба и верховного командования германских вооруженных сил — медленно поднялся со своего места. Обращаясь к Лоуренсу, он заявляет:

— Господин председатель, я прошу дать возможность поставить вопросы свидетелю завтра, во время утреннего заседания.

Но и перерыв ничего не дал защите.

Вот начался перекрестный допрос со стороны адвокатов Нельте, Латернзера, Заутера, Экснера, Хорна, Фрица.

Нельте *(защитник Кейтеля):* Вы вчера говорили, что никаких сведений, которые свидетельствовали бы об агрессивных намерениях Советского Союза, от разведки не поступало?

Паулюс: Да, так точно.

Нельте: Значит, вы и Гальдер знали такие факты, ко-

---

[1] Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 607.

торые характеризуют войну против России как преступную и, тем не менее, ничего не предприняли против этого?

Паулюс: Да.

Нельте: Зная все эти факты, вы приняли на себя командование армией, которая была направлена на Сталинград? Скажите, не возникало ли у вас тогда мысли уклониться от использования вас в действиях, охарактеризованных вами как преступные?

Паулюс: В связи с тем положением, которое существовало тогда для солдат, а также в связи с той колоссальной пропагандой, которая имела место в то время, я тогда, как и многие другие, думал, что должен выполнить свой долг по отношению к своей родине.

Нельте: Но ведь вы же знали факты, которые противоречили этому понятию долга?

Паулюс: Те факты, которые впоследствии стали мне ясны благодаря тому, что я пережил, будучи командующим 6-й армией, и апогеем которых явилась битва под Сталинградом, привели меня лишь впоследствии к тому сознанию, что это — преступные деяния, так как до этого я имел только частичное представление о фактическом положении вещей.

Нельте: Значит, я должен ваше определение «преступное нападение», а также и прочие определения для поджигателей войны рассматривать как определения, которые пришли к вам впоследствии?

Паулюс: Да.

Нельте: Я могу сказать, что, несмотря на сомнения и несмотря на то, что вы знали факты, которые делали войну против России преступной, вы из послушания считали необходимым выполнить свой долг, принять на себя командование 6-й армией и держать ее под Сталинградом до последнего человека?

Паулюс: Я уже говорил, что когда я принял на себя командование, я не представлял себе объема преступлений, которые заключались в развязывании этой войны, и не мог понять этого объема. Это я понял только тогда, когда стал командующим армией, которая была брошена под Сталинград.

Заутер (*защитник Шираха и Функа*): Господин свидетель, вчера вы сказали, что вы считаете виновным также и гитлеровское правительство. Правильно ли это?

Паулюс: Да.

Экснер (*защитник Йодля*): Скажите, почему же, когда вы увидели, что положение под Сталинградом столь безнадежно и ужасно, как вы уже сегодня говорили об этом, почему вы не действовали вопреки приказу фюрера и не попытались осуществить прорыв?

Паулюс: Потому что тогда мне дело было представлено таким образом, что судьба германского народа зависела от того, продержимся мы или нет.

Экснер: ...Скажите, были ли вы преподавателем военной академии в Москве?

Паулюс: Нет, не был.

Экснер: Скажите, занимали ли вы какую-нибудь должность в Москве?

Паулюс: Я до войны никогда не был в России.

Экснер: А во время вашего плена?

Паулюс: Я так же, как и мои другие товарищи, находился в России в качестве военнопленного.

Экснер: Скажите, вы являетесь членом комитета «Свободная Германия»?

Паулюс: Я принимаю участие в том движении, в котором участвуют все германские штатские и военные, поставившие своей задачей спасти германский народ от грозившей ему гибели, спасти его от того горя, которое было навлечено на него гитлеровскими сообщниками, и свергнуть гитлеровское правительство. К этому я и призывал в моем воззвании от 8 августа 1944 года германский народ.

Фриц (*защитник Фриче*): Господин свидетель, в ходе этого процесса говорилось о приказе ОКВ, в котором предлагалось военнопленных комиссаров Советской Армии расстреливать. Известен вам этот приказ?

Паулюс: Да, я знал о нем...

... **Хорн** (*защитник Риббентропа*): Господин свидетель, вы сказали, что были участником движения, которое имело своей целью спасти немецкий народ от гибели. Я спрашиваю, какие были у вас и других членов организации возможности для осуществления этого намерения?

Паулюс: У нас была возможность говорить с немецким народом по радио и разъяснить ему все. Мы считали своим долгом разъяснить немецкому народу нашу концепцию не только относительно военного положения,

но и относительно событий 20 июля[1], рассказать ему о событиях и убеждениях, к которым мы пришли за это время. Эта инициатива исходила из рядов армии, которую я привел к Сталинграду, где мы видели, что из-за приказов этого государственного и военного руководства, против которого мы выступаем, погибли от холода, голода и снега 100 000 немецких солдат. Мы познакомились там в концентрированном виде с ужасами агрессивной войны.

Хорн: Был ли во время вашего плена у вас случай каким-нибудь образом предоставить в распоряжение советских властей ваши военные знания и опыт?

Паулюс: Никаким образом и никому»[2].

Показания Паулюса в Нюрнберге прозвучали, по словам Бориса Полевого, «как удар гонга на ринге, возвещающего о совершенно бесспорном нокауте».

---

[1] Речь идет о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года.

[2] Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 611—620.

Во имя будущего Германии

Из Нюрнберга Паулюс вернулся бодрый, полный планов: он стал собирать материалы по истории Сталинградской битвы, чертил схемы, делал расчеты, проштудировал горы книг, массу статей...

1 ноября 1953 года в советской печати было опубликовано следующее сообщение:

«В связи с репатриацией немецких военнопленных из СССР репатриирован также фельдмаршал Паулюс, который по прибытии в Германию остался на постоянное жительство в Германской Демократической Республике. Перед отъездом из Советского Союза Паулюс передал на имя правительства СССР следующее заявление:

«Советскому правительству

Возвращаясь из плена на родину в связи с освобождением немецких военнопленных согласно совместному коммюнике Советского правительства и правительственной делегации Германской Демократической Республики от 23 августа 1953 года, я хотел бы прежде, чем я покину Советский Союз, сделать следующее заявление:

Великодушное решение Советского правительства от 23 августа с. г. по вопросу о военнопленных служит новым доказательством того, что Советское правительство в своей политике по отношению к Германии не руководствуется чувством мести за те бесчисленные страдания, которые мы причинили советскому народу в результате развязанной нами войны. Напротив, оно своей мирной политикой, которая вновь нашла свое выражение в вышеупомянутом решении, облегчает всему германскому народу движение по широкому пути к единству Германии и тем самым к счастливому будущему.

Командуя германскими войсками в битве под Сталинградом, решившей судьбу моей родины, я до конца по-

знал все ужасы агрессивной войны, которые испытал не только подвергшийся нашему нападению советский народ, но и мои собственные солдаты. Мой собственный опыт, а также исход всей второй мировой войны убедили меня в том, что судьбу германского народа нельзя строить на базе идеи господства, а только лишь на базе длительной дружбы с Советским Союзом и всеми другими миролюбивыми народами. Поэтому мне кажется, что заключенные на Западе военные договоры, в основе которых лежит идея господства, не являются подходящим средством для мирного восстановления единства Германии и обеспечения мира в Европе.

...Я решил по возвращении на родину приложить все свои силы к тому, чтобы содействовать... дружбе германского народа с советским народом, а также со всеми другими миролюбивыми народами.

Прежде чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг.

24 октября 1953 г.

Фридрих Паулюс,
генерал-фельдмаршал
бывшей германской армии»[1].

25 октября 1953 года Паулюс был уже в Берлине. Его принял тогдашний министр внутренних дел ГДР Вилли Штоф. Затем бывший фельдмаршал отправился в Дрезден, где он решил поселиться в дачном районе города — Вейсер Хирш (Белый олень).

В Дрездене Паулюс прочел курс лекций в Высшем офицерском училище ГДР. Он рассказал об опыте второй мировой войны, об авантюристической стратегии Гитлера и его генералитета. Не щадил он и себя, постоянно подчеркивал свою личную вину за соучастие в подготовке агрессии. В лекции о Сталинградской битве Паулюс говорил:

— Я представляю это себе примерно так: главная причина немецкой катастрофы под Сталинградом, равно как и общей катастрофы, которой закончилась война, лежит в роковой недооценке Советского Союза немец-

---

[1] Правда, 1953, 1 ноября.

ким верховным командованием и в переоценке собственных возможностей.

Немецкое командование преследовало авантюристические и разбойничьи цели. Оно рассчитывало на то, что Советское государство развалится под ударами германского вермахта. Однако это государство, несмотря на тяжелейшие испытания, проявило беспримерную стойкость. Советские командиры показали высокие военные качества, а солдаты Советской Армии с достойным удивления упорством и храбростью защищали свою родину, непоколебимо стоявшую за ними и поставлявшую им все большее количество все лучшего оружия.

Вот почему хорошо продуманный план Сталинградской битвы, разработанный советским верховным командованием, был осуществлен с точностью часового механизма и привел к коренному перелому в ходе второй мировой войны[1].

Много хороших слов произнес Паулюс о советском народе, со знанием дела говорил он о советской военной стратегии, основанной на принципах, исключающих агрессию, нападение, захватнические цели, экспансию.

Читал Паулюс лекции и по истории военного искусства: войны греков и римлян, семилетняя война, освободительные по своему характеру битвы немцев против наполеоновского нашествия...

По вечерам писал. Гулял. Подолгу беседовал со своим старым другом Адамом, жившим и служившим здесь же. Жена Паулюса Елена Констанция умерла еще в 1949 году, и он до конца жизни тяжело переживал эту потерю.

2 июля 1954 года Паулюс принял участие в пресс-конференции секретаря Политбюро ЦК СЕПГ Альберта Нордена. На конференции разоблачались последователи применения политики силы в решении международных вопросов, адепты холодной войны, призывавшие к крестовому походу против СССР и удушению мирового коммунизма.

«Со времени моего возвращения в Германию осенью прошлого года,— сказал в своем выступлении Паулюс,— меня все более удивляет, что высокопоставленные американские политики и военные выступают и действуют в германском вопросе так, как будто не было второй

[1] Адам В. Трудное решение. С. 487.

мировой войны, окончившейся на немецкой земле столь ужасным поражением Германии. Однако еще больше меня поражает и волнует тот факт, что в Западной Германии немцы на самых высоких правительственных постах, а также пресса и радио занимают точно такую же позицию и, несмотря на все уроки прошлого, вновь защищают и поддерживают политику силы, политику подготовки войны на немецкой земле [1].

В то время Паулюс уже работал над книгой, в которой предполагал предостеречь немцев от повторения фатальных ошибок недавнего прошлого, в первую очередь от каких-либо агрессивных планов против СССР.

— Все мы должны учитывать,— подчеркивал он неоднократно,— что мир изменился и, наконец, что будущее германского народа может быть основано только на дружбе со всеми миролюбивыми народами, прежде всего с Советским Союзом, а не на власти и силе.

Паулюс твердо придерживался мнения, что проблемы немцев должны решаться прежде всего путем переговоров между двумя германскими государствами. Его особенно беспокоили планы вооружения Западной Германии и включения западногерманских дивизий в вооруженные силы НАТО. Вот как вспоминает об этом времени В. Адам:

«Однажды воскресным утром в конце 1954 года он сообщил мне, что решил организовать встречу бывших офицеров из Германской Демократической Республики и Федеративной Республики. Многочисленные письма, особенно из Западной Германии, укрепили его в этом намерении. С удивлением я услышал, насколько конкретно он уже занялся этим делом.

— Я хочу разъяснить западногерманским участникам встречи, что Парижские соглашения [2] препятствуют воссоединению Германии, углубляют раскол Германии,— сказал Паулюс.— Я хотел бы доказать, что политика силы никогда больше не сможет привести к успеху. Мы, бывшие офицеры, должны содействовать тому, чтобы немцы с востока и запада договорились между собой.

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 488.

[2] Парижские соглашения, подписанные в октябре 1954 года, предусматривали принятие Западной Германии в НАТО, размещение на ее территории иностранных войск и разрешение ФРГ создать армию в 500 тысяч человек.

— Думаете ли вы, что бывшие офицеры, проживающие в Западной Германии с 1945 года, поймут эти аргументы? — спросил я у Паулюса.

— Им будет нелегко,— ответил фельдмаршал.— Наверное, они используют старый аргумент об «аполитичном» офицере, о котором мы так часто слыхали в прошлом. Я напомню о том, куда мы зашли с этим аргументом. Офицер должен понимать, что в результате своего аполитичного поведения он становится оружием в руках преступников. Правда, субъективно он может действовать с добрыми намерениями, как это делали мы на Волге. Однако в результате слепого выполнения приказов мы объективно стали соучастниками преступного руководства. Ведь как бессовестно Гитлер воспользовался нашей аполитичной позицией в ущерб немецкому народу и всем нам на позор!

Паулюс встал с кресла, зашагал по просторной комнате, затем остановился передо мной:

— Над этим, мой дорогой Адам, должны задуматься особенно те бывшие офицеры, которых правительство Федеративной Республики склоняет к вступлению в западногерманскую армию.

Я согласился с точкой зрения Паулюса. Он утвердительно кивнул мне и, взяв лист бумаги, сказал:

— Я хотел бы закончить свои высказывания обращением... ко всем офицерам и солдатам на востоке и западе нашего отечества: не отмалчивайтесь, когда нужно действовать ради самого существования и будущего Германии!

Глубокое впечатление произвело выступление Фридриха Паулюса 29 января 1955 года в Берлине перед бывшими офицерами Восточной и Западной Германии. Под звуки старой немецкой солдатской песни «Был у меня товарищ» они почтили память павших. Вероятно, большинство из них мысленно дало обет: «Никогда не должно повториться старое!»[1]

В 50-е годы нарастал поток военных мемуаров бывших гитлеровских генералов, всячески пытавшихся фальсифицировать историю. Паулюс отнесся к подобным произведениям крайне отрицательно. Особенно возмущался он книгой Манштейна «Потерянные победы».

«Согласно тому, что здесь написано,— сказал он ле-

---

[1] Адам В. Трудное решение. С. 489—490.

том 1956 года Адаму,— Манштейн совершенно не повинен в гибели 6-й армии. Этот человек сознательно лжет! Всю вину он перекладывает на меня и на Гитлера. Вы сами присутствовали во время почти всех переговоров, которые я вел с ним по радио. Вы знаете, как он скрывал от меня истинное положение на фронте и сковывал мои действия. А теперь этот бывший командующий группой армий «Дон» все передергивает. Он фальсифицирует факты, чтобы ввести наш народ в заблуждение по поводу действительных причин поражения. Этого человека я когда-то глубоко уважал. Теперь же, как и все те, кто ничему не научился, он лживо отрицает свою ответственность за гибель 6-й армии, ответственность за войну и ее горький конец. Пока я жив, я буду выступать против этих его попыток обелить себя. Манштейн, верховное командование вермахта и сухопутных сил, все мы, с самого начала одобрявшие и проводившие политику Гитлера, виновны в этом несчастье. В ком есть хоть искра честности, тот должен признать это и сказать народу правду, чтобы больше никогда не повторился новый Сталинград.

Сын фельдмаршала Эрнст Александр часто приезжал к отцу из ФРГ. Он вспоминал, с какой горечью отмечал Паулюс сознательную и нарочитую предубежденность, с которой реакционные историки старались осветить события второй мировой войны. Бывший фельдмаршал хотел, чтобы немцы верно поняли историю второй мировой войны, сделали для себя необходимые выводы и навсегда отбросили и осудили милитаризм, реваншизм и антикоммунизм, чтобы дружба и сотрудничество с Советским Союзом постоянно крепли. Он искренне радовался успехам ГДР. И где бы ни выступал, всегда подводил слушателей к выводу: «Немцы никогда больше не должны воевать!»

Тяжелая болезнь помешала ему написать фундаментальное исследование о второй мировой войне. Фридрих Паулюс умер 1 февраля 1957 года. На траурной церемонии выступил заместитель председателя Государственного совета ГДР Г. Хоман. Он отметил мужество покойного фельдмаршала, сумевшего после напряженной борьбы преодолеть тяжелый груз прошлого и стать на путь антимилитаризма.

Помнятся встречи в ГДР с бывшими военнопленны-

ми. Во время каждой из них как-то само собой заходил разговор о бывшем фельдмаршале.

— Паулюс был дальновидным человеком, понимавшим перспективу общественного развития,— сказал мне Гейнц Кесслер. (В ту пору он еще был генерал-полковником, заместителем министра обороны республики, начальником Главного политического управления Национальной народной армии ГДР.) — Что касается моей судьбы, то Паулюс оказался даже пророком,— улыбаясь, продолжал Кесслер.— Вскоре после окончания войны он, знавший меня как члена Национального комитета «Свободная Германия», сказал: «Время, когда генералами становились такие, как я, безвозвратно ушло. Теперь генералами будете вы». Как видите, Паулюс оказался прав.

Спустя некоторое время судьба снова забросила меня в Берлин, в уютный кабинет на Францозишештрассе. Здесь помещалось «Рабочее сообщество бывших офицеров»— организация, объединившая в своих рядах тех, кто прошел в свое время сложный процесс прозрения и бесповоротно стал на путь честного сотрудничества с народной властью. В кабинете уже собрались бывшие сослуживцы Паулюса. В их числе — президент «Сообщества» Арно фон Ленски, генерал-майор в отставке Луитпольд Штейдле, майор Леверенц, редактор журнала «Сообщество» Макс фон Хумельтенберг, бывший преподаватель антифашистской школы для военнопленных в СССР, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Бруно Лёвель.

Беседа завязалась с первых минут, как это бывает у хороших друзей. Прежде всего вспоминали эпизоды далеких военных лет, лагерь в Суздале, людей, работавших в нем. Одним из первых вступил в разговор Л. Штейдле. Он с благодарностью и теплотой говорил о том, как я помог поместить его, тяжело больного и до предела истощенного после пребывания в Сталинградском котле, в советский госпиталь. Это, по его словам, спасло ему жизнь.

В те минуты я не мог не подумать о причудливых, на первый взгляд, зигзагах судьбы: бывший командир полка отборной армии гитлеровского вермахта выражает благодарность советскому офицеру, коммунисту... Но ничего необычного в этом нет. Как в капле воды отражается солнце, так и в этом маленьком и незначитель-

ном факте отразилась великая правда жизни. Все закономерно!

Закономерно, например, то, что советский генерал И. В. Виноградов, посылавший под Сталинградом к Паулюсу парламентеров и сопровождавший немецких коммунистов во главе с Вальтером Ульбрихтом на передний край фронта, чтобы донести до окруженных солдат 6-й армии вермахта слова правды и надежды на спасение, после окончания войны многие годы работал военным атташе при посольстве СССР в Германской Демократической Республике. Он внес немалый вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между нашими социалистическими странами и их армиями.

Закономерно и то, что один из немецких солдат, добровольно перешедших на сторону Красной Армии в первые же дни войны, Гейнц Кесслер, в 1984 году был награжден высокой советской государственной наградой.

И снова вслед за этими рассуждениями поворот разговора к имени Паулюса. Помнятся слова одного из моих собеседников:

— Судьба Паулюса была необычной и удивительной, но в его прозрении все-таки не было чуда. Это было закономерно. Причина состояла не только в том, что Красная Армия и весь народ боролись за освобождение своей Родины от агрессора, но и в том, что ваши идеи были справедливы и неоспоримы. Правда была у вас. Умный Паулюс не мог этого не понять.

Воспоминания вернули меня к осени 1943 года. Тогда, прогуливаясь по аллеям лагеря в Суздале, Паулюс после продолжительного молчаливого раздумья сказал:

— Последние месяцы я испытываю такое ощущение, будто бы живу вторую жизнь. Первая осталась где-то далеко, и очертания ее все больше блекнут. Отсчет времени в моей второй жизни начался в Сталинграде...

Вторая жизнь Фридриха Паулюса была намного короче и труднее первой. Но, потерпев сокрушительное поражение как полководец, он одержал самую трудную победу — победу над собой, и сумел честно пройти новый, свободно избранный им самим путь. Путь, который начался на Волге.

* * *

«Лучше дома есть тюремный хлеб, чем в тюрьме домашний»,— гласит мудрая пословица. Да, плен — не-

сладкая доля. И хотелось, чтобы слово «военнопленный» стало навсегда принадлежностью истории. Но для этого необходимо, чтобы из жизни людей исчезало и слово «война». Восстановление исторической правды о судьбе немецких военнопленных, находившихся в Советском Союзе в годы войны, и самом старшем по званию из них — фельдмаршале Паулюсе могло бы помочь в решении этой важной задачи.

— Плен — это всегда тяжелый период в жизни человека,— сказал как-то бывший военнопленный офицер доктор Макс фон Хумельтенберг, ученый-славист, переводчик советской детской литературы. Мы гуляли с ним по улицам Берлина незадолго до 30-летия со дня окончания Сталинградской битвы.

— Жизнь в отрыве от родных и близких, от родной земли — все это очень нелегко. Кроме того, постоянно мучает совесть и за то, что сделано самим тобой, и за то, что совершено твоими соотечественниками. Но советский плен для всех нас стал решающей вехой, рубежом в нашей жизни. Все наши представления оказались опрокинутыми, все наше мироощущение круто изменилось. И, конечно, мы с близкого расстояния рассмотрели советских людей. Они добросовестно лечили нас, одевали, кормили, сохранили нам жизнь и здоровье, давали нам и духовную пищу. Не только мы, но и наши дети и внуки благодарны им за это.

И другой, не менее примечательный разговор. Но он происходит уже в Советском Союзе, в Суздале.

...Идут и идут сплошным потоком туристы по древнему городу. Слов нет, прекрасен он в любое время года. Особенно в конце весны. Сады цветут, наполняя воздух пьянящим запахом черемухи и трав. Купола-луковки церквей, золоченые и расписные, весело проглядывают на фоне зеленеющих вдали полей. На стоянках десятки легковых машин и автобусов — ждут своих хозяев. А те весело и беззаботно бродят группами и в одиночку по улицам Суздаля, надолго исчезают в дверях монастырских храмов и музеев, толпятся у ларьков с сувенирами, лакомятся блюдами в чисто русском стиле в трапезных и погребках, где особым спросом пользуются знаменитая медовуха, монастырская уха, мясо и грибы, запеченные «по-суздальски».

Великолепен старинный Суздаль! Сказочно и таин-

ственно волнует он светлой лунной летней ночью. Идущего по опустевшим улицам прохожего не покидает ощущение, что вот сейчас какой-нибудь голубоглазый молодец выскочит из окна монастырской кельи, а вслед мелькнет женская ручка с белым шитым платком и покажется на миг профиль русской красавицы — боярышни в кокошнике и расписном сарафане, с чудной русой косой...

Мы шли по ночному городу и вблизи главных ворот Спасо-Евфимьева монастыря неожиданно увидели вполне современную пару — ее и его, двух молодых людей, стоявших полуобнявшись и рассматривавших величественные громадные стены Суздальского кремля. Они были в прекрасном настроении — шутили и громко говорили по-немецки. Стоявший неподалеку старенький «фольксваген» с западногерманским номером подтверждал предположение: немцы, туристы из ФРГ.

Мы разговорились. И, действительно, это были туристы из Мюнхена, он — молодой врач, она — художница, окончившая курс обучения. Поездка в Советский Союз — их свадебное путешествие.

Курт и Хельга, так звали наших новых знакомых, успели уже днем побывать в музее, осмотрели город и, смешно, но мило коверкая названия, наперебой демонстрировали широту своих познаний в древнерусском зодчестве и живописи.

— Был ли кто-нибудь из ваших родных на фронте?

— О нет,— ответил Курт,— наши отцы были тогда еще слишком молоды...

— Но, Курт,— сказала с легким упреком его молодая жена,— ты ведь еще совсем ничего не знаешь о моих родственниках... Ведь дедушка Гюнтер («Опа Гюнтер» — так произнесла она) воевал, был ранен под Сталинградом, затем лечился в русском госпитале и был пять лет в плену в России. Когда я была маленькой, я любила слушать его рассказы о России и, как он, проникалась чувством уважения к этой стране, к ее людям.

Как причудливы и неисповедимы судьбы человеческие. Быть может, дедушка хорошенькой немки — солдат или офицер вермахта «Опа Гюнтер» — тоже смотрел некогда на величественные стены и башни Суздальского монастыря. Смотрел с другой стороны, изнутри, где, как и у сотен других его соотечественников, начиналась его вторая жизнь...

Об авторах книги

В семидесятых годах в ФРГ поднялась новая волна неофашизма, реваншизма и антисоветизма. В этот период на Западе упорно распространяется легенда о «мучениках советского плена», «страдальце Паулюсе». Чтобы эта ложь обрела видимость исторической достоверности, в ФРГ издается многотомное сочинение «К истории немецких военнопленных во второй мировой войне». Значительная часть этого труда посвящена «страданиям» немецких военнопленных в СССР.

В 1979 году словно гром среди ясного неба появляется совершенно иного характера издание — книга «Немецкие военнопленные в СССР». Она вызвала в ФРГ настоящую бурю. Дело дошло даже до парламентских дебатов. Реваншистски настроенные депутаты бундестага требовали запретить распространение в ФРГ этой «просоветской» книги. Однако приведенные в ней факты и свидетельства оказались настолько убедительными, что сами западногерманские рецензенты назвали ее книгой «против старой и по-новому препарированной неправды».

Автором этой книги был историк А. С. Бланк. Поколению советских людей, к которому он принадлежал, суждено было узнать фашизм не по книгам: история столкнула их на своих дорогах лицом к лицу.

Александр Соломонович Бланк родился в 1921 году в Одессе в семье юриста и учительницы иностранных языков. Немецким свободно владел с детства. Знал французский и английский. Увлекался техникой и литературой, историей и музыкой.

В 1937 году горком комсомола направил школьника Алика Бланка работать пионервожатым в детский дом для испанских детей, чьи отцы стояли насмерть, спасая от фашистов свою республику. От одесских причалов

шли тогда пароходы в Испанию — с боеприпасами, медикаментами, продовольствием. И вместе с товарищами комсомолец Александр Бланк работал на погрузке судов. Для него, как и других юношей, это была начальная школа интернационализма и священной ненависти к фашизму. А не за горами вставали уже университеты их мужества — долгие дороги Великой Отечественной войны.

Спустя четыре дня после начала войны в Одессе был сформирован студенческий добровольческий истребительный батальон НКВД. Одним из первых в него вступил студент исторического факультета Одесского университета Александр Бланк. Вместе с другими командирами и бойцами он сражается за родную Одессу, участвует в обороне Кавказа. После тяжелого ранения экстерном завершает учебу в университете, эвакуированном в Майкоп. К началу 1943 года молодой историк, несмотря на ампутированное легкое и осколок в ноге, добивается разрешения вновь вернуться в строй.

В 1943—1945 годах А. С. Бланк — офицер-политработник. Ему доверены ответственные задания командования, связанные с работой среди немецких антифашистов и военнопленных. Александр Соломонович отдает все силы решению нелегкой задачи — убедить вчерашних «верных солдат фюрера», что фашизм так же пагубен для Германии и ее народа, как и для тех стран, которые они пытались завоевать.

После войны А. С. Бланк посвятил себя науке и педагогической деятельности. Работал заведующим кафедрой и деканом исторического факультета во Владимирском и Череповецком педагогических институтах. Под его руководством была создана кафедра всеобщей истории в Вологодском пединституте. Доктор исторических наук, профессор А. С. Бланк возглавлял научную школу по истории фашизма и антифашистской борьбы, руководил научной работой более 30 аспирантов, возглавлял Проблемный совет по германской истории при Министерстве просвещения РСФСР.

Имя профессора Бланка широко известно в нашей стране и за ее пределами: перу ученого принадлежит более ста работ. Его книги изданы в СССР, ГДР, ФРГ, Австрии и других странах. В 1964 году в Москве вышла фундаментальная работа А. С. Бланка «Компартия Германии в борьбе против фашистской диктатуры», остав-

шаяся актуальной и до сих пор. «Эта книга,— отмечал видный деятель германского и международного рабочего движения Макс Рейман,— помогает нам в борьбе против фашизма, реваншизма и агрессивных сил».

А. С. Бланк мечтал подробно рассказать о судьбе Паулюса прежде всего своим соотечественникам. Однако впервые книга «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса» вышла в Болгарии и Чехословакии. Александр Соломонович Бланк продолжал работать над советским вариантом этого издания. Но осуществить до конца свои замыслы ему не удалось.

В январе 1985 года профессор А. С. Бланк скоропостижно скончался на 64-м году жизни: сказались фронтовые раны, огромное нервное напряжение и переутомление. На его рабочем столе осталась неоконченная рукопись, представлявшая собой попытку соединить воспоминания очевидца и исследование историка, художественную прозу и документы. Работу над книгой завершил ученик А. С. Бланка, вместе с ним не один год занимавшийся изучением истории антифашистской борьбы, кандидат исторических наук Б. Л. Хавкин.

СОДЕРЖАНИЕ

На 2-й и 3-й сторонках обложки книги фотокопия заявления Ф. Паулюса Советскому правительству.

Документально-художественное издание

Александр Соломонович Бланк
Борис Львович Хавкин

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА

Художественный редактор *А. А. Митрофанов*
Технический редактор *И. Н. Барынкина*
Корректор *Е. А. Платонова*

ИБ № 5043

Сдано в набор 23.02.89. Подписано в печать 23.11.89. Г-27049. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага глубокой печати. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,34. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 11,70. Тираж 100 000. Заказ № 3264. Цена 65 к. Изд. № 1/е-342.

Ордена «Знак Почета» Издательство ЦК ДОСААФ СССР «Патриот», 129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Типография издательства «Омская правда» 644056, Омск-56, просп. Маркса, 39.

Kriegsgefangener und russischer Zivilbevölkerung.

4) Die Angeklagten Keitel, Jodl und Göring tragen eine wesentliche Schuld, dass aus der Katastrophe von Stalingrad nicht die gebotenen politischen und militärischen Folgerungen gezogen worden sind. Sie sind dadurch ebenso wie ihr späteres Wirken für Weiterführen des Krieges in besonderem Grade schuld für alle Verluste namentlich für die des Sowjetvolkes.

Ich selbst trage die schwere Verantwortung, den ich damals bei Stalingrad, wenn auch in gutem Glauben, den Befehlen dieser bewusst verbrecherisch handelnden militärischen Führer gehorcht habe. Ferner trage ich die Verantwortung dafür, dass ich die Durchführung meines Befehls vom 14.I.43 über Abgabe aller Kriegsgefangenen an die russische Seite nicht überwacht habe und für die dadurch entstandenen Todesfälle, ferner dass ich mich der Gefangenenfürsorge nicht mehr gewidmet habe.

Als Überlebender von Stalingrad fühle ich die Verpflichtung, dem Sowjetvolke Genugtuung zu leisten.

efangenenlager,
. 1946

Paulus
Generalfeldmarschall.

65 к.

Унтер-офицер Георг Буркель:

...Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые с нами воюют, не уступают нам ни в одном роде оружия, а в некоторых и превосходят нас... Что касается меня, то я уже сыт войной по горло...

14 декабря 1941 года.

Ефрейтор Карл Мюллер:

Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня... Пусть никто на родине не гордится тем, что их близкие, мужья, сыновья или братья сражаются в России, в пехоте. Мы стыдимся нашей жизни...

18 ноября 1942 года.

Ефрейтор Роберт Ян:

В сущности говоря, мы все больны... Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой...

27 декабря 1942 года.

Унтер-офицер Р. Шварц:

...Дай бог, чтобы я когда-нибудь вернулся домой, тогда я постараюсь открыть людям глаза на то, что на самом деле происходит на фронте...

16 января 1943 года.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА